

Надежда Синельникова

Легенды Амастриды

Дороги, которые мы выбираем, знают,
куда ведут. Но они молчат...

Надежда Синельникова

Легенды Амастриды

«Издательские решения»

Синельникова Н.

Легенды Амастриды / Н. Синельникова — «Издательские решения»,

Мир, каким мы его знали, больше не существует. Ядерная война расколола его на множество островов, где люди подчас ничего не знают о соседях, кроме легенд. Вместе с главными героями нас ждут великое путешествие на край земли, разрушительные войны, испытания и настоящая любовь. Потом они станут легендами Амастриды, а сейчас только самое начало пути...

Содержание

Книга первая	6
Часть 1. Север	6
Рэн	6
Перемены	7
Крэйн	10
Трэйд	12
Рэн	13
Рэн	16
Брайс	18
Брайс. Часть 2	21
Рэн	24
Брайс	27
Трэйд	29
Часть 2. Восток	33
Трэйд	33
Рэн	35
Селена	37
Селена. Часть 2	40
Брайс	43
Маритт	45
Книга легенд	49
Брайс	50
Если бы...	53
Трэйд	54
Брайс	55
Рэн	56
Бегство	57
Часть 3. Юг	61
Брайс	61
Рэн	63
Брайс	66
Талисса	69
Пустыня	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Легенды Амастриды
Дороги, которые мы выбираем,
знают, куда ведут. Но они молчат...
Надежда Синельникова

*И упала я в ноги властелину ненастья, чтобы взял мою душу, дал
короткое счастье, разделенную нежность, жар объятий твоих...*

*Сколь неразумно тебе и мне
Не верить в силу дорог.*

© Надежда Синельникова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

Часть 1. Север

Рэн

Год 752 от Последней войны был страшным годом в Дарлоге. Откуда-то с севера, с самых окраин страны, пришла чума. Люди умирали быстро и мучительно. Умер и король Мерек Марон, и Дарлог остался обезглавленным. У короля было двое детей. Старшей была его дочь от первого брака Рэньяра Марон, высокая белокурая дикарка. Она находила самые укромные уголки во дворце и подолгу просиживала там над древними рукописями, хотя и сама была частью легенды. До сих пор по Дарлогу ходили рассказы о матери Рэн, красавице откуда-то с юга, простолюдинке, которая так пленила владыку рода Марон, что он привез ее в свой заснеженный дворец и женился по обычаям Дарлога. Она умерла, едва подержав на руках малютку-дочь.

Рэн подолгу просиживала где-нибудь на галерее или на балконе и смотрела на заснеженный Дарлог. Зима здесь была вечной. Люди ходили в меховых плащах, и в их домах круглый год пылал в очагах огонь.. Огонь был жизнь и сила. И еще защита от хейлей, так звали жители Дарлога людей с востока. И королевские дети, и дети бедняков знали о мире ровно то, что гласили легенды, или заезжие торговцы передавали одну весть неслыханнее другой. Дарлог тянулся вдоль ледяного сине-зеленого моря на много лиг с севера на юг. Выше, на севере, располагалась страна Гельдоран. Там тоже шел снег, но было теплее. Самые недра Гельдорана сотрясались так часто, что люди не успевали возводить разрушенные стены крепостей. За морем, к востоку, лежало другое государство-остров. Солнце над ним не светило, и небо там было затянуто серолиловыми тучами. О Южном Ситче ходили мрачные легенды. Это была страна хейлей. Рэн никогда их не видела, но говорили, что они способны принимать любой облик, а в полнолуние хейли превращаются в отвратительных существ – хищников с огромными клыками, и убивают всех, кого встретят на пути. Но в обычные дни хейли выглядели как люди, только глаза у них недобро сверкали желтым пламенем.

На границе двух стран был маленький порт Тимбара, где островные народы вели торговлю. Круглый год шли груженные корабли туда и дальше, вдоль побережья Дарлога. Круглый год, кроме времени полнолуний.

Рэн знала и другие легенды, не такие страшные и мрачные. Когда-то не было островов, все это был один материк, цветущий, зеленый. Над ним ярко светило солнце и не было снега. А потом началась Последняя война. Она произошла так давно, что никто не знал, кто стал победителем, но мир раскололся. Небо над Ситчем затянуло тучами, а Дарлог и Гельдоран укрыли снега. Ее любимой легендой было предание об Амастриде – острове, сохранившемся в первозданном виде. Там цветут яркие, ароматные цветы, зеленеют деревья. Только где она находится? По преданию, далеко-далеко на юге, но еще ни один северный человек не видел ее своими глазами.

Когда Рэн была маленькой и нянька укладывала ее спать, ей часто грезились далекие зеленые острова и чудесные люди там. Она просыпалась в темной пустой комнате, а за окнами мел снег.

Рэн поднялась с балкона, где сидела неподвижно уже несколько последних часов. Ноги, обутые в меховые унты, не замерзли, тем не менее, она зябко поежилась и запахнулась в плащ из шкур больших белых хищников, похожих на кошек, только более опасных и огромных.

Белые одежды, символ королевской власти, да золотой, грубой работы обруч на лбу – вот и все, чем она отличалась от других. Дарлог торговал мехами, драгоценными камнями, но добывать и то, и другое было трудно, и короли жили подчас так же скромно, как и их подданные. Она спала в холодной постели, в огромной зале, где гуляли сквозняки. Наверное, беднякам, которые спали вповалку на шкурах в одной единственной комнате с пылающим очагом, было теплее. Но она не знала другой жизни и не жаловалась.

Рэн спустилась в тронный зал, было время обеда. Но на улице вдруг поднялся невообразимый шум. Слышались отдельный выкрики, и она разобрала имя Крэйна. Ее единокровный брат месяц назад вместе с торговцами уехал в Ситч. Сначала его видели в порту Тимбара. Прошли три недели вместо условленной одной, а торговцы не вернулись. В Дарлоге оплакивали смерть наследника, поговаривали, что править будет его шестнадцатилетняя сестра, но на исходе четвертой недели у берегов Дарлога показался корабль с гербом королевского дома Марон.

Рэн выбежала наружу, на яростный, хлесткий ветер. Он сразу же растрепал ее волосы и оснежил ресницы. Горячее дыхание толпы на берегу замирало белым паром. Вот уже видны и люди на корабле, но их так мало! Рэн сразу же узнала высокую фигуру, закутанную в белый плащ. Крэйн! Крэйн вернулся!

Да, это был он, такой же высокий, как сестра, но темноволосый и кареглазый. В пятнадцать лет он держался с достоинством настоящего короля. Он первым спрыгнул на снег Дарлога. Толпа приветствовала его криками восторга. Их правитель вернулся! Он обнял Рэн, кивнул на ходу старому Рину, Ондин, и не оглядываясь пошел к главным воротам дворца. Он держал голову высоко и не смотрел по сторонам. Рэн догнала его и, примеряясь к широким шагам, спросила:

– Расскажи о Ситче, Крэйн! Они и правда превращаются в волков, они убивают младенцев? Там нет снега?

Брат усмехнулся, развернул ее легонько за плечи.

– Не сейчас, Рэн, есть дела поважнее. К тому же ты достаточно взрослая, чтобы не верить этим сказкам о хейлях.

Больше она ничего не слышала. Ей хотелось что-то ответить, но рука Крэйна больно сжала ее плечо. Она подняла на него недоумевающие синие глаза, и в его зрачках сверкнул отсвет желтого огня, или это был отсвет от факелов. Рэн попятилась, не отводя замороженного взгляда от Крэйна. Холодная улыбка растянула его губы: «Иди!»

Рэн не могла сказать, что подействовало на нее сильнее, его рука, причинившая боль, или взгляд чужого Крэйна. А он все так же молча, под приветственные крики толпы шел по тронному залу туда, где возвышалось кресло с резными ручками, трон королей Дарлога.

Перемены

После возвращения Крэйна в Дарлоге начались перемены. Его еще не короновали, а наследник издавал один указ за другим. Сначала на восточной границе был снят караул, гарнизоны сторожевых башен уменьшились. Потом отрядили целую флотилию кораблей в Ситч. «Для торговли», – пояснил Крэйн. Но какая торговля в самый разгар мертвого сезона, когда не достать ни мехов, ни драгоценностей, и метет целыми днями! Народ роптал, но охотники покидали свои очаги и шли в белое безмолвие за шкурами, а другие, вооружившись киркой и факелом, в пещеры у моря за камнями.

Странные перемены начались в Дарлоге. Рэн не узнавала Крэйна. Ни следа от его братской любви и заботливости. Его объятия по утрам, когда они встречались в тронном зале, были слишком долгими, а взгляды пугали Рэн, и она старалась пореже попадаться ему на глаза. Все больше времени она проводила в пустых галереях старого дворца, где когда-то давно пировали

древние короли. Так она и жила: целыми днями бродила по сумрачным переходам, оставляя на тяжелых плитах следы маленьких ног, погруженная в мир иллюзий и легенд, пока все это не закончилось.

Каждое утро Рэн и ее наставник Торн упражнялись в стрельбе и владении мечом. Ей нравилось под гулкими сводами слышать звон клинков или свист стрелы. Умение воевать было жизненно необходимым занятием, для нее же почти единственным. Рэн не знала матери и той, которая объяснила бы ей ее настоящее оружие – молодость и красоту. Она умела пронзить стрелой сердце любого воина. Ей казалось невообразимо глупым туманно улыбаться и отводить взгляд, как это делали ее прислужницы, стоило им завидеть мужчину.

В то утро она была в галерее, когда мальчик из дворца прибежал, выкрикивая: «Госпожа! Госпожа, люди из Гэльдорана!» Клинок и арбалет были отброшены. Пока она бежала по переходам к главному дворцу, мысли обгоняли одна другую. В Дарлоге все жили замкнуто, и гости из соседнего государства – это целое событие. Что им нужно? Уже не раз она слышала, что правитель Гэльдорана Трэйд Нувал хочет развязать войну. «А теперь, когда отец умер, – подумала Рэн, – для этого самое подходящее время».

Но все оказалось иначе. Тяжелые дубовые двери распахнулись, и она увидела Крэйна, гордо восседающего на троне, в отцовской короне и золотой цепи. Рядом стояли послы, тоже богато одетые и вооруженные. Их глава, высокий бородатый силач со шрамом на щеке, оценивающе посмотрел на Рэн. Под его взглядом она покраснела. Какая глупость – явиться сюда прямо с тренировки, в простом плаще, грубых сапогах, волосы растрепались... Да она похожа на любую простолюдинку Дарлога!

Крэйн, сидевший на троне истуканом, вдруг сказал:

– Позволь представить тебе, великий Трэйд Нувал, сестру мою Рэньяру Марон. Она немного дика, но это оттого, что мы живем уединенно. Слуга проводит тебя в твои покои, располагайся, а после заката мы устроим пир в твою честь.

Гость сделал нетерпеливое движение.

– Тогда я дам тебе ответ, не позже вечера!

Послы Гэльдорана вежливо удалились. Вот факелы мигнули в восточной части замка и исчезли. Рэн повернулась к брату.

– Что это значит? Что надо самому Трэйду в Дарлоге?

– Ему нужен мир и союзники против Ситча.

Рэн зябко повела плечами.

– Война все-таки будет?

– Мы стараемся этого не допустить, поэтому Трэйд здесь. Он предлагает целую армию, корабли, оружие.

И тут она начала понимать.

– Но у нас ничего нет, Дарлог давно нищ. Что мы можем дать взамен Трэйду?

И стало тихо, так тихо, что она не слышала, а скорее по движению его губ поняла, что хочет сказать Крэйн. «Тебя». И когда главное было сказано, повелительно добавил: «Иди в свои покои, оденься подобающе. Ты должна быть на ужине.»

... Сначала тонкая белая сорочка, босые ноги мерзнут на плитах и так сжимается горло, что больно дышать. Потом одежда из грубой шерсти... надо завязать все тесемки, одну за другой, как нянечка в детстве... Потом высокие, по колено сапоги, отороченные мехом... ноги перестали зябнуть, но сердце... Трэйд Нувал... Что с того, что он прославленный полководец, если у него ужасный шрам на щеке и он напоминает ей вепря... Сверху белая легкая шкура, тяжелые перстни с удивительными синими камнями на пальцы... Зачем они? Пальцам зябко... Непослушные белокурые волосы наконец собраны на затылке в тяжелый узел. И массивный золотой обруч на лоб. Вот она и королева! Прощай, старый замок, прощайте, легенды об Амастриде!

«У нас ничего нет. Я – главное оружие Дарлога. Я стою всех кораблей, мечей и солдат. Они отдадут меня!»

Медленно и торжественно она вошла в главную залу. Все уже пировали. Крэйн угрюмо пил из отцовского кубка, но глаза его вспыхнули, когда вошла сестра. Трэйд шумно поднялся, хотел подать ей руку, но она молча села сама подле наследника, и Крэйн под столом крепко сжал ей руку, как когда-то в детстве...

– Видно, сестра короля Крэйна столь же дика, сколь и строптива, – вдруг произнес Трэйд. Разговоры за столом сразу стихли.

– Тебе еще не отдали моей руки, великий Нувал, – ответила Рэн. Сердце ее от страха готово было выпрыгнуть из груди. «Это происходит не со мной. Это не я...»

Кое-кто засмеялся, Крэйн улыбнулся ей глазами, а Трэйд промолчал. Пир продолжался. Много ели, пили без меры, было душно от пламени свечей. Не ели только Крэйн, Трэйд и Рэн. Наконец Трэйд не выдержал.

– Владыка Дарлога, я прибыл к тебе, дабы заключить прочный военный союз против нелюдей. Я дам тебе триста кораблей, лучшую свою армию и оружие. Твои границы первые на их пути. Ты же отдай мне в жены свою сестру, принцессу Марон, и принеси клятву верности в войне против Ситча!

Наконец теперь все было сказано. Трэйд погладил бороду и сел. Поднес к губам кубок, но тут заговорил Крэйн.

– Великий Трэйд Нувал, Дарлог не начинал войны с Ситчем. Нашим границам ничто не угрожает. Все это досужие сплетни и выдумки.

– Кому, как не тебе знать это, Крэйн! – вскричал Трэйд. Он вскочил из-за стола, встал и владыка Дарлога.

– Мальчишка! – прошипел Трэйд. – Я знал твоего отца, в тебе же нет ничего от рода Марон! Да и кто лучше может быть осведомлен о делах в Темных скалах, чем один из хейлей! В Ситче ты потерял не только свои корабли, но и свою тень!

Стало так тихо, что слышно было, как потрескивает огонь в камине. Обвинение Трэйда было не просто серьезным, оно было ужасным! Хейли! С незапамятных времен люди севера строили укрепления, воздвигали стены и сторожевые башни, чтобы отгородиться от них. Полуоборотни-полулюди... На севере боялись полнолуний и хищников по ночам. Но хейли не забивались так далеко за море. Все знали, что хейль ничем не похож на зверя до полнолуния. Ничем, кроме одного – у него нет тени!

Крэйн гневно посмотрел на гельдоранцев и с грохотом поставил кубок на стол.

– Думаю, переговоры закончены, Трэйд! Да, ты прав, я ничем не похож на отца. Пришли новые времена. Дарлог не вступает в войну. Я отказываюсь заключать договор на таких условиях.

Гул удивления прокатился по тронной зале.

– Чего же ты хочешь?

– Дарлог беден, Трэйд, но мою сестру ты не получишь! Войны не будет и союза тоже!

Послы Гельдорана разом поднялись, грозно зазвенело оружие. Но они и не думали обнажать его здесь. У дверей Трэйд обернулся.

– Долгого царствования владыке Дарлога, – произнес он старое приветствие. То ли насмешка, то ли угроза слышались в этих словах, никто не мог сказать. Пир был закончен, все молчали.

– Доброго пути, Трэйд Нувал, – выговорил наконец Крэйн.

– Еще четверть луны, Крэйн, – вдруг сказал Трэйд. Потом он перевел взгляд на застывшую Рэн. И так много в нем было жалости и тревоги, что что-то в ней встрепенулось ему навстречу. – Готовьтесь к войне!

Придворные растеряно встали, перешептываясь. Гельдоранцы шумно покинули залу. Еще с порога Трэйд громовым голосом отдавал приказы: «Поднимаем паруса! В путь!..» Все тревожно думали, не начнется ли война с Гэльдораном. А их триста кораблей! Да они сметут Дарлог с лица земли!

Прощаясь после пира с Крэйном, Рэн посмотрела на стену. Но то ли факел в ее руке дрожал, то ли владыку Дарлога окружала такая тьма, что никакой тени ей разглядеть не удалось.

Крэйн

Туман был густой и холодный. Она босая брела по опустевшей земле в поисках чего-то. Она звала всех, кого знала: Ондин, Рина, отца, Крэйна... Ничто не отвечало ей в этом одичалом безмолвии. Война все-таки закончилась. Ничего не осталось. Милосердный туман скрыл тела людей: из Гэльдорана, из Дарлога, Тимбары... все, все они здесь... Остались на съедение хищникам. И вдруг сзади послышался шорох, и справа, и впереди... Потом утробное рычание. Но это не белые кошки, те не любят тумана и прячутся в своих логовах. Сквозь молочную завесу сверкнули желтые глаза и выглянула огромная морда зверя... Хейли! Один бросился на нее из тумана. Последнее, что пронеслось перед глазами, – два ряда острых клыков его пасти...

...С пронзительным воплем Рэн проснулась. В комнате гуляли сквозняки. Она вытерла со лба испарину. В окно сквозь клоки тумана светила луна.

– Полнолуние, – прошептала она сама себе. Сегодня полнолуние. Да, послы Гэльдорана уехали и войны не было, но она запомнила леденящие душу слова Трэйда Нувала: «Еще четверть луны». Полнолуние сегодня. Рэн почувствовала, как по телу пробежала дрожь. Сердце колотилось где-то в горле. Ей стало страшно. Она осторожно выбралась из-под тяжелого парчового одеяла. Босые ноги хлестко обдало ледяным порывом ветра. Рэн сунула их в сапоги, запахнулась в плащ. Ей хотелось оказаться среди людей, у потрескивающего камина. Она взяла факел и стала медленно спускаться вниз. В залах северного крыла было пусто.

– Ондин! Рин!.. – звала она. Собственный голос показался Рэн чужим в пустых коридорах. Только в той зале, где несколько недель назад принимали послов Гэльдорана, горел огонь. Бесшумно Рэн подошла и приоткрыла дверь. Затем охнула и зажала рот руками. У широкого, настезь открытого окна стоял Крэйн в королевском облачении. Казалось, он любит непогодой. Выла метель, и он не слышал ее шагов. Но что-то во всей его фигуре было не так.. Плечи мелко вздрагивали, он тяжело, с хрипом дышал, все его тело сотрясалось так, словно он боролся с чем-то невидимым. Стремительно Рэн шагнула к брату.

– Крэйн!.. Что с тобой? Что происходит, ты болен? – она хотела обнять его закаменевшие плечи, но он отбросил ее руку.

– Иди к себе, Рэн! – голос совсем не мальчишеский, напряженный и повелительный, как у отца.

– Мне стало страшно. Я спустилась вниз, ни Ондин, ни Рина... никого нет. А ты... Что происходит? – снова спросила она. Рэн чувствовала, что если он скажет, это будет что-то очень страшное. Но бороться можно, лишь когда знаешь своего противника.

– Ондин и Рина нет, – странно сказал Крэйн. – Никого нет.

Ей опять стало страшно. Рэн легонько трянула его за плечо.

– Что ты такое говоришь! Как нет? Где они?

И еще до того, как Крэйн ответил, она знала, что услышит.

– Они мертвы, – спокойно произнес Крэйн и повернулся к сестре. На лице его смесь жалости и решимости. Глаза полыхнули желтым и опять стали спокойными. Зато Рэн чувствовала, что, как в болоте, увязает в чем-то страшном все больше и больше...

– Мертвы? Крэйн! Как же... Кто? Трэйд?

Он все молчал, даже не сделал попытки обнять, успокоить ее. Крупные слезы текли по щекам, она все повторяла их имена. Ондин – ее подруга с детских лет, ее союзница во всех шалостях, ее наперстница... И Рин... Сквозь пелену слез, застилавших глаза, Рэн смотрела на Крэйна. И только теперь при неясном свете камина заметила... Она сдавленно вскрикнула.

– Это ты, верно?

Все события последних месяцев наконец сложились в единую картину: и долгое путешествие брата в Ситч, и Трэйд и его предупреждение, и эти странные перемены... Она, как завожженная, все пяtilась и пяtilась к стене, но глаз от Крэйна не отводила. Плечи его ходили ходуном, он весь извивался и содрогался, как в припадке. Наконец он затих и обернулся.

– Я же говорил тебе, Рэн... – в его голосе послышалось рычание.

Да Рэн и без того все видела. Ногти на его руках с ужасающей быстротой отрастали и загибались, лицо вытягивалось и напоминало волчью пасть. И желтые глаза смотрели прямо на нее. Факел в ее руке дрожал. Ей казалось, еще секунда, и она потеряет сознание.

– Я предупреждал тебя, сегодня полнолуние! Это случилось за Черными Порогами. На наши корабли напали ужасные существа, хейли! Мы оборонялись, но их было слишком много... Мы потеряли почти все корабли, горстка людей спаслась. Некоторые были ранены, превращение там начинается очень быстро. Их пришлось убить, всех. Я не пострадал, только царапина. Да и та зажила очень быстро... Я видел, что случилось с остальными, но думал, я сильнее. И все из-за царапины!

Он подошел вплотную к Рэн. Она чувствовала его дыхание. Еще секунда и... Она закрыла глаза, почувствовала на своей шее его когтистую лапу... он гладил ее.

– Моя маленькая Рэн... Неужели ты думаешь, я смогу убить тебя? – Крэйн улыбнулся. Ему это нравится, поняла Рэн.

– Ты той же крови, что и я! Я люблю тебя. Поэтому я отказал Трэйду. Отдать ему тебя? Никогда! Ты моя! – Крэйн хрипло рассмеялся и сжал ее горло.

– Но тут одно недоразумение... Ты – человек, а я уже не совсем... Подумай только, не бояться ночи, быть вдвое сильнее любого из наших воинов...

– А как же люди? Ты убил Ондин и Рина! Как быть в полнолуние?

Крэйн рассвирепел. Он с силой толкнул ее к камину и повернулся к свету. Рэн увидела клыки.

– Нужно лишь не выходить из замка! Я думал об этом. Твоих друзей не вернуть. Но это не важно... Мы! Мы вдвоем! Представь себе этот союз власти и силы!

Он опять двинулся к ней. Рэн спиной почувствовала жар камина. Перед глазами маячило видение из ночного кошмара. Вот бы закрыть глаза и ничего этого не видеть. Свободной рукой она нащупала за спиной серебряную кочергу. Она выставила факел вперед.

– Не подходи ко мне, Крэйн! Не трогай меня!

С рычанием он отбросил факел в сторону. Он упал к окну, и тяжелые занавеси тотчас же занялись в огне. Общими лапами он сдавил ей горло, как в кошмаре, пасть с двумя рядами клыков приблизилась...

– Все будет так, Рэн. Ты моя. Ты той же крови, что и я...

Горячая кочерга обожгла ей пальцы.

– Нет! – с размаху, что было сил, она ткнула ручку кочерги в живот Крэйна.

Глухой вой прокатился по комнатам дворца, совсем близко Рэн увидела пасть оборотня. Но вот хватка ослабла, а на руки ей, все еще сжимающие кочергу, хлынула кровь. Тело Крэйна начало оседать на пол. Ее шатало от страха и слабости, дым мешал дышать. Уже вся комната была в огне. Она видела, как зверь вздрогнул и затих.

– Крэйн... – прошептала Рэн, – Крэйн...

Потом в горле засадило, она судорожно пыталась вдохнуть воздух. Шатаясь, Рэн прошла несколько шагов к двери. Но и она уже полыхала.

– Помогите... – слабым голосом прошептала она. – Кто-нибудь, помогите...

Трэйд

В тронном зале ярко пылали два камина, но все равно было холодно. Уже неделю в Гэльдоране бушевала буря. Владыка Гэльдорана сидел, закутавшись в меховой плащ у камина. Рядом стояли его советники.

Дела на побережье шли плохо. Корабли Гэльдорана подверглись нападению хейлей в Тимбаре. Трэйд Нувал был в бешенстве. Торговые корабли! Черный Ситч объявил Гэльдорану войну!

В юности Трэйд не раз бывал за Черными Порогами и знал, как велика мощь оборотней. Он сознавал, что для Гэльдорана это будет последняя война.

– Дурные вести, ваше величество, – старший советник нахмурился. – В портах за Порогами собирается стотысячная армия хейлей.

– Откуда у них столько воинов? – Трэйд яростно грохнул кубок с недопитым вином об пол. – Они что, берутся из-под земли?

– Можно сказать и так. Ты когда-нибудь слышал о Кровавых Топях, господин?

Трэйд вздрогнул. Да, он слышал о них. Из стариков многие знали о Топях, знали понаслышке. Живыми оттуда не возвращались. Советник наклонился к королю.

– Так вот, господин, – в комнате было очень тихо, может, потому слова прозвучали особенно зловеще. – В Последнюю войну в Кровавых Топях полегли десятки армий разных народов. Но они не нашли покоя. Их тела не предали земле, они плавали в крови и ушли под землю, просочившись и впитавшись с кровью. Их называют немерсис – тени. И кто-то из Ситча разбудил в Топях Зло. Армию хейлей пополняют немерсис.

Трэйд похолодел. Он слышал, что немерсис бессмертны.

– Откуда такие слухи? – он еще надеялся, долгую минуту надеялся, что это заблуждение.

– Их видели у наших границ на востоке, – ответил советник. – Ошибиться невозможно. В облачении, незнакомом никому из ныне живущих, неуязвимые воины с диковинным оружием. А на дороге за ними остается ил из топей.

– Мы не можем их победить, – бесстрастно сказал Трэйд.

– Да, их нужно заставить уйти назад, в топи...

– Как? – Трэйд Нувал отчаянно не хотел верить в эти страшные, ожившие легенды.

– Это может только Хранитель, – тихо ответил советник. – Во всяком случае, так гласит легенда.

В его голосе послышалось недоверие, и Трэйд подумал, что вряд ли есть сила, способная противостоять немерсис. А даже если и есть, как и где искать Хранителя?

– Это будет смертельная битва. Последняя битва Гэльдорана! – торжественно произнес советник, – но мы закончим ее с честью.

Трэйд встал. В королевстве был объявлен военный сбор. Но Гэльдоран мог выставить только восемьдесят тысяч воинов и еще флот – против бессмертного Зла! Им не удалось заручиться поддержкой Дарлога, и теперь их разобьют поодиночке.

– Сегодня я выезжаю на смотр войск. Отправьте отряды к восточным границам! Нужно защитить людей.

Советники зашептались.

– Что такое?

– Ваше величество, в этом уже нет нужды, – тихо ответил старший советник.

– Почему? – в горле у него внезапно пересохло. – Почему?

– Люди на восточной границе уже не нуждаются в защите. Они мертвы.

В зале повисла тишина. Его душило бессильное отчаяние. Долго он прислушивался к звукам с улицы. Вот кто-то въехал в ворота, перебранка с охраной, шаги по пустым коридорам.

– Мой король! Дурные вести из Дарлога! – гонец низко склонился перед Трэйдом. Жестом тот заставил его встать.

– Говори!

Слишком много дурных вестей! Из Ситча, из Топей, из Тимбары, и вот теперь из Дарлога.

– Крэйн Марон, владыка Дарлога, погиб при пожаре во дворце. Погибли все, кроме его сестры Рэньяры Марон. Через три дня ее коронуют. А в Дарлоге ходят слухи, что Крэйна убили, – гонец смело посмотрел на Трэйда. – И что ты, господин, был прав!

Рэн

Тяжелая, скользкая диадема... Выше голову, откинуть назад распущенные волосы, чтобы та не упала... Ровнее шаг по главной Круглой площади, где испокон века коронуют всех владык Дарлога, до большого Королевского трона. Почти двадцать лет назад здесь короновали отца. Чувствовал ли он тогда ту же странную пустоту внутри и растерянность? Ему было почти двадцать, а мне на четыре года меньше... Корона давит на виски, глухая боль... выше голову...

Сразу после пожара боги сжалились над Дарлогом, и небо подарило ливень. И теперь под морозящим снежным дождем Рэн резким движением распрямила плечи. Владыка Дарлога должен твердо и прямо смотреть вперед. Она почти не видела людей, столпившихся по обе стороны площади и приветствующих ее. Ведь здесь не было Ондин, Рина, Крэйна...

После пожара нашли пятнадцать обгоревших до неузнаваемости тел. И только одно Рэн опознала сразу, в груди его торчала серебряная кочерга. И все же по Дарлогу поползли слухи. Их передавали из дома в дом по размокшему снегу те, кто хоронил погибших, те, кто видел когти на последнем, пятнадцатом теле. Скоро неясные слухи достигнут южных границ, Гэльдорана, Ситча...

Наконец, Рэн дошла до трона, по древнему обычаю преклонила колена. Один из старейшин достал из-за пояса кинжал. Рэн бессознательно подняла левую ладонь, обнажила запястье. Еще раз сверкнуло лезвие, и по ее руке на каменные руны зазмеилась тонкая струйка крови. Древний ритуал, жертвоприношение богам Дарлога. Рэн закрыла глаза, губы ее беззвучно шевелились... «Она спрашивает совета у предков», – благоговейно говорили люди.

«Великие боги, дремлющие в снегах Дарлога... моя кровь за кровь моих подданных... Возьмите ее, она чистая, я еще не знала мужчины. Она теплая. Утолите свой голод и согрейтесь. Спасите мой народ от призраков тьмы... И да придет солнце и развеет мрак. И увидим мы тени...», – закончила она молитву заученными с детства словами. Предполагалось, что в день коронации избранные разговаривают с богами. Но внутри была страшная пустота. И ни единого слова. Она старалась представить, что говорили здесь все ее предшественники, отец, Крэйн... Но наитие ничего не подсказало. Она была одна. Старейшина помог ей подняться. И вот она сидит на троне, крепко сжимая резные подлокотники. Но вдруг тонкие брови недоуменно изогнулись. Что это? Обман зрения? Сквозь пелену мокрого снега к трону приближалась процессия людей. Внезапно сердце болезненно екнуло и билось где-то в висках, пока высокий человек со шрамом в небрежно накинутом меховом плаще подходил к трону. «Да что же это? – проносились в голове перепуганные мысли, – Я надеялась, что больше никогда его не увижу. Он хотел купить меня! Зачем он здесь?»

Вот уже Трэйд церемонно склонился перед новой королевой Дарлога. Рэн встала, ноги были как ватные. Ей казалось, еще шаг, и она упадет.

– Долгих лет владыке Дарлога! – произнес Трэйд. «Он говорил это Крэйну, луну назад, – подумала вдруг Рэн, – а теперь Крэйн мертв...»

– Добро пожаловать, Трэйд Нувал, – наконец выговорила она. – Что привело тебя в Дарлог?

Трэйд бросил на Рэн настороженный взгляд: «Потом», широким жестом указал назад. – Прими дары, королева!

И потянулась вереница с коваными сундуками из Гэльдорана: тяжелые дорогие украшения, диковинные одежды, искусно вырезанные из металла статуэтки, оружие... Северные люди сначала с недоверием, а потом благосклонно смотрели на эти богатства. Но все помнили про корабли и армию гостей.

В честь прибывших устроили пиршество. В жарко натопленном тронном зале в свете сотен мерцающих свечей Рэн сидела напротив Трэйда и мелкими глотками пила вино. Ей было душно, недоброе предчувствие сжимало сердце. Мысли упорно возвращались к одному и тому же. В этом зале месяц назад принимали послов Гэльдорана, сюда вывели ее, единственное сокровище Дарлога. Но вдруг все изменилось. Рухнули надежные стены ее мира, и вой ветра ворвался в ее жизнь. Рэн и сейчас больно было смотреть на обожженные пожаром стены. Царапины на шее и груди зажили удивительно быстро, но сердце... сердце не могло забыть ужас, когда она столкнулась со своими детскими кошмарами здесь, наяву. Однако тишина затянулась.

– Так что же привело тебя в Дарлог, Трэйд Нувал?

Он испытующе посмотрел на нее через стол.

– Дарлог в опасности, – просто ответил Трэйд.

– А что до этого вам? – ответила она таким же настороженным взглядом.

– Хейли.

Она вздрогнула. Вопреки всем своим уверениям, ей показалось, он знает, знает, как погиб Крэйи. Хейли были среди них.

– Они начнут войну со дня на день. Я предлагаю помощь. Мы можем выстоять, до полноты еще есть время. Мой флот и армия, ваши порты и выходы к морю...

Она задыхнулась от возмущения, резко вскочила на ноги.

– Твой флот, Трэйд? Твоя армия?! А что взамен? И не стоит лгать про наши порты! А ваши восточные границы, самые близкие к Ситчу? Ты хочешь получить взамен меня!

Трэйд огляделся, но за отдельным столом, где расположилась королева и он, их никто не слышал. Резкий порыв ветра задул сразу с десятков свечей, и в наступившем полумраке Рэн взглянула в искаженное, хмурое лицо Трэйда.

– Мои восточные границы опустошены. Там не осталось ни одного человека. Одни мертвые тени. Тимбара захвачена хейлями. У северных границ стоят их армии, и у ваших границ на востоке – тоже. Мы в отчаянном положении, Рэн. Я хочу объединения, – он усмехнулся. – И уверяю тебя, если бы я хотел тебя, я не стал бы прибегать к армии и флоту. Я могу добиться тебя иначе.

Сказанное так напугало Рэн, что не сразу она поняла его последние слова. Он и не хотел ее, только союза. Но это значит... значит, армия Гэльдорана не так сильна, как все считают. А Дарлог уже давно ни с кем не воюет. И откуда... она с трудом сглотнула комок в горле.

– Откуда у Ситча столько армий?

Ну вот, сейчас или никогда! Но она должна знать, с каким врагом им предстоит биться.

– Это не только хейли.

– Не только? – удивленно переспросила Рэн. – Ведь кроме Дарлога, Гэльдорана и Ситча ничего нет...

– Немерсис. – выдохнул Трэйд. И вдруг понял, что отныне, когда он произнес это слово, опасность стала реальной, как бы призрачны ни были сами немерсис.

– О, боги! – прошептала Рэн, – Нам их не остановить, Трэйд! Это конец.

Внезапно она почувствовала себя совсем маленькой и слабой. «Я не знаю, что делать!» – билась беспомощность в ее сердце. И никто не знает. Трэйд перехватил ее взгляд.

– Нет, Рэн! Это начало! Мы будем биться, даже зная, что обречены. Наши души они не получают!

Его ярость немного отрезвила Рэн.

– Но мы не знаем, кто Хранитель, – задумчиво произнесла она. – А даже если и узнаем, искать его придется долго. Вряд ли у нас есть столько времени.

– Ты знаешь древние легенды? – Трэйд ошарашенно смотрел на нее. Рэн вымученно улыбнулась ему.

– Только это я и знаю, Трэйд. С самого детства я росла, слыша со всех сторон голоса древности. Раньше, чем узнать о Дарлоге, я узнала о Последней Войне, благословенном острове, немерсис... Ночами они приходили ко мне во сне призраками прошлого. Они были мне даже ближе родных...

Внезапно он увидел ее другой: не высокомерной принцессой Гэльдорана, не красавицей с таким язвительным взглядом, что он ожег его тогда, месяц назад. Это была маленькая, хрупкая девочка, одинокая и заброшенная в этом холодном дворце. Ему захотелось согреть поцелуями ее сердечко. Какой беспомощной должна чувствовать себя эта молодая королева Дарлога, если она знает о древних сказаниях больше, чем о нынешнем состоянии дел! И еще он физически узнал, почувствовал ее одиночество и растерянность. То же было и с ним, когда он услышал о немерсис.

– Хорошо, Трэйд, – сказала она. – Завтра мы подпишем союзный договор. Завтра мы оба дадим клятвы верности у Храма Богов. И завтра мы начнем искать Хранителя.

Он посмотрел на нее с уважением и восхищением. Настоящая дочь королей! Она встала и направилась к двери. Пламя свечей золотило ее кожу и волосы. Ее узкие плечи дрогнули.

– Рэн! – неожиданно охрипшим голосом окликнул он. Рэн обернулась, слабо улыбнулась, но в глазах было отчаяние.

– У меня есть кое-что для тебя.

Он торопливо достал из складок плаща что-то хрупкое и шелестящее и протянул ей. Осторожно она разглядывала поблекшую лиловую веточку в своих ладонях. Она издавала слабый аромат, как курения в комнате. И вдруг Рэн поняла.

– Это цветок!

Трэйд улыбнулся.

– Ты, наверное, знаешь из легенд, что мужчина дарил женщине цветы. Ты напомнила мне этот цветок. С того дня, как ты вошла сюда со своих тренировок, я думал о тебе.

– Но цветов больше нет, – растерянно сказала Рэн. – Только одно место осталось таким, как до Последней войны! Амастрида! Ты привез его оттуда?

– Нет. Его привез один странник с южных морей.

– Но он был там? Он что-нибудь сказал?

Поразительно, как она верит в эти сказки про землю обетованную!

– Он ничего не сказал. Он умер от лихорадки у меня во дворце. Но цветок остался, и он твой.

Рэн смотрела на него и удивлялась, почему теперь Трэйд не кажется ей таким ужасным. Даже глубокий шрам на щеке свидетельствовал о его мужестве. Его голос заворожил ее. И она стояла, сжимая цветок в ладони, не находя в себе сил уйти, и ждала чего-то. Вот он берет ее за руку, целует... С ним надежно, он один не боится...

– Добрых снов, королева, – слегка насмешливо произнес он. И прежде чем она успела ответить, Трэйд прошел мимо нее, широко распахнул двери в общую пиршественную залу, чуть помедлил.

Сердце ее билось, как тысяча колоколов. Ее обжег жаждающий и серьезный взгляд Трэйда. Потом он медленно притворил двери. Свечи дрогнули от сквозняка. А она все стояла и ждала чего-то, пока по коридорам медленно затихали шаги Трэйда.

Рэн

После того памятного дня коронации время полетело так быстро, что Рэн не успевала это осознать. На следующий день перед Храмом Богов она и Трэйд дали клятвы верности в союзе против хейлей. Люди вокруг них уже не были напуганы, они были хмуры, злы и полны решимости. Начать поиски Хранителя было невозможно без того, чтобы не услышали о Немерсис. Опасность стала почти зримой. Ей пахло в ледяном воздухе. Часто ночами, лежа без сна, Рэн вздрагивала, когда из-за ветра свет отбрасывал неясные тени. Тогда она широко раскрывала глаза и отчаянно вглядывалась в ночь вокруг себя. Почему простолюдники могли спать спокойно, прижавшись к сильному и теплому телу любовника или мужа, а она вынуждена дрожать от страха и холода здесь, одна!

Временами ей снился сон. Никого в Дарлоге не было. Она одна ходила по дворцу, по городу, натываясь на обледенелые стены домов. И ни единой живой души. А потом сквозь туман и снег до нее доносился вой. И безумная неудержимая радость наполняла все ее существо. Рэн поднимала голову вверх, там на черном небе сияла луна.

С криком она просыпалась и долго потом лежала без сна. Сны напоминали ей то, что она и так слишком хорошо знала – полнолуние приближается.

Хранителя искали во всех трех королевствах, и все бесполезно. Иногда Рэн с тоской думала, что все это и правда сказки. Но потом другая мысль леденила ей кровь. Немерсис! Немерсис вполне реальны, и они все ближе и ближе.

«Почему, – думалось ей, – Я не могу прожить счастливую и спокойную жизнь, мирно и мудро управлять Дарлогом, выйти замуж за Трэйда, родить ему сыновей... Нет, им всем суждено погибнуть в этой страшной схватке. А так хочется жить, любить кого-то...»

Рэн чувствовала, что в ней пробуждаются дотоле неведомые, дремавшие внутри чувства. Никогда еще она так остро не ощущала жизнь. Днем она ездила на смотр войск, на сторожевые укрепления и пограничные башни, днем все были лихорадочно заняты подготовкой к войне. Но ночью ей не было покоя. Ее комнаты находились недалеко от покоев, отведенных Трэйду. Во дворце теперь было безлюдно. После пожара в залах прислуживали горожанки Дарлога, но на ночь почти никто из них не оставался. Иногда она слышала, как он меряет комнату шагами. О чем он думает? О мести за своих подданных с восточных границ? О том, что скоро погибнет? Испытывает ли он страх и одиночества, как она?

Рэн резко поднялась с постели, в голове шумело, горячий ток крови окрасил ее щеки румянцем. Небрежно она накинула на сорочку меховой плащ. Полнолуние через неделю, даже раньше... И ей было страшно.

Стражи перед дверью Трэйда не было. Она приоткрыла ее и замерла. В ту же секунду у ее горла просвистел меч и остановился. Трэйд опустил его.

– Ваше величество... – факел в руках у Рэн колебался, в неясном золотистом свете он увидел испуганную девочку, дрожащую в своем меховом плаще.

– Что-то случилось? – он убрал меч и сел на ложе. Рэн заметила, что он одет, а к покрывалу никто даже не притрагивался. Он тоже не спал этой ночью.

– Я хотела... – в голове ее не укладывалось, что он чуть не убил ее. Хотела... А чего собственно она хотела?

– Я не могла заснуть... и никого не было, даже стражи... Я подумала...

Трэйд молча смотрел на нее. Под его испытующим взглядом Рэн умолкла. Она стояла перед ним и чувствовала, как жаркая волна румянца заливает лицо. Рэн проклинала себя за то,

что пришла. И когда она уже собралась бежать отсюда, Трэйд встал. Он подошел так близко, что Рэн видела только его глаза. В них была мучительная борьба с собой и желание. Дыхание ее сбилось. Ей хотелось отвернуться, закрыть глаза, но она не могла. Его рука неуверенно коснулась ее щеки и смелее – ее плеч и груди. Он ловко расстегнул плащ, и она осталась в простой белой сорочке. Его горячие пальцы уже развязывали тесемки.

– Рэн... радость моя... Я не должен так с тобой поступать... ты мне еще не жена... – услышала она его взволнованный шепот. Сама не понимая, как это произошло, она всем телом прижалась к нему, обвила его руками и ногами. Он коснулся губами ее шеи, скользнул ниже. Рэн боялась шевельнуться, чтобы он не остановился. Это были новые упоительные ощущения, и она отдалась им целиком.

Внезапно Трэйд замер, отстранился от нее. Рэн тяжело дышала, сорочка была расстегнута, волосы рассыпались по плечам, и она ничего не понимала.

– Что... случилось?

– Что случилось? Ты меня спрашиваешь? – он схватил ее за руку и подтащил к большому зеркалу в стене. Было полутемно, и Трэйд поднес факел. В его свете глаза Рэн в зеркале полыхнули желтым. Она увидела блудницу, желавшую мужчину, готовую отдаться ему. Дрожащей рукой она запахнула было сорочку.

– Нет! – Трэйд встряхнул ее за голое плечо. – Что ты задумала?

– Задумала? Я не понимаю...

Он больно сжал ее запястье.

– Не понимаешь? В самом деле? А это ты можешь объяснить?

В зеркале Рэн увидела шрам на своей золотистой коже. Он уже зажил и не болел. Трэйд рванул ее сорочку вниз. Рэн вскрикнула от неожиданности. Теперь она стояла обнаженная и видела свое отражение в зеркале. У ног валялся меховой плащ.

– Откуда эти шрамы? – на шее и на груди тонко белели зажившие царапины.

– Месяц назад, когда погиб Крэйн, был пожар... Я поранилась о стену, наверное...

– Это раны от клыков... и когтей...

И тут она начала понимать. Ее затрясло.

– Нет! Нет! Я не могла... не могла... – из зеркальной глади на нее глядели чужие глаза. Лицо начало раздваиваться, меняться. Она дико закричала.

Она очнулась оттого, что зеленая и мягкая трава щекотала щеку. Приподнявшись на локте, она сощурилась от света. В чистом ярко-голубом небе сиял золотой жаркий шар. Солнце. Она лениво потянулась, чувствуя первобытную животную силу и легко поднялась на ноги. На берегу реки, где она лежала, росли цветы, их было много. Она склонилась над водой, черные волосы упали в воду. Рукой она зачерпнула ее, отражение пошло кругами и исчезло...

Когда Рэн пришла в себя, Трэйд гладил ее по голове и укачивал, как маленькую. На плечи ее был накинут плащ.

– Трэйд! Это ведь неправда! Я не могла... Он не кусал меня...

– Но он поранил тебя.

Рыдания постепенно стихли. Большие синие глаза встретились с его взглядом.

– В ту ночь, когда это случилось, Крэйн сказал, что я принадлежу ему. Потому он отказал тебе. – Трэйду стало не по себе, а Рэн продолжала. – Он хотел, чтобы я осталась с ним. Он победил.

– Нет, Рэн! Битва только начинается!

Она встала, запахнула плащ, хотя холода не чувствовала. Все происходящее казалось нелепостью, ненужной драмой.

– Для тебя, да и для всех лучше было бы, если бы я умерла тогда, во время пожара, – горько сказала она, старательно избегая его взгляда.

Он видел, что Рэн уже приняла решение, и ничто не может поколебать его. Он отчаянно искал слова.

– Подумай! Ты обладаешь их мощью. В полнолуние ты станешь неуязвимой. Ты нужна нам! – Ему хотелось крикнуть «Ты нужна мне!», но вряд ли это поможет после всего, что произошло.

Крэйн говорил тоже самое, почти слово в слово. Трэйд не особенный, он тоже предаст при возможности. Дура! Глупая маленькая Рэн опять ошиблась. Чужой насмешливый взгляд полоснул его лезвием. Она искривила губы, но улыбки не получилось. В наступившей тишине оба слышали голоса часовых за стеной и шум просыпающегося города. Наступил рассвет.

– Да, Трэйд, ты прав, – слова давались ей с трудом, она ни разу не взглянула на него. – Я еще нужна вам.

Она встала и вышла не оглядываясь.

Вот и все. Она шла по коридорам, а гулкое эхо разносило ее шаги. Прощайте, родные стены, комнаты, потайные ходы! Ей казалось, дворец уже отодвинулся от нее, отгородился. Она шла, а сердце выстукивало: полнолуние уже скоро! Не будет любви, и Трэйда в ее жизни тоже не будет. Постепенно ее охватывал страх. Наконец она остановилась посреди тронной залы, ледяная рука сдавила сердце. А что будет, если она не справится со своей новой сущностью, как Крэйн, и убьет всех?

Брайс

Весь день Рэн и владыка Гэльдорана провели у границ, на укреплениях. Вечером Трэйд сразу ушел к себе, а Рэн еще долго не могла заснуть. Она сидела у распахнутого окна и смотрела, как сквозь рваные тучи проглядывает луна. На улице мело, и от ветра в комнате задувало свечи. Хотя теперь ей не было холодно, а от яркого света резало глаза. По-кошачьи гибким движением она спрыгнула с подоконника. Рэн чувствовала, как меняется все ее существо. Страх уже не было, ибо она знала, во что превращается. Времени так мало, оно утекает, как песок сквозь пальцы... А ведь она еще не жила, ничего не видела, никого не любила... Все родное из прошлой жизни разом отступило и словно потеряло свою цену. Для существа, каким она становилась, это уже не имело значения.

И все же иногда ей было страшно. Ее новая натура была чужой и хищной. Словно повинаясь какому-то неясному порыву, Рэн встала на обледенелый карниз и, не теряя равновесия, прошла вдоль замерших черных окон. Это оказалось легче легкого. Она глянула вниз, далеко на земле чернели крыши домов и змеился крепостной ров. Рэн знала, что не упадет, почти перешагивая из окна на крепостную стену. Собственное превосходство и неуязвимость горячили кровь. Она проделала еще несколько опасных трюков и горестно замерла. Зачем это все, если она – изгой! И на какую-то долю секунды она поняла Крэйна, его страх и одиночество. Он просто хотел, чтобы кто-то остался рядом, он был не чудовищем, а одиноким, напуганным мальчишкой. Волна жалости к нему и к себе затопила Рэн. Почему, почему это происходит с ними? Она сжала кулаки и яростно затрясла ими.

– Будь прокляты хейли! Мерзкие чудовища! Будь они прокляты...

– Истинно так!

От неожиданности Рэн едва не свалилась со стены. Внезапно вся ловкость куда-то делась, ноги стали ватными и едва держали ее. Она увидела совсем рядом с собой юношу, он стоял в тени у стены, небрежно прислонившись к ледяной поверхности, и разглядывал ее. В смятении она только заметила на нем одежду вольных торговцев южных портов и кинжал на поясе. Сперва она решила, что это бандит, но он не предпринял никаких попыток ни напасть, ни ограбить ее, просто стоял и смотрел.

– Хорошее время для прогулки, – совершенно серьезно произнес он, – правда немного ветрено и темно... но пока я с вами, ваше величество, ни один волос не упадет с вашей головы!

В его глазах плясали веселые искры, и Рэн против воли рассмеялась.

– Я – Брайс! Будем знакомы... – он протянул ей руку, но Рэн ее не взяла и неловко спрыгнула сама, едва не вывихнув ногу.

– Что Вы делаете во внутреннем кольце замка? Простолюдинов сюда не пускают... – сказала Рэн и осеклась от собственной бестактности. – То есть, здесь стража, а они...

Она покраснела и умолкла. И вдруг он расхохотался. Звук его смеха прокатился по тихим анфиладам дворца, и Рэн подумала, что не помнит, чтобы здесь кто-то так заразительно и живо смеялся после ее матери... А Брайс все смеялся и смеялся, потом вытер набежавшие на глаза слезы.

– Вас этикету не учили, – утвердительно изрек он. – А стража наверняка схватит меня, если заметит, но пока не заметила. – Он озорно сверкнул белозубой улыбкой.

– Так что Вы делаете здесь?

– Хотел собственными глазами увидеть королеву Дарлога, и мне повезло!

От него исходили какая-то бешеная, кипучая энергия и веселье. Но он был значительно старше, чем ей показалось сначала. Загорелый лоб бороздили морщины, суровая складка меж бровей, лицо пересекало несколько тонких заживших шрамов. Глаза смотрели открыто, но было в них что-то вселявшее тревогу, что-то темное. Он выглядел мальчишкой, но пережившим слишком много испытаний. Рэн чувствовала, что незнакомец начинает ей нравится.

– Ты – вольный торговец?

– Сегодня да, а завтра, может, примкну к твоей армии. Я долго не задерживаюсь на одном месте, у меня нет обязательств.

– У всех есть обязательства, – сказала Рэн

– У меня нет, – упрямо повторил Брайс.

– А перед семьей? У тебя же есть семья?

Он болезненно вздрогнул и отвернулся.

– Была...

Память услужливо нарисовала лачугу на берегу Южного моря, одной стеной прилепившуюся к портовому складу. В небе неистово кричали чайки, а он, босоногий, собирал ракушки на отмели и жадно разглядывал приходящие в порт корабли. Тогда Тимбара процветала, в порту были корабли северных людей, и Ситча, и узкие длинные лодки с Южных островов. Брайс набрал полную пригоршню гальки на случай, если шайка городских детей опять вздумает дразнить его ублюдком портовой шлюхи. Его красавица-мать никакая не шлюха, она ждет, когда отец приедет за ними! Красивое, но изборожденное ранними морщинами лицо матери всегда становилось суровым, когда Брайс убегал посмотреть новые прибывшие корабли в тщетной надежде, что отец приплыл на одном из них. Отца он никогда не видел, а мать тоже не говорила, кто он. Ему было семь лет, он был невысоким худеньким мальчишкой. В тот день пришел диковинный корабль с окраин Топей, но на причал с него никто не спустился. Мальчишки хорохорились, спорили, у кого хватит смелости добежать и дотронуться до кормы.

– Это корабль проклятых, у того, кто к нему прикоснется, рука отсохнет! – выкрикнул Мейс Марр, заводила обидчиков Брайса. – Я к нему не пойду, я не дурак!

– Ты просто трус, – вдруг сказал Брайс, – Я пойду!

Мальчишки зашептались, раздались смешки. «Сейчас, – подумал Брайс, – я докажу им, чего стою, или они забьют меня когда-нибудь камнями». Ему было страшно, но отступить было поздно. Он пробежал по гладким горячим камням до причала, перепрыгнул через ржавые цепи, вдохнул полной грудью воздуха и во всю прыть понесся к корме корабля чужаков. Он хотел только дотронуться до бока корабля и бежать назад, но на корме кто-то был. В сгущавшихся сумерках он услышал шаги по деревянным полам. От тяжелой ровной поступи доски

жалобно заскрипели. Брайс едва дышал от страха, но все же, повиснув над водой, подтянулся на гибких руках и заглянул на корабль. Огромная, закованная в железо фигура молниеносно обернулась, и на Брайса посмотрели маленькие красные глаза. Ему показалось, они светились сквозь прорези в шлеме чужака. В следующую секунду он от испуга разжал руки и упал в воду.

Уже на берегу, отплевываясь от воды, он грубо отпихнул Мейса, тащившего его из воды.

– Что ты видел? Там кто-то был?

– Никого там не было, – угрюмо пробубнил Брайс. – Корабль как корабль, пустой...

Мальчишки с уважением глядели на него, а Брайсу хотелось плакать. Он знал, что никогда уже не забудет этот леденящий взгляд. Он понуро заковылял домой и даже не притронулся к еде, хотя всегда был полуголодный.

Ночью он проснулся в звенящей тишине от нехорошего предчувствия, которое никогда еще не подводило. Он встал с кровати и хотел пойти к матери, которая спала в другой комнате. Звук открываемой двери пригвоздил его к месту. Кто-то двигался бесшумно и быстро. В следующую секунду он услышал, как вскрикнула мать. Брайс испытал животный страх, заставивший его вжаться в тонкую плетеную стену, но не смотреть он не мог. Лицо матери оказалось почти перед его глазами, ее горло сжимала огромная рука, закованная в железо. Кто-то приподнял ее над землей.

– Где он?

– Я не знаю... Даже если бы знала, не сказала бы...

В следующую секунду раздался хруст позвонков, и Брайс увидел остекленевшие глаза матери. Он беззвучно закричал. Убийца, казалось, все равно услышал его, через прутья стены Брайс увидел красные глаза, в упор смотревшие на него. Потом услышал глухой звук упавшего тела. Его трясло, от слез он ничего не видел. Так его и нашли на утро, полуослепшего от плача, онемевшего от пережитого ужаса. По портовым лачугам поползли слухи, что за матерью Брайса приходили немерсис. Но никто им не верил, кто такая эта шлюха Айяна, чтобы за ней послали смертоносные тени? Корабля чужаков в порту наутро уже не было. Брайс, долгие ночи лежа без сна, думал, что если бы он не потревожил тогда их корабля, они не пришли бы за мамой. И кого она защищала до последнего вздоха? Кем был его отец, что за ним послали немерсис?

Постепенно воспоминания о той ночи потускнели, и он уже не был уверен, что кого-то видел. Он отправился в свое первое плавание на корабле из Ситча, просто спрятавшись в тюках с товаром. Работал за еду и постель, научился владеть кинжалом и мечом... Потом был наемником, торговцем, обзавелся даже своим кораблем, но потерял его в шторм... Жизнь была суровая, но лихая, бесшабашная. И все же на дне памяти жил испуганный мальчишка, он все так же беззвучно кричал и кричал там. И Брайс знал, что все дороги неумолимо влекут к встрече с немерсис. Теперь он не испуганный мальчик, а мужчина, он должен отомстить, или хотя бы попытаться. Поэтому он приплыл в Дарлог. По городу ходили дичайшие слухи, будто бы немерсис идут на Дарлог, королева сама оборотень и по ночам пьет кровь прохожих. В захудалой харчевне, где он остановился на ночлег, сально обсуждали прелести молодой королевы и ее возможный брак с гальдоранцем. Ему захотелось самому взглянуть на девушку, он стал расспрашивать хозяина харчевни.

– Торговцев туда не пускает стража... Да ты и на торговца-то не похож, а на кого похуже, таких сразу в тюрьму...

Тем не менее, он рассказал, как пробраться поближе ко дворцу. Брайс сперва поверить не мог, что девушка на стене – это и есть королева Дарлога. Он стоял рядом и боялся ее запачкать своим присутствием, было в ней что-то чистое и цельное, за что не страшно умереть. И впервые Брайс чувствовал, что нашел то, ради чего стоит жить.

Брайс. Часть 2

Луна уже давно скрылась за рваными тучами, а Брайс и Рэн все сидели в заброшенных покоях старого замка и разговаривали. Брайс рассказал о своем плавании к мысу Южного Рога, о диковинных обычаях других народов... Рэн с изумлением слушала и понимала, как мало она знает о мире. Кроме Ситча на востоке и юге было еще множество мелких государств, племен и народов. На Южных островах жили высокие смуглые люди, которые даже говорили на незнакомом наречии, на юге от Ситча, на окраине Топей, тоже жили болотные люди, они плавали на узких длинных лодках и привозили в Тимбару и другой портовый городок, Кинею, коренья, которые использовали лекари и знахарки в своих эликсирах. О племени, жившем на острове Эйна, даже Брайс знал совсем мало, они почти не торговали с севером, знали колдовство и приносили своим свирепым богам человеческие жертвы. Широко открыв глаза, Рэн с замиранием сердца слушала диковинные истории нового знакомого. Как много он знает, сколько всего видел! А она всю жизнь провела в своем замке добровольной пленницей!

– Мир так велик... хотела бы я когда-нибудь увидеть те острова, о которых ты рассказываешь, услышать сама чужую речь... – Рэн тяжело вздохнула и зябко повела плечами, время сказок заканчивалось.

– Возможно, когда все кончится, я покажу тебе все места, где сам побывал, – тихо ответил Брайс.

– Когда все кончится... да, возможно... – Рэн ни капли не верила в это, он видел по ее глазам, и тогда он кое-что придумал.

– Ты говоришь, что не видела мир за стенами дворца, я пообещал, что покажу его. И мы начнем с твоего города! – и поскольку Рэн непонимающе смотрела на него, продолжал. – Я покажу тебе не только стены и укрепления, ты увидишь своих людей, услышишь их разговоры, поймешь их надежды, попробуешь их жизнь!

И Рэн поняла, что хочет этого, предчувствие маленького приключения горячило кровь, окрасило румянцем щеки. Она быстро накинула плащ для тренировок, простой, темно-синий, из грубой шерсти. Брайс взял ее за руку, ему почему-то казалось, что он крадет ее, делает что-то непозволительное, но она сама хотела!

Словно убегая из собственного дворца, Рэн оглянулась и увидела в окнах Трэйда свет. Кольнуло неприятное чувство стыда, словно она совершает что-то запретное. Быть с Трэйдом было правильно, Брайс же казался ей опасным и непредсказуемым. Она тряхнула головой, прогоняя эти мысли, и повела его через узкие коридоры к выходу.

В городе было шумно илюдно. В Дарлог приехали люди Трэйда, наемники с северных окраин, торговцы из Тимбары... В харчевнях не было пустых столов и комнат для ночлега, на запорошенных улочках они сталкивались с воинами несколько раз. Однажды в безлюдном переулке они увидели лучника с девушкой. Кольчуга и лук валялись в снегу, на девушке оставалась только сорочка, задранный до пояса, она обнимала мужчину и что-то бессвязно шептала. Брайс ухмыльнулся и подмигнул лучнику, а Рэн покраснела и глядела себе под ноги большую часть прогулки.

У харчевни Северных ворот они остановились. Через приоткрытую дверь до них доносились громкий хохот и пьяные песни. Брайс хотел пройти мимо, но Рэн влекло туда, в шум и веселье, она так устала от тишины заброшенного замка.

– Накинь капюшон, – прошептал он ей в самое ухо, и жаркая волна обдала ее щеки, так близко оказались его губы.

Быстрым движением она набросила ткань на золотые волосы, и оба вошли внутрь. Камин коптил и почти не давал тепла, но посетители не обращали на это внимания. Почти все столы были заняты веселящимися солдатами и горожанами, полураздетые служанки охотно позво-

ляли хватать себя где пониже, пока разносили выпивку и мясо, несколько даже сидели на коленях пирующих и пьяно хихикали. Брайс почти силой потащил опешившую девушку к дальнему пустому столу, свирепо глядя по сторонам, не возникнет ли у мужчин желания тронуть Рэн. Едва дыша от страха, она вцепилась в Брайса.

– Не бойся, они тебе ничего не сделают. Они просто веселятся.

– Веселятся! Как можно веселиться, когда на нас движется целая армия? – воскликнула Рэн.

– Они знают, что скоро умрут, и надежды никакой нет. Так почему бы не порадоваться перед смертью, не пить, не любить женщин, не драться... Это единственное, что нам всем осталось.

Брайс видел, что она ни на минуту не забывает о грозящей гибели, что она словно вся заледенела от этого ожидания и не может по-настоящему радоваться ничему. Он взял две кружки кислого вина, Рэн закашлялась, но выпила свое. Несколько солдат затянули хмельными голосами песню. Рэн ее хорошо знала и в лучшем исполнении, от фальшивых нот она морщилась, но против воли тихонько подпевала.

*Когда я встретил ее в снежном городе,
Она показала мне дорогу
И взяла на память мое сердце...*

*В темных странах я бился без страха,
Много хейлей забрал мой меч,
Но она лишь смеялась...*

*Когда я с победой вернулся домой,
Стяги веяли на ветру
И глаза искали ее...*

*Мой король пировал во дворце
Со своей молодой женой,
И улыбка ее была все такой же...*

*Отдала она сердце назад,
Но нет радости мне в пиру
И в кровавом угаре боя...*

Все она стоит предо мною...

Певец стал безбожно фальшивить, и на него зашикали со всех торон. В другом углу харчевни кто-то лихо отплясывал с полногрудой служанкой, а остальные, выбивая ритм кружками, громко вопили другую песню:

*Хотела леди Лисса
Раненым помочь.
Тут говорит ей сотник:
«Терпеть уже не вмошь!»
«О, благородный рыцарь!
Помочь бы чем-нибудь!»
«Изволь, – сказал вояка,*

*И покажи мне грудь».
Засомневалась леди,
Но как откажешь тут!
И в темный переулок
Они уже идут...*

Дальше текст стал еще фривольнее, и Рэн смутилась. Теперь вся эта прогулка казалась глупой детской выходкой, она встала и пошла к двери, Брайс бросился следом. В этот момент коротышка в засаленном камзоле взобрался на стол и заорал:

– Всем вина за мой счет! Давайте, друзья, погуляем перед смертью как следует! Пусть хейлям не достанется ни одной девственницы севера!

Одобрительный гогот был ему ответом, он слез со стола и проковылял к бочонкам с вином. Локтем он неосторожно задел Рэн и бросил на нее долгий взгляд.

– Будь трижды прокляты хейли, эти мерзкие выродки Черного бога, и их приспешники! – он грязно выругался и сплюнул. Рэн опрометью бросилась к выходу и упала бы в снег, если бы Брайс не успел перехватить ее. Рэн трясло, по щекам градом бежали слезы.

– Что с тобой? – Брайс пытался заглянуть ей в глаза, но Рэн отворачивалась.

– Он сказал это мне! – захлебываясь слезами, выговорила наконец она. – Я хейль!

И слова полились потоком, она рассказывала про возвращение Крэйна, про ночь пожара, про свое постепенное превращение... Брайс, ошеломленный ее словами, лишь крепче прижимал к себе девушку, давая ей выплакаться. Потом он бережно закутал ее в плащ и усадил на стену перед собой, взял в руки ее лицо.

– Послушай меня... В рассказах, которыми пичкают в таких тавернах, нет и половины правды... Хейли не чудовища, они тоже люди, только другие... Среди них есть и хорошие, и плохие...

– Откуда тебе это знать?

– Я знаю, Рэн! Я сам знаю в Тимбаре и Ситче хейлей, которые по благородству не уступят твоим северянам.

Смутно, пробуждающимся женским чутьем Рэн поняла, что он говорит о женщине, о женщинах... Неприятное чувство кольнуло в сердце. Но она отогнала его.

– Значит, для тебя я не отродье Черного бога, не мерзость, недостойная ходить по земле?

– Ты – человек, не свykшийся со своим существом... ты научишься жить с этим...

И Рэн... тебе не нужно никого убивать, когда произойдет обращение.

– Но Крэйна... – даже сейчас при упоминании о той ночи она содрогнулась.

– Крэйна *хотел* убивать, в этом все дело... Ты станешь сильнее и примешь другой облик, но это все равно будешь ты... самая лучшая девушка на свете...

Он наклонился к запрокинутому лицу Рэн, осторожно прикоснулся к мокрым щекам, боясь испугать ее, и властно, сильно поцеловал эти вздрагивающие, соленые от слез губы, они удивленно раскрылись ему навстречу...

До дворца они добрались в полной тишине, Рэн молчала. Он боялся спросить, что она думает, увидит ли он ее еще... Брайс верил в свою счастливую звезду, она свела его с Рэн, она не даст им разлучиться! У входа Рэн обернулась к нему, словно ждала еще чего-то, потом несмело сжала крепкую руку.

– Спасибо... за все... что выслушал меня...

– Рэн... – голос неожиданно охрип, будь он проклят! Неужели все, и она уйдет в свой дворец вот так!

– Я буду рада, если вечером найду тебя у стены... – она улыбнулась, – и если стража тебя не поймает...

В узкое стрельчатое окно Трэйд отчетливо видел Рэн и мужчину у ворот. Он не обнял, не поцеловал ее, но то, как Рэн коснулась его, сказало ему больше. Он с силой сжал кулаки. После той ночи в Рэн что-то неуловимо изменилось, но он любил ее, и ничто не могло этого поколебать. Он еще долго стоял, прижавшись к холодному стеклу лбом, борясь с яростью и ревностью. Ему одинаково сильно хотелось придушить Рэн и заключить ее в объятия. И убить ее спутника.

Рэн

Время несло неумолимо, день пролетал за днем, и Рэн не успевала даже осознать этого. Всю последнюю неделю она жила словно двойной жизнью. Днем молодая королева была поглощена делами: нужно было починить крепостные ограждения, усилить стены, запастись провизией в убежище в самом сердце города. Она без сожалений рассталась с кованым сундучком, где хранились ее драгоценности; к чему они, если носить их ей не придется. На вырученные деньги ее военачальники наняли солдат с Южного Рога. Рэн сохранила только тонкую серебряную подвеску с диковинным кулоном, ее носила мама до самой смерти и оставила ей. Наемники с юга ее пугали, высокие, смуглые, всегда молчаливые, они заполнили город, и не будь войны, в следующем году по улицам бы носилось не меньше дюжины смуглых ребятишек. Но шла война, и выбирать не приходилось. Зато с каким нетерпением Рэн ждала вечера, она бежала к стене и радостно восклицала, когда видела, что навстречу ей из сумрака выходит Брайс. С ним было легко и надежно, он, казалось, ни капли не боится смерти.

– Я встретил тебя, значит, жизнь была прекрасна, – сказал он как-то. – Страшно не умереть, а потратить жизнь впустую.

Трэйд стал для Рэн полководцем, союзником в грядущей войне и не более. Она старалась не оставаться с ним наедине, впрочем он тоже не стремился к этому. Он уже знал от своих осведомителей все о Брайсе. Вольный наемник, торговец, а, может, и что похуже! Когда волна ярости и обиды улеглась и он смог мыслить здраво, решил ничего не говорить Рэн. Она еще девчонка, глупое, неискушенное дитя. Нетрудно понять, что от такого, как этот Брайс, ничего хорошего ждать не приходится. Он защитит ее от проходимца, постепенно завоюет ее любовь и доверие. Не может ведь она всерьез думать о своем будущем с наемником! Гордость и врожденная честь не позволили ему просто убить соперника. Трэйд выругался. Как все могло так сложиться! Не будь ее братец таким ублюдком, он давно увез бы Рэн в Гэльдоран, она бы уже полюбила его! Но он знал, что и в Гэльдоране теперь небезопасно. Соколиная почта приносила вести одна тревожней другой. С восточных границ к центру двигались немерсис, на юге страны, прямо у залива Южный Рог, высадилась армия наемников, и на севере – хейли.

Трэйд стоял на крепостной стене, ожидая очередной почты. Сокол нахохлился и сел ему на руку. Он ласково потрепал птицу и развернул пергамент. На нем было неясно нацарапано: «Гэльдоран пал. Мы отступаем к Дарлогу». И все. Он почувствовал, как разом заныли все старые раны. Его охватило отчаяние. Гэльдоран пал. Нет больше его страны! А люди – мертвы! Остатки армии и флота отступают к Дарлогу. Он посмотрел на дату, три дня назад, значит, через пару дней они будут здесь. Что ж, остатки его армии, малочисленная армия Дарлога и южные наемники... это почти что ничего. На мгновение он подумал, не проще ли людям покинуть город? Но куда бежать? К тому же, он знал, что хейли, а тем более немерсис, не берут пленных. Значит, остается продать свою жизнь подороже. Трэйд мрачно усмехнулся. Смерти он не боялся, в битвах бывал не раз, но он отчаянно хотел еще хоть немного времени для себя и Рэн и понимал, что этого времени у них не будет.

На совете большинство молчали, все были подавлены новостями с юга. Рэн боялась взглянуть на Трэйда, чувствуя себя предательницей – она ведь должна была быть его женой,

поддерживать его, а не мечтать сейчас оказаться в объятиях Брайса! Она подошла к нему перед советом, положила руку ему на плечо. Он сидел перед камином и даже не обернулся.

– Мне очень жаль, Трэйд. Жаль всех погибших, твоих людей...

– Мне тоже. Всех нас.

Она поспешно ушла. Трэйд ясно дал понять, что ему не нужны ее сочувствие и утешения. Они не вернут погибших и его королевство.

Остро, как никогда, Рэн поняла, что времени почти не осталось – они все умрут! Сквозь тучи проглядывала луна, яркая и желтая, словно зловещий глаз, взиравший на людишек внизу. Было полнолуние.

Брайс ждал ее уже давно. По городу ходили слухи о гибели Гэльдорана и тех зверствах, что учинили хейли с его жителями. Он ждал Рэн с совета, зная, что ничего хорошего совет не принесет. Ее закутанная в плащ фигурка показалась ему такой маленькой и беззащитной. На мгновение он представил ее с хейлями и сжал кулаки. Он убьет своими руками любого, кто посмеет ее тронуть! Рэн он сможет защитить, не так, как мать. Если придется... он сам убьет ее, но ни один хейль ее не получит! Он молча обнял ее, чувствуя, как она дрожит всем телом.

– Все было так плохо на совете?

– О, Брайс! Гэльдоран... все люди там погибли... женщины, дети... никого не пощадили... И помощи больше ждать неоткуда... мы сидели там за столом и все старались не смотреть на Трэйда... и я не знала, что говорить... – она всхлинула. – Мне так страшно... – прошептала Рэн, крепче прижимаясь к груди Брайса. – Я не хочу умирать...

Он сам не знал, как это вышло. Ее тело оказалось сплетено с ним воедино, ее жар заставлял не чувствовать холод. Рэн несмело поцеловала его, и Брайс понял, что этим поцелуем она отдает себя в его власть. Он поднял ее на руки и понес по нескончаемым коридорам в ее девичью спальню с узкой резной кроватью. Ни одна женщина из тех, кого знал Брайс, не заставляла его так остро, до боли чувствовать каждый миг этой ночи, то, как доверчиво открывалась ему Рэн, как судорожно, толчками билось ее сердце у его груди, как неистово он ласкал ее, боясь, что Рэн остановит его, не зная, сможет ли остановиться... Ему было плевать на весь мир, она и эта комната были его миром, их миром.

Рэн не боялась. То, что происходило с ними, было чудесно. Она задыхалась в крепких объятиях Брайса, и каждым нервом, каждой клеточкой узнавала его, принимала, словно он всегда был с ней. Высокие стены ее спальни отразили ее счастливый изумленный вскрик, поверх плеча Брайса она видела полную луну...

И вот уже острая щемящая боль только оттого, что он разомкнул объятия. Умереть бы сейчас и не знать ничего иного, кроме его тела, его губ и глаз... Впервые Рэн чувствовала такую муку, они еще не расстались, а боль уже пришла. Он лежал, опираясь на локоть, глядя сверху вниз на раскрасневшееся, озаренное каким-то внутренним светом лицо Рэн. «Я люблю ее», – подумал Брайс. Это делало его уязвимым, всю жизнь он старался не привязываться ни к кому настолько, чтобы это вызывало боль. С Рэн все было иначе. Впервые он ощущал всю полноту жизни, принимая и радость от близости Рэн, и боль. Он ласкал ее в неясном лунном свете, когда стены дворца содрогнулись от глухого удара. Факел выпал из подставки в стене и погас. Долгую минуту они смотрели друг на друга.

– Что это? – испуганно прошептала Рэн.

– Осадные орудия... Это у Южных ворот... – Брайс торопливо одевался, а Рэн неверяще смотрела в окно, на юге города занимался пожар. Он слегка встряхнул ее за плечо и протянул ее сорочку и плащ.

– Тебе лучше одеться, любимая.

Непослушными пальцами она старалась завязать тесемки, но руки так дрожали, что у Рэн ничего не получалось. Брайс присел рядом и стал одевать ее, как маленькую. Еще один удар

потряс дворец, по стене побежали струйки песка. В следующую минуту по коридору заплясал огонек, и в комнату ворвался Трэйд.

– Рэн! Ты цела? – в распахнутую дверь он сразу увидел их обоих, полураздетая Рэн испуганно вскрикнула, и мужчина загородил ее собой. Трэйд задохнулся от ярости. Он касался его женщины, обесчестил ту, к которой он сам не смел притронуться! Жалкий проходимец, портовый бандит! И пока он с ума сходил от тревоги за нее, Рэн...

Рэн покраснела от смущения, но тут же гордо вскинула голову.

– Трэйд, это Брайс...

– Я знаю, *кто* он! – резко ответил Трэйд. Он смерил взглядом мужчину, и Брайс понял, что в лице гэльдоранца приобрел себе заклятого врага. Он шутливо поклонился ему.

– Ваше величество...

Рука Трэйда скользнула к клинку, но он сумел взять себя в руки.

– Началось! У Южных ворот и западной стены катапульты хейлей, они прорвали первое кольцо обороны! Нужно спешить. Рэн, людей нужно вести в убежище, пока не поздно!

Рэн проглотила комок в горле. В эту минуту она восхищалась Трэйдом. Она повернулась к Брайсу.

– Нам нужны факелы, они в коридорах...

Ему не хотелось оставлять ее наедине с Трэйдом, но спорить не было времени. Когда Брайс вышел, Трэйд сжал ее плечо.

– Он взял тебя силой? Он причинил тебе боль? Клянусь, он ответит за это!..

Но Рэн лишь покачала головой.

– Нет, – тихо ответила она, отстраняясь. – Это ты хочешь верить в это, но все совсем не так. – Она наконец нашла в себе решимость посмотреть ему в глаза. – Мне жаль, что все так получилось... Я люблю Брайса.

Трэйд ничего не ответил, он вышел за дверь и ждал ее там.

Дворец весь пришел в движение. Воины с факелами и горожане собирались на внутренней площадке старого дворца. Рэн окинула взглядом бледные испуганные лица. Вокруг нее толпились женщины, дети и старики. Воины, кроме тех, кто их сопровождал, были у ворот, где шло сражение.

– Берите с собой оружие, воду и провизию! Мы идем к Большому Убежищу! – ее голос звенел от напряжения. – Помогайте детям и старикам! Мы должны торопиться!

Лес был неприветливый и темный. Заснеженные деревья скрипели от ветра, заставляя пугливо вздрагивать лошадей. Эймар Керр, один из лучших полководцев Трэйда, выругался и хлестнул коня. Остатки разбитой армии пробирались к Дарлогу по лесам, так было безопасней. Эймар понимал, как нужны Трэйду воины, поэтому они шли почти без привалов, он не щадил ни своих сил, ни сил солдат. Времени в запасе почти не было. Он послал сокола три дня назад, и если не поднимется метель, они будут в Дарлоге завтра. Он от души надеялся, что завтра еще не слишком поздно.

Пару недель назад, когда Трэйд отплывал в Дарлог, Эймар Керр гарцевал на коне перед войском, которого боялось все побережье, и был уверен, что даст отпор хейлям. Беспоконные вести с восточных границ приходили постоянно. Но легкая тучка с востока за неделю выросла и обрушилась на Гэльдоран смерчем! Эймар мало чего боялся, но и сейчас его охватывал животный страх при воспоминании о проигранной битве. Хейли подошли прямо к воротам, их было не так много, чтобы беспокоиться. Но когда начался бой, с юга, севера, с западного дикого побережья ударили силы, о существовании которых он знал из легенд. Закованные с ног до головы в железо, неуязвимые, со смертоносным оружием, немерсис устроили бойню,

он мог только пытаться сохранить остатки армии, не дать уничтожить ее полностью. Всю долгую ночь, что разбитая армия пробиралась к лесу, Гэльдоран пылал. Победители превратили его в погребальный костер, и Эймар молился, чтобы люди там уже были мертвы. От мыслей, что творят захватчики в его городе, у него волосы вставали дыбом. Первой мыслью было сражаться до конца, но он знал, что именно на это враг и рассчитывал. Поэтому сейчас воины продирались сквозь чужой, неприветливый лес к Дарлогу. Флот Гэльдорана стерли с лица земли, но у него еще есть кому сражаться! Эймар мрачно хмыкнул, он видел, что враг был неуязвим.

Тонкая стрела просвистела в морозном воздухе, и его конь захрипел и встал на дыбы. Эймар соскочил в снег, выкрикивая команду приготовиться к бою. Лес оцетинился стрелами и копьями врага. Солдаты умирали, даже не обнажив клинки. Но большинство успели укрыться за деревьями и теперь яростно сражались с хейлями. Это был знакомый враг, из плоти и крови, его можно было убить! Эймар видел, что хейлей слишком много и они не измотаны переходом через лес. Он знал, что отсюда им уже не выбраться, и торопился открыть соколиные клетки. Три красавца-сокола взлетели вверх. Он с отчаянием смотрел, как целились лучники, как два сокола, утыканные стрелами, как дикобразы, свалились в снег. Стрела пробила ему горло, Эймар Керр судорожно хватал ртом воздух, снег под ним стал ярко-красным, но он не отрывал остекленевшего взгляда от раненого сокола, который, тяжело взмахивая крыльями, скрылся за верхушками деревьев.

Брайс

Бой шел уже в самом городе. Рэн с отчаянием видела, что вся южная окраина полыхает. Дворец и Убежище находились далеко от места сражения, но запах гари и шум битвы долетали и сюда. Безмолвно, освещая себе дорогу всего несколькими факелами, они шли по заснеженным улочкам своего города, понимая, что больше не увидят его таким. Рэн с болью глядела на стены домов и высаящиеся вдаль крепостные стены, она знала, что до утра им не выстоять. Оставалось надеяться лишь на убежище. Оно существовало всегда, даже дворец возвели поблизости. Рэн не однажды бывала там за последние дни: находящееся глубоко под землей, сделанное из металла, оно могло вместить много человек и открыть его можно было только изнутри. Ни в одной легенде не упоминалось, для чего оно было построено, и Рэн могла лишь гадать, какой страшной должна была быть опасность, от которой люди скрывались под землей. Впрочем, наверняка, не страшнее хейлей и немерсис!

Та горстка горожан, что шла сейчас с ней к Убежищу, должна была соединиться с другими, но с южных окраин города было уже не пробиться. Трэйд и несколько его воинов освещали дорогу впереди, Брайс с остальными мужчинами шел сзади, готовый отразить атаку с тыла. Сражение шло далеко, с неба падали крупные хлопья снега и среди свинцовых туч ярко светила луна. Улицы, по которым они шли, были еще тихими и мирными, и Рэн казалось, что она видит очередной кошмарный сон...

Нападение началось внезапно. Темнота у стен домов вдруг пришла в движение, засверкали клинки. Сквозь крики и плач женщин и детей Рэн услышала, как выругался Брайс. От крепостных стен к ним двигались огни, а в переулке слева раздалось утробное рычание. Она почувствовала, как кровь холодеет в жилах. Рэн столько раз видела оборотней в ночных кошмарах, и вот теперь они здесь, во плоти, пришли убивать ее народ!

Брайс что-то кричал Трэйду, который сам вынужден был отбиваться от хищников. Горящий факел описал широкую дугу, высветив на миг отвратительную окровавленную морду зверя, и в следующую минуту Трэйд вонзил ему в горло клинок. Зверь упал, но продолжал скрести лапами забрызганный кровью снег.

– Они прорвали второе кольцо обороны! – выкрикнул ей Трэйд. – Тебе придется вести людей другой дорогой! Быстро!

– Мы пойдем вместе!

Трэйд окинул ее долгим взглядом.

– Нет, Рэн. Ты поведешь их в Убежище и будешь ждать, пока все не кончится. Я останусь здесь. Кто-то должен сдерживать их, чтобы люди успели спастись.

Рэн с трудом проглотила комок в горле. По щекам бежали слезы. Она видела зарево пожара на юге, пляшущие огни, которые были все ближе и ближе, и знала, что это конец.

– Только не прощайся со мной! Обещай, что вернешься! Обещай!

– Рэн, я...

Земля у них под ногами глухо дрогнула, гул прокатился по улицам. Крепостная стена стала оседать и рассыпаться осколками камня.

– Времени нет! Рэн, тебе надо уходить! – Брайс тряхнул ее за плечи. – Иди же!

Он обернулся к Трэйду, ухмыльнулся и вытер меч об снег.

– Ну что, отправим ублюдков в преисподнюю!

Крепкая рука Трэйда перехватила его.

– Ты не пойдешь с нами.

Брайс воинственно смотрел на гэльдоранца. Он хотел уже возразить, но Трэйд продолжал тихо, но твердо:

– Ты будешь сопровождать людей до Убежища...

Брайс яростно помотал головой.

– Я не буду отсиживаться с женщинами и детьми! За кого ты меня принимаешь!

– Послушай... Ты не знаешь города... Мы были готовы к такому... Кто-то должен защитить ее. У меня мало людей. А рядом с Рэн не остается хороших воинов. Посмотри на них! Это дети и старики! А они обязательно должны спастись!

Брайс молчал, и Трэйд прошептал ему:

– Мне приходится доверять тебе. Ты должен спасти Рэн во что бы то ни стало! Любой ценой! Спаси ее...

Рэн не слышала, о чем говорили мужчины, она только видела, что оба что-то решили. Они были спокойны, даже веселы каким-то лихорадочным безумным весельем. Небольшой отряд во главе с Трэйдом стал готовиться к обороне, а горожане под защитой Брайса и еще нескольких воинов двинулся к Убежищу. Рэн оглянулась, Трэйд быстро отдавал команды и не смотрел больше в их сторону...

Рэн не думала, что хейли знают об убежище. Но, пока несколько человек пытались открыть двери, хищники напали на маленький отряд. Луна скрылась за тучами, началась метель. Мужчины рубили мечами наугад в темноту. В этом крошечном аду слышно было лишь рычание оборотней и тяжелое дыхание воинов, а зверей становилось все больше и больше.

Наконец двери открыли. Рэн повернулась к Брайсу, она хотела сказать, что они спасены, но смогла только глухо вскрикнуть. Брайс пошатнулся и упал в снег. Рэн бросилась к нему, опустилась на колени прямо в кровавую жижу, лихорадочно ощупывая его в поисках раны. Брайс весь был забрызган кровью, но это была кровь хейлей.

– Вставай! Мы совсем близко от убежища! Вставай же! – Она принялась неистово трясти его, голос сорвался.

Брайс открыл глаза, улыбнулся ей.

– Ты спасена, любимая. Тебе нужно торопиться, скоро здесь будут другие хейли...

– Нет. Я не могу потерять вас обоих. Вставай!

Только сейчас она увидела, что творится с Брайсом. Его тело сотрясала крупная дрожь, мутные глаза проблескивали желтым огнем. Они долго смотрели друг на друга.

– Нет... – отчаянно прошептала Рэн. – Только не ты!

– Поздно, Рэн. Я должен сказать тебе... я люблю тебя, моя королева... Я виноват перед тобой... Я...

Она нежно прикрыла ему губы ладонью. Всем телом прижалась к нему.

– Я тоже люблю тебя... Я хочу остаться с тобой...

Он чувствовал страшную слабость во всем теле, его лихорадило, но Брайс резко оттолкнул Рэн.

– Нет, Рэн! Не будь дурой! Спускайся в убежище!

– Я...

– Проклятие! Мы же оба знаем, что со мной происходит! Уходи!

Он вытащил клинок и взмахнул им. Рэн отчаянно закричала. Но убить себя Брайс не успел. Тело его выгнулось дугой, и он потерял сознание.

– Заносите его внутрь! – скомандовала Рэн. Несколько воинов подхватили безвольное тело и потащили в убежище. На минуту Рэн увидела полоску дымного неба над головой, потом лягнули засовы, и над их головами сгустилась непроглядная тьма.

Она брела по странному бесконечному дому, вокруг были двери. Рэн знала, что ей во что бы то ни стало надо отыскать что-то... Только что? Она толкнула первую дверь. В темноте перед ней сидела женщина. Она обернулась, и Рэн показалось, что она видит свое отражение.

– Так ты все-таки нашла меня.

Рэн слышала, как глухо стучит сердце, у нее было такое чувство, словно она падает в черную бездонную пропасть, но она все же шагнула к незнакомке.

– Кто ты?

– А это так важно? Я могу спасти твоего возлюбленного... – глаза ее странно блеснули. – Мы вместе можем спасти его...

– Как? – горестно воскликнула Рэн. – Сегодня проклятое полнолуние!

– Но ты по-прежнему человек, – возразила незнакомка. – Ты даже не представляешь, насколько ты особенная... Я помогу тебе...

Рэн не отрываясь, словно зачарованная, смотрела в ее синие глаза. Не стало ничего кругом, только этот пронизывающий взгляд и Голос внутри, который шептал, обещал невозможное. Лицо незнакомки стало расплываться перед глазами, искажаться... А потом она уже не могла понять, где кончается этот кошмарный сон.

Трэйд

Шум битвы постепенно утих. Рэн боялась признаться себе, что это может значить только одно – все погибли или хейли добивают последних оставшихся в живых. В Убежище было тихо на протяжении всего времени, пока длилось уничтожение. Люди сидели у стен, сбившись в кучи, грязные, голодные и испуганные. Женщины и дети плакали, многие оставили наверху своих близких. Они с какой-то упорной слепой надеждой взирали на Рэн, как будто она еще могла в чем-то помочь. Да, они все пока живы, но это лишь отсрочка неминуемой смерти. Скоро закончиться еда и вода, если только ликаны не доберутся до них прежде.

Но все эти мысли вытесняла тревога. На грязной подстилке в углу пещеры Брайс корчился в судорогах уже несколько часов. Ему не становилось лучше. Напрасны были все заклинания и порошки. Не помогло и последнее, на что пошла Рэн. Тонким стальным клинком она сделала глубокий надрез на своем запястье, и темная струйка крови потекла на пол убежища. Брайс открыл на минуту глаза, мутные, полыхнувшие желтым светом. Рэн было и так ясно, что время на исходе и если не поможет это, не поможет ничто. Она склонилась над ним, стараясь унять дрожь. Ей было страшно того, что предстояло сделать, но Голос в голове нашептывал, что это последний шанс.

– Рэн... Рэн... что ты делаешь? – Брайс с трудом открыл глаза, они лихорадочно блестели. Рэн сквозь слезы смотрела на родное лицо.

– Все будет хорошо, Брайс... я спасу тебя... доверься мне. Я знаю, что делаю...

Брайс понял раньше, чем она приступила к делу. Его взъерошенная голова метнулась в сторону, в другую, но сил встать у него уже не было. Он только беспомощно смотрел на нее сквозь туманную пелену. Ее глаза были полны слез.

– Я не дам тебе умереть... – услышал он шепот над самым своим ухом, – только не так, любимый...

– Рэн... послушай... – слова с хрипом вырывались из груди. – Это конец... никто ничего не сможет сделать... не надо... я люблю тебя, моя королева... – Он коснулся ее щеки, пачкая кожу в кровь, стараясь поймать ее взгляд, но она мягко, но решительно высвободилась.

– Нет, Брайс. Ты не умрешь!

С силой она запрокинула его окровавленную голову, и струйка крови с ее запястья потекла ему в горло. Его тело с неожиданной силой выгнулось в конвульсиях. Рэн отбросило в сторону. Брайс издал дикий вопль, полный боли и ненависти. Люди в углу тоже закричали, заметались в панике. Один из стражников, мальчишка лет пятнадцати схватил меч и бросился к Брайсу, но Рэн преградила ему дорогу.

– Остановись! Я как твоя королева приказываю тебе – остановись! – ее голос звенел от гнева и напряжения. – Мы не такие, как они! Мы не убиваем!

За своей спиной она заметила движение. Брайс извивался на своем ложе, лицо его менялось, вытягиваясь и темнея. Она в отчаянии смотрела, как он превращается в то же, чем стал Крэйн и была она сама. Сердце раздирала нечеловеческая боль и ярость. Кто угодно, только не он! Он – единственный, кто не отвернулся от нее, понял и принял ее. И вот он умирает за нее! Ногти на скрюченных пальцах отрастали и загибались с невероятной скоростью. Голос не помог – он обращался в хейля, даже быстрее, чем остальные. Рэн встала между ним и людьми. Ей не было страшно, она знала, что теперь остается только убить его. Брайс поднялся с ложа, с трудом сделал несколько неверных шагов. Желтый огонь в его глазах светился слишком ярко.

– Рэн... любовь моя... ты не должна... – внезапно он пошатнулся, по телу прошла дрожь, и он ничком упал на пол. Гул испуганных голосов в углу убежища прокатился и затих. Огонь бросал неясные отсветы на стены, Брайс больше не шевелился. Внезапно стало так тихо, что слышен был только треск веток в костре. Рэн упала на колени рядом с неподвижным телом, пачкая руки в крови, перевернула его и издала стон. Бледное безжизненное лицо Брайса было красиво и неподвижно, остекленевшие карие глаза уже подернулись дымкой. Это был он, а не чудовище. Ее кровь действительно остановила обращение, но не спасла его. Люди молча сгрудились вокруг тела мужчины и коленопреклоненной женщины. Но Рэн не хотела, да и не могла ничего говорить, приказывать, помогать. Ей хотелось только остаться здесь с ним, оплакать его и устроить погребение, достойное Брайса.

«Мы прокляты, – думала она. Все мы здесь прокляты. Нет никакой Амастриды, Трэйд прав. Есть смерть и боль. Нет никаких богов, иначе бы они не позволили всему этому случиться. Где же они были, пока их народ убивали оборотни! Мы одни в этом мире! Мы умрем, и ничего не станет. И Дарлог, и Гэльдоран поглотит тьма». Черная боль и отчаяние нахлынули и заполнили все ее существо. Даже Голос покинул ее.

Рэн сидела на полу, прижимая голову Брайса к груди. И вдруг... Дрожащими руками она разорвала рубашку у него на груди, припала к ней, отчаянно прислушиваясь. Она боялась, что боги шутят над ней, но сердце Брайса чуть слышно билось.

– Он жив! Да помогите же мне! Несите сюда воду!

Струйка воды потекла по его лицу, оно дрогнуло. Брайс заморгал, стараясь отвернуться.

– Не надо больше крови... – наконец прошептал он, и Рэн рассмеялась. Он жив!

– Лежи, не двигайся... любимый... – по ее щекам бежали слезы, но Рэн этого не замечала.

– Ты спасла меня... – Брайс неотрывно смотрел на нее. – Откуда ты знала, что это поможет?

– Я не знала... Это Голос внутри меня, я делала то, что он говорил...

– Ты – особенная, Рэн. Ты в самом деле способна лечить от обращения... – он выглядел пораженным, почти испуганным этой ее способностью. – Ты понимаешь, какой это дар? Пока хейли не знают об этом, мы можем победить...

Рэн все еще прижимала его к себе, глядя, как порез на запястье затягивается новой кожей.

Прошли еще одни томительные сутки в убежище. Снаружи было тихо, бойня закончилась. Брайс поправлялся, жар у него спал. Люди смотрели на Рэн благоговейно, со страхом. Она не была одной из них, добрым, но существом другой породы. И они боялись. Наконец, на исходе третьих суток вернулись люди Трэйда. Их трудно было узнать. Грязные, в лохмотьях и запекшейся крови, они падали на пол пещеры без сил, и каждому надо было принести воды и еду, перевязать раны и расспросить, что с остальными. Вернулись немногие, в этой суматохе Рэн узнала Эна, правую руку Трэйда. Он был такой же грязный и израненный, как и остальные, даже его доспехи были все изрублены и негодны.

– Эн! Хвала богам, они сохранили тебе жизнь! Что... – она почувствовала, как пересохло вдруг горло. – Что там, снаружи? Где Трэйд?

Под ее горящим взглядом Эн опустил голову, его седые взлохмаченные волосы закрыли лицо, но Рэн поняла, что старик плачет.

– Нет, Эн... Он просто еще не добрался до Убежища! Он жив!

Рэн видела по его глазам, что Эн не верит в это, но он послушно согласился. Нет, не оставь меня одну! Я не справлюсь! Я не воин! Мне не справиться без полководца, даже если армия наша – горстка людей... им нужен вождь! Не хейль, не оборотень, им нужен Трэйд Нувал!

Глубокой ночью, когда все уснули, она сидела с Брайсом у догорающего костра.

– Без него нам не победить, Брайс. Это конец. Я не могу повести их наверх, только Трэйд видел карту южных морей. Мы погибнем, от хейлей или от голода – какая разница...

Брайс крепко сжал ее ледяные пальцы.

– Он вернется, Рэн! Хейлям он не по зубам.

С рассветом они открыли двери убежища. Яркое желтое солнце освещало гигантское поле боя. Снег превратился в кровавое месиво, тела лежали друг на друге, ими была выстлана вся прибрежная полоса. Рэн неверяще глядела на то, что осталось от ее города и ее народа. В городе творилось то же самое, хейли не пытались обратить кого-нибудь, по дороге они не нашли ни одного не растерзанного тела. Оборотням некого было превращать. Крепостная стена, разрушенная сразу в нескольких местах, отчетливо свидетельствовала о яростном натиске нападавших. Вот и храмовая площадь. Рэн старалась не смотреть по сторонам, она знала, что все увиденное навсегда запечатлится у нее в памяти: раскрытые в вопле ужаса рты, остекленевшие глаза, изорванные в клочья тела, дети, женщины ее народа...

На подступах ко дворцу она почувствовала, как что-то неумовимо изменилось, стало вдруг еще холоднее. Рэн оставила людей снаружи и вошла в тронный зал. Столы были перевернуты, кубки валялись на полу, дубовые двери выломаны. Но кроме этого что-то было не так, это чувствовалось в воздухе. Рэн склонилась над телом стражника на полу, коснулась его рукой. Потом поднесла ее к лицу, пристально разглядывая. На пальцах была не кровь, а что-то липкое и холодное.

– Это не кровь, – из темноты свода прихрамывая вышел человек приблизился к ней. – Немерсис.

Рэн вскрикнула и едва не лишилась чувств, Трэйд еле успел подхватить ее на руки.

– Я думала, ты не вернешься! О, боги! Эн сказал, что ты погиб! Но Брайс повторял, что ты выберешься. Как ты спасся? Все думали, что больше не увидят тебя живым.

– Я был там, на поле, среди хейлей, а армия немерсис искала во дворце тебя. Они убивали людей. Просто убивали, им не нужны были обращенные. Я потерял сознание, очнулся под горой трупов, едва не окоченев... И все вокруг были мертвы... ни пленных, ни обращенных...

На мгновение их взгляды встретились, и Рэн увидела в глазах Трэйда... не страх, обреченность. Он знал, что второй схватки им не выдержать.

– У нас нет больше времени... надо бежать, так ведь? Искать путь в южные моря... пока хейли и немерсис не вернулись... – и Рэн вдруг всхлипнула и прижалась к крепкой груди Трэйда. – Я думала, ты не вернешься... ты – наша последняя надежда...

Выжившие толпились в бывших покоях королей Дарлога. Рэн обвела их взглядом: триста пять человек – вот и все, что осталось от ее народа. Среди них были изможденные женщины и дети, подростки, которые еще с трудом держали меч в руках, старые воины и полсотни людей Трэйда. Она крепко закрыла глаза, стараясь изгнать из памяти образы прошлого: процветающее королевство Дарлога, оживленный порт Тимбара, где негде было разминуться торговым кораблям, могущественный Гельдоран... От всего этого остались лишь они! Она повернулась к мужчинам.

– Нужно собрать все самое необходимое... Брайс сказал, что поможет найти корабль до Тимбары.

Часть 2. Восток

Трэйд

Метель, бушевавшая пару дней назад, закончилась. Выжившие торопились покинуть Дарлог, пока снаружи было тихо и... безопасно. «У меня мурашки от этого места», – сказал один из воинов Трэйда, и Рэн была с ним согласна. Здесь не осталось жизни, все было мертво и разрушено. Не так она хотела покидать родину, но они беглецы, у них нет возможности даже предать земле своих соотечественников. Нет времени, нет людей, ибо выживших слишком мало, а погибших в десятки раз больше.

Теперь общее собрание у догорающего костра мало походило на недавние военные советы. Всем хотелось спасти свои жизни, не быть больше загнанной добычей хейлей. Но не было ни кораблей, ни денег, чтобы бежать на юг. Помощь предложил Брайс.

– Я могу найти нам корабль.

Трэйд испытующе посмотрел на него.

– Как? Корабли у побережья принадлежат хейлям!

– У меня есть один знакомый капитан из Тимбары. Он привозил провизию и оружие северянам до начала осады... Он сможет взять на борт всех!

– Брайс... у нас нечем заплатить ему. – Рэн устало повела плечами и плотнее запахнулась в меховой плащ. После увиденного наверху она постоянно мерзла.

– Капитан кое-что мне должен... – он замялся. – Словом, он не потребует с нас платы.

Трэйд ощущал, как глухая тревога внутри все растет и растет. Такое чутье ни разу не подводило его в битвах. Он отозвал Рэн подальше от толпы.

– Рэн, я не доверяю Брайсу.

Она вымучено посмотрела на него.

– У нас нет другого выхода. Мы не можем здесь оставаться, а другого пути я не вижу... Тебе придется поверить ему.

– Послушай, дело не в том, что он твой... возлюбленный, – тяжело выговорил Трэйд. – Я не могу доверить ему твою жизнь и их жизни тоже... – он кивнул в сторону костра.

Рэн легко коснулась его руки.

– Ты уже однажды доверил ему мою жизнь, и он не подвел тебя. Теперь он может спасти всех нас.

– Тимбара слишком близко к Ситчу! Мы попадем в логово врага!

– В Тимбаре мы найдем другой корабль... Там нет войны, и все равно нам не из чего выбирать.

Сил спорить с Трэйдом у нее не было. Она чувствовала, что устала, безмерно устала противостоять Трэйду. Неприкрытое недоверие Трэйда, больше не сдерживаемое, больно ранило ее саму. Это потому, что Брайс хейль! Хейли – наши враги, им нельзя доверять! Но как же он забыл, что и я тоже принадлежу к ним! Ненавидя Брайса, он ненавидит и мою сущность! Рэн поежилась, как только вспомнила в какую ярость пришел Трэйд, узнав о произошедшем с Брайсом. Как кричал ей, что она не имела права так рисковать жизнями тех, кто оказался в Убежище!

– Что бы ты делала, если бы твой Голос не помог? Если бы ты опять оказалась один на один со зверем? Тебе мало твоего брата? – он был в ярости, но еще громче в нем говорил безотчетный страх за Рэн. Она наконец подняла на него глаза. В глубине их Трэйд увидел не наивную девушку, а взрослую непреклонную незнакомку.

– Я бы убила его, он бы не причинил никому вреда. Но я спасла его, Трэйд! Он не умер, и никто больше не умрет.

Она с вызовом смотрела на него, и Трэйд отвернулся. Она рисковала всем, чтобы только попытаться спасти Брайса. Сделала бы она то же самое ради него? В глубине души он знал ответ, и это наполняло его горечью.

На рассвете беглецы покинули разрушенный город. Они передвигались медленно, обремененные слабыми детьми и ранеными, вынужденные красться лесными тропами вдоль побережья, минуя портовые заливы. Рэн про себя молилась, чтобы боги не послали метель, чтобы никто не умер во время этого трехдневного перехода по обледенелым лесам. Вокруг царило безмолвие. Казалось, хейли покинули север так же внезапно, как и напали.

На исходе третьих суток они укрылись в каменной пещере на безлюдном одичалом берегу. Люди без сил валялись на землю, слишком изможденные пережитым, отупевшие от усталости и голода. Они окружали Рэн, будто ощущая в ней силу, которой она сама не чувствовала. Брайс с Трэйдом отправились на смотровой утес, чтобы зажечь сигнальный огонь. Таких утесов, каменных площадок высоко в горах, было много на севере. Если не знать, откуда следить за сигналом, костра можно и не увидеть. Но капитан, как и обещал Брайс, откликнулся сразу. Мужчины стояли на маленьком каменном утесе, когда далеко внизу загорелся ответный огонь.

– Завтра утром он будет здесь, – уверенно сказал Брайс.

Трэйд перехватил его руку и долго не отрываясь смотрел на Брайса.

– Если это ловушка, я убью тебя! Ты не успеешь истратить тех денег, которые тебе обещают.

Брайс ответил ему таким же долгим, тяжелым взглядом.

– Оставь свои угрозы хейлям. Я бы никогда не причинил ей вреда. – он невесело усмехнулся. – Я и забыл, что мы с Рэн тоже нелюди. Тебе наверное нелегко было примириться с этим!

Он ловко спрыгнул вниз, на каменные ступени, и начал спускаться к пещере, а Трэйд, снедаемый ревностью и тревогой, еще долго стоял на ледяном северном ветру.

На рассвете, как и предсказывал Брайс, у берега показался корабль. Это было большое грузовое судно, потрепанное бурями и временем. На мачте развевался флаг торгового города-порта Тимбары.

Трэйд вызвался идти на переговоры с капитаном вместе с Брайсом. Рэн видела, кожей чувствовала его враждебность и недоверие.

– Я прошу тебя, Трэйд, останься. Пусть Брайс идет один. Ты можешь сорвать все переговоры с капитаном!

Неохотно он согласился и все то время, что Брайс отсутствовал, мерял пещеру широкими шагами.

Брайс спустился по узкой каменной тропе к отвесному скалистому берегу. Навстречу ему, прихрамывая, вышел пожилой мужчина в просоленной насквозь одежде. На ней не было ни цветов Тимбары, ни знака союза мореплавателей торговых городов. Он хрипло рассмеялся, увидев Брайса.

– Тебя даже хейли не взяли! Я так и знал, что ты выберешься из любой переделки, Лис!

Брайс поморщился, услышав это ненавистное прозвище. Пару лет назад в Тимбаре он вел долгие переговоры, хитрил, лгал, изворачивался, но так и не узнал правды... Может, оно того не стоило, тогда за ним закрепилась слава прощелыги и опасного человека, а знакомые нарекли его Лисом...

– И я рад тебя видеть живым, Найл! Мне нужен корабль.

Капитан смерил его взглядом.

– Ты же знаешь, тебе нет нужды говорить это! Городской совет и Мейс обещали тебе мою посудину, так что она в твоём распоряжении. Когда отплываем?

– Нет, Найл! *Мне* нужен твой корабль! У меня нет желания выслуживаться перед Советом! Я не принял их условий.

– Но ты сел на их корабль и приплыл в Дарлог, – мужчина посмотрел на Брайса. – Это ли не согласие?

– Сейчас все иначе! Мне нужно перевести в Тимбару триста пять человек на твоём корабле, но так, чтобы никто ничего не узнал! – видя, что капитан хочет возразить, Брайс сказал:

– Может, ты забыл заварушку у Каменных островов, Найл? Ты мне должен, и сейчас я прошу тебя об услуге.

Капитан неохотно кивнул.

– На закате я приму их на борт, Лис, так что приведи всех своих людей сюда. И не опаздывайте, я не стану ждать отлива!

Так же прихрамывая он заковылял к лодке, бившейся на волнах у самых скал.

– Найл!.. Никто не должен знать. Ты дал мне слово!

Брайс проводил взглядом мужчину до лодки и до боли в глазах вглядывался в бушующие волны, пока лодка не стала едва различимой в серых волнах. Потом медленно стал подниматься вверх, к пещере.

Найл Торрен, капитан «Услады», долго расхаживал по палубе, слушая, как жалобно поскрипывают мачты от порывов северного ветра. «Я слишком стар для этого», – устало подумал он. Потом представил сыновей, оставшихся в Тимбаре и Кинее, и больше не сомневался. Он подошел к соколиной клетке и открыл дверцу. Красавец-сокол послушно сел ему на руку, склонил голову, словно прислушиваясь к мыслям капитана. Найл быстро написал на свитке: «Лис везет ее в Тимбару. Войдем в гавань через двенадцать дней». Непослушными пальцами прикрепил свиток и подкинул сокола вверх. Несколько секунд ему казалось, что птица упадет в волны, но вот она раскинула широкие крылья и взмыла вверх.

После захода солнца люди столпились внизу, на скалистой площадке, ожидая корабль. Брайс выругался про себя, проклятый Торрен решил их бросить! В глубине души он почувствовал облегчение, ему не хотелось везти Рэн в Тимбару, слишком опасно! Слишком близко к Ситчу, слишком близко к правде о нем... Но и там единственный путь в Южные моря... Возгласы толпы на берегу отвлекли его от мучительных размышлений. «Услава», ныряя в волнах, подошла к берегу.

Он с ревностью наблюдал, как бережно Трэйд помогал Рэн и другим женщинам. Потом эти двое долго стояли на корме, глядя на скалистый берег, уходящий вдаль. Они прощались со своей землей, с той жизнью и с собой, потому что все они изменились за последние дни куда больше, чем за все предыдущие годы. Впрочем Брайсу хватало и своих сомнений и сожалений. Та, в Тимбаре он известен как Лис, а еще как человек, которого Рэн совсем не знает.

Рэн

Рэн ни разу не плавала на корабле, тем более таком большом, как «Услава», и теперь с детским восторгом впитывала в себя все, что видела вокруг. Для Брайса вокруг было только море, измеряемое в лигах и днях плавания, но для Рэн это был целый мир, который она никогда бы не увидела, не будь войны. Ей казалось, что они попали в волшебное безвременье, где не нужно прятаться, нет хейлей и смерти. Она часами могла слушать скрип досок и крики чаек, кружащихся над кораблем. Море заморозило ее, оно никогда не бывало одним и тем же, как снег в Дарлоге. Оно было то тихим и нежно-синим, то бурным, грязно-серого цвета с пенными верхушками, потом оно снова становилось послушным и ласковым, а волны окрашивались в яркий изумрудный цвет.

Рэн босая сидела на корме, всем своим существом впитывая тепло нагретых досок. Шел девятый день плавания. «Услава» не заходила ни в один порт из тех, что встречались на россыпи островков на пути к Тимбаре. Солнце, ярко светившее в Дарлоге, все больше и больше затягивало темными тучами, пока несколько дней назад оно не исчезло совсем. Тем не менее, из-за туч проникал рассеянный, но довольно яркий свет. Чем ближе они подходили к Тимбаре, тем теплее становился воздух. Рэн уже давно сняла плащ, меховые шубы и унты остались в трюмах. Северяне выглядели странно среди одетых в легкие рубашки моряков, ведь даже нижнее белье зачастую было шерстяным!

Рэн ни разу с момента осады не оставалась наедине с Брайсом, хотя ей отчаянно хотелось прижаться к нему, снова ощутить ту силу и уверенность, которые исходили от него. Сидя на корме, она видела, как он помогал капитану выровнять курс. Они весело переговаривались и смеялись, и Рэн почувствовала себя лишней. Жизнь Брайса настолько отличалась от ее собственной, что ей было страшно, возможно ли у них общее будущее? Но тут он поднял голову и улыбнулся ей так нежно и ласково, что все сомнения улетучились.

Порыв душного горячего воздуха обжег ей лицо, Рэн никак не могла привыкнуть к теплу. Брайс снял рубашку и, что-то проговорил капитану. Тот рассмеялся, и хлопнув его по плечу, заковылял на мостик. Рэн исподтишка любовалась Брайсом, его загорелым телом, быстротой и грацией опасного хищника.

– Рэн!

Она поняла, что Брайс заметил, как она разглядывает его, и покраснела от смущения. Рэн хотела незаметно уйти, но он уже уселся рядом с ней.

– Не хочешь искупаться?

Рэн растерялась. Она умела плавать, но то были спокойные горячие источники в горах, а не море, которое пугало ее. Тем более, если рядом будет Брайс...

– Мне... нечего надеть, – краснея еще больше, пробормотала она.

– Зачем тебе одежда? – искренне удивился Брайс. – Ты сразу пойдешь на дно в этом ворохе платья! Снимай все! – в глазах его плясали веселые искры. – Помнишь, я уже видел тебя голой...

Рэн вдруг рассмеялась, и нервное напряжение, не покидавшее ее, когда рядом оказывался Брайс, отпустило. Они были одни на корме, остальные прятались в тени трюмов от полдневного зноя. Она сняла платье, нижнюю юбку и осталась в одной сорочке. Брайс, видимо догадавшись, что ее она не снимет, усмехнулся и прыгнул в чистейшую синеву моря.

– Иди сюда, трусишка! – поддел он ее, качаясь на волнах. Рэн вдохнула поглубже и тоже прыгнула вниз. Ей казалось, она падает бесконечно долго, но вот теплые ласковые волны обняли ее. Она вынырнула на поверхность, выплевывая воду и смеясь. Брайс подхватил ее на руки и прижал к себе. Внезапно Рэн замолчала и несмело погладила его по щеке.

– Спасибо... я думала, больше никогда не смогу смеяться после... после...

Проклятье! Брайс отчаянно хотел оказаться подальше от Найла, Трэйда и остальных, где-нибудь в Южных морях, только с Рэн! Он зарылся лицом в ее мокрые спутанные волосы, крепко сжимая Рэн в объятиях.

Сколько раз потом она вспоминала этот чудесный день! Они резвились в воде как дети, никого не было поблизости, и эти минуты наедине казались обоим подарком небес. Легкий и теплый ветерок становился все сильнее, его порывы вздымали пенные волны, под которые они с хохотом подныривали. Воздух стал холоднее, и Рэн почувствовала, что вся дрожит в мокрой сорочке. Брайс помог ей забраться на палубу, накинул на нее свой легкий плащ.

– Тебе нужно переодеться, а то ты заболеешь и остаток плавания проведешь в каюте. – Брайс посмотрел на небо, темнеющее прямо на глазах. – Будет буря. Не бойся, для такого корабля она не страшна, – торопливо добавил он, видя, как побледнела Рэн, – но лучше уйти внутрь.

Должно быть это капитан дал Брайсу ключи от своей каюты. Они оказались в небольшой каморке с широкой кроватью и тяжелым деревянным сундуком в углу, пол был устлан коврами. Рэн больше не чувствовала холода. Ее обдавало таким жаром, что казалось, все тело плавиться. Не отрывая от ошеломленного Брайса взгляда, она расстегнула мокрую сорочку, и та упала к ее ногам. Брайс подхватил ее на руки, корабль качнуло, и они оба упали на кровать.

Мир сомкнулся до деревянной кровати и прохладных простыней, в которых извивались их сплетенные разгоряченные тела. Единственными звуками этого мира было их хриплое дыхание и стук сердца.

Наверху разразилась буря, дождь хлестал по корме, ветер яростно рвал паруса. Но здесь время будто остановилось. Рэн лежала на согнутой руке Брайса, едва переводя дух, прислушиваясь к буйству стихии на палубе. Она вздохнула.

– Почему мы не можем сбежать ото всех?.. Только мы вдвоем... давай попросим капитана высадить нас на каком-нибудь островке... он ведь твой друг... я устала убегать, Брайс. Я просто хочу жить в мире, любить тебя... родить тебе детей...

В полумраке она вглядывалась в его лицо и вдруг замолчала, закусив губу почти до крови. Такой у него стал взгляд, столько в нем было муки, сожаления и обреченности! Он крепче обнял девушку.

– Я тоже, Рэн! Я так хочу сбежать с тобой! Но сейчас это невозможно.

Наконец долгое плавание подошло к концу. От лихорадки в тесных трюмах грузового корабля умерло пять человек. Их тела выбросили в море. Рэн было дико смотреть на это, но так хоронили своих мертвецов мореплаватели, и она не решилась спорить. Выжившие были измучены до предела и мечтали вновь обрести под ногами твердую землю. Трэйд в юности несколько раз бывал в Тимбаре и на Каменных островах, поэтому плавание далось ему легко. Он, как и Рэн, чувствовал себя чужим здесь и не знал, чем себя занять во время путешествия, так как команда Найла Торрена наотрез отказалась от какой бы то ни было помощи северянина. Рэн избегала его, она проводила время с Брайсом! Трэйд был уверен в этом, но гордость не позволила следить за ней. Рэн стала взрослой женщиной и сделала свой выбор. С этим придется примириться. Трэйд пообещал себе, что отпустит ее, как только убедится, что его недоверие к Брайсу плод ревности. Он надеялся, что это когда-нибудь произойдет и страшился этого.

Сейчас, с наслаждением вдыхая влажный свежий воздух, Трэйд стоял на палубе и смотрел, как в рассветном тумане вырисовывается маяк и порт Тимбары. Красные покатые крыши города окрашивали его в алый цвет, весь город был подернут легкой дымкой.

– Как красиво! – воскликнула Рэн, – я так хочу увидеть город!

– Мы войдем в порт ночью, – резко ответил капитан. – Вас никто не должен видеть. Тимбара – мирный город, но хейли всюду суют свой нос...

Найл Торрен обменялся взглядами с Брайсом. Трэйд видел это, и теперь глухая тревога, не покидавшая его с момента отплытия, переросла в твердую уверенность, что Брайс лжет и они все в опасности.

Селена

В сумерках «Услада» пришвартовалась на самой окраине порта. Неясными тенями по спущенным сходням на землю сошли измученные до предела северяне. Команда Торрена тепло попрощалась с Брайсом, они выходили в море на рассвете. Большая часть беглецов осталась в портовых харчевнях и постоянных дворах. Рэн, Трэйд и несколько его воинов в сопровождении Брайса отправились в город. В порту они были слишком заметны, и Брайс, скрепя

сердце, решил отвести Рэн в город. В сгущающихся теплых сумерках они миновали городские ворота и теперь петляли по пестрым извилистым улочкам Тимбары. Рэн было душно в надвинутом на самые глаза капюшоне, но снять его она не смела. Душу ее наполняла горечь – плавание закончилось, и она снова стала беглянкой! Опять нужно скрываться, бояться посторонних глаз и ушей, и бежать, бежать... только куда? Тем не менее, она украдкой разглядывала город, и он восхищал ее. Дарлог и Гэльдоран были построены первоначально как оборонительные крепости, они высились серыми неприступными стенами над снежными равнинами Севера, слишком мрачные и холодные, чтобы жить там было уютно. Толстые каменные стены должны были выстоять во время осады и снежных бурь, о большем строители и не думали.

Тимбара представлялась Рэн пестрым ковром со множеством рисунков. Здесь можно было найти и простые деревянные дома, и каменные дворцы со смотровыми площадками, и здания с остроконечными красными крышами на каменных колоннах. Последние Рэн видела впервые, на севере такого не строили.

Трэйд почти не глядел по сторонам, но зорко следил за Брайсом и подмечал то, что могли не увидеть другие. Он был в Тимбаре три года назад и видел, как она изменилась. Слишком много в порту военных кораблей, много пришлых людей в городе, горожане наглухо закрывали двери и окна с наступлением темноты, и сигнальные огни на маяке пылали даже ночью... Тимбара еще выглядела мирным портовым городом, но здесь уже не было безопасно. Его снедала тревога за Рэн, и он осторожно положил руку на рукоять меча, спрятанного в складках плаща.

Наконец Брайс остановился перед большим ярко освещенным домом, откуда лилась музыка и слышался смех. Они обогнули его и оказались перед небольшой дверью. Брайс постучал. Трэйду стоило только взглянуть на дом, чтобы понять, куда их привел Брайс. Он в ярости встряхнул его.

– Ты рехнулся! Привести Рэн в такое место!.. Что она здесь будет делать?..

Брайс отбросил его руки и с немалой злостью ответил:

– Здесь безопасно, и это самое главное для нее сейчас! Или, по-твоему, ей лучше было остаться на Севере и угодить к хейлям в руки? Я спасаю ее и тебя тоже, так что оставь свой праведный гнев при себе! Предложи что-нибудь получше, если тебе не нравится мой план!

– Прекратите вы оба! – прошептала Рэн. – Вы перебудите весь город своими криками...

Трэйд замолчал и лишь недобро глядел на соперника.

Брайс повернулся к Рэн и смущенно пробормотал:

– Прости меня... Когда мы сюда шли, я думал, это хороший план. Но тебе и правда не место здесь... Это... это дом увеселений... одной моей... знакомой... Здесь нас не станут искать...

Они трое молча стояли друг напротив друга, и в эту минуту задняя дверь открылась. На пороге стояла полуодетая миловидная девушка. Она широко улыбнулась, увидев Брайса.

– Добро пожаловать, Лис! Мы уже не надеялись увидеть тебя! Селена скучала по тебе... – тут девушка увидела Рэн и остальных и осеклась.

– Все в порядке, Мира, они со мной. Проводи-ка нас к Селене, по тайной лестнице, поняла?

Воины Трэйда остались внизу, в большой зале, где все пили и веселились, а они трое поднялись вслед за девушкой на второй этаж. Мира проводила их в большой богато убранный альков и скрылась за занавесями. Рэн во все глаза глядела на это убранство. Конечно, она читала о таких домах, как этот, где останавливаются заезжие торговцы, воины и мореплаватели, изголодавшиеся по женщинам и удовольствиям. Но они представлялись ей грязными и запретными, а этот дом стоял совсем не на отшибе и был чистым и красивым. На стенах висели тяжелые тканые гобелены, пол был покрыт мягким ковром с затейливым рисунком. В углу комнаты она увидела ложе, изукрашенное слоновой костью, на шелковых простынях были разбросаны маленькие подушки, на шкуре белой кошки у кровати стоял графин с вином.

По углам комнаты мягко горели свечи. Рэн уловила слабый запах благовоний. На всей обстановке лежал отпечаток сладострастия, даже неискушенная Рэн поняла, для чего были предназначены эти покои.

Шелковые занавеси колыхнулись, и в комнату вошла высокая темноволосая женщина. Рэн затаила дыхание, такой красивой ей показалась незнакомка. Ее длинные смоляные волосы были уложены в хитроумную прическу и украшены драгоценностями, темно-синее платье, перехваченное на плече булавкой, открывало высокую соблазнительную грудь. У незнакомки была ослепительно-белая кожа и гордый взгляд. Она минуту смотрела на них: с затаенной тоской на Брайса и с интересом на Трэйда, потом перевела взгляд на Рэн.

– Можешь снять свой капюшон, здесь тебя никто не увидит, ваше величество.

– Откуда Вам известно, кто она? – тут же спросил Трэйд, – если это ловушка...

– Остынь, северянин! – резко и властно произнесла женщина. – Твои люди внизу слишком много болтают! Но никакие секреты не выйдут за пределы этих стен, можешь не беспокоиться.

Она повернулась к Брайсу, губы тронула легкая усмешка.

– Так-так... значит ты вернулся... и привел ее сюда. Ты настолько глуп?

Брайс тоже усмехнулся.

– Нет, Селена, я настолько доверяю тебе.

– В наше время никому нельзя доверять, и ты это знаешь.

– Мне нужно убежище, пока я не найду корабль. Это займет неделю, может, две...

– Сейчас в Тимбаре не так легко найти корабль. Все суда здесь наперечет.

– Я что-нибудь придумаю... Так что, им можно остаться?

Селена молчала, и Рэн почувствовала, как у нее пылают щеки. Как это унижительно! Как он смел привести ее к своей любовнице, ибо она теперь не сомневалась, кем приходится Брайсу эта заносчивая красавица, и позволить ей издеваться над ними! Она накинула капюшон и метнулась к двери.

– Нет необходимости просить ее, Брайс! Мы уходим!

Брайс перехватил ее и крепко взял за руки.

– Рэн, послушай... я не знал, куда еще могу пойти, где нет соглядатаев Ситча. У меня ничего нет с Селеной, она просто друг... поверь мне! Не заставляй меня выяснять наши отношения сейчас!

– Вы, северяне, чересчур горячи, – усмехнулась Селена. – Тебе некуда идти. В Тимбаре полно тех, кто донесет в Ситч или покончит с тобой и твоими спутниками сразу. Брайс правильно сделал, что привел тебя ко мне. В доме увеселений всегда слишком много народу, чтобы это казалось подозрительным, – она насмешливо улыбнулась Рэн, – и слишком много девушек, чтобы обратили внимание еще на одну... Оставайтесь. Я велю отвести для вас покои наверху. И вот еще что, не спускайтесь вниз, если хотите остаться в живых.

Селена долгим взглядом окинула Рэн.

– Я сама помогу тебе, ступай за мной.

Мужчины остались в алькове, а Рэн вслед за Селеной прошла по длинному узкому коридору в другую комнату. Она была значительно меньше и не так богато обставлена, но в ней было все необходимое.

– Почему ты помогаешь нам? – Рэн кожей чувствовала враждебность Селены, но та лишь улыбнулась.

– Я делаю это потому, что Брайс попросил меня.

– Так значит вы... – Рэн задохнулась и умолкла. Селену казалось, забавляет все происходящее.

– Мы с Брайсом? О, нет! Когда-то давно... мы знаем друг друга с детства. У нас много общего помимо постели.

Рэн покраснела, в ответе женщины читалась неприкрытая издевка.

– Ты стараешься меня оскорбить, потому что сама любишь Брайса!

– Любить Брайса? Глупая, он слишком плохой, чтобы привязываться к нему! Его можно желать, ненавидеть, бояться, но любить... нет.

– Ты не знаешь его! Он хороший!

Селена внимательно посмотрела на Рэн.

– Ты ошибаешься, а Брайс – подлец, если заставил тебя верить в эту чушь! Таких, как он, нельзя любить! Он не даст тебе ничего, кроме боли и разочарования. Он не умеет любить и беречь чужое сердце. Не влюбляйся в него.

Рэн молчала. А что она знает о Брайсе, кроме того, что он сам рассказывал? А если то, что он рассказал, ложь? Нет! Она не имеет оснований не доверять Брайсу! Он любит ее, он спасает ее! Рэн стало страшно своих сомнений, и она укорила себя за малодушие.

– Я верю Брайсу! Ты не сможешь изменить этого!

Селена фыркнула.

– Мне и не надо ничего делать, он сам все разрушит... как всегда.

Тонкие брови Селены изогнулись, словно она что-то припоминала.

– Крэйн Марон – твой брат?

Рэн от неожиданности вздрогнула. При ней имени Крэйна почти не упоминали, опять перед глазами возник кошмар, который будет преследовать ее до самой смерти.

– Ты знала Крэйна?

– Да, я его знала. Глупый самонадеянный мальчишка! Он хотел стать одним из нас, думал, что сможет справиться со своей новой сущностью, но он оказался слишком слаб! – презрительно бросила Селена.

– Одним из вас? – растерянно повторила Рэн. – Я не понимаю, о чем ты...

Селена снова улыбнулась, холодно, зло.

– Не понимаешь, правда? Разве Брайс не сказал тебе? Я хейль. Крэйн приехал сюда и просил меня сделать его таким же. Мы стали любовниками в полнолуние. Это был мой подарок ему.

Селена. Часть 2

Ей казалось, она падает бесконечно долго. Темнота засасывала, манила в свою мягкую глубину, и Рэн уже не находила в себе сил сопротивляться ей. Как сквозь туман, она слышала взволнованные голоса Трэйда и Брайса и ненавистный властный голос Селены.

– Что ты ей сказала? – яростно прошептал Брайс. Селена передернула обнаженным плечом.

– Правду, что же еще. Кто-то ведь должен был ей сказать, если у тебя самого духу не хватило!

– Только не так! Ты ее до обморока довела!

– А как? К тому же я не ожидала, что твоя драгоценная Рэн такая неженка, сразу в обморок падать!..

– Она изнурена до предела! Мы прошли очень долгий путь от Дарлога, и она ни разу не жаловалась. Ты не представляешь себе, что она вынесла на родине.

– Только не надо мне рассказывать, как тяжело ей, бедняжке, пришлось! – зло прошептала Селена, – у каждого свои испытания! И мне ее не жаль!

– Тебе никого не жаль, – тихо сказал Брайс.

– А тебе?..

Потом голоса слились в сплошной гул, и ее окутала тьма. В ней остались лишь голоса, звучавшие в ее собственной голове. «Мы стали любовниками в полнолуние... это был мой

подарок...» Она и Брайс... их первая ночь, освещенная полной луной... Его не ранил ни один хейль, она, это сделала она сама! «Но ты спасла его! – вкрадчиво произнес уже знакомый Голос, – помнишь, мы спасли его... А теперь я должна спасти тебя». «Зачем? – еле выговорила Рэн, – я не хочу возвращаться... Крэйн лгал, Брайс лгал мне...» «Ты нужна мне, – ласково пропел Голос. – Меня нет без тебя. Поэтому ты должна проснуться...» Рэн отчаянно сопротивлялась, но, казалось, ее разум и тело больше не принадлежат ей, легкие наполнились свежим воздухом, сердце ровно билось, веки затрепетали от света, бывшего в лицо.

«Я не хочу...» – беззвучно плакала Рэн, но против ее воли силы возвращались в бессознательное тело. «Открывай глаза, – приказал Голос, ставший из ласкового непреклонным и злым, – сейчас!»

Рэн судорожно вдохнула воздух, так, что заболело в груди и закружилась голова, и без сил откинулась на подушки. Она находилась в другой комнате, в распахнутое окно врвался свежий морской ветерок, за окном слышно было шум города: голоса торговцев, стук молотков и ругань работников на верфи, резкие крики чаек...

– Уже день? – удивленно прошептала она, ища глазами Брайса и не находя его. У ее постели сидел Трэйд, как только она очнулась, он выпустил ее руку из своей ладони. За его спиной маячила молоденькая служанка с подносом. От ароматов еды у Рэн закружилась голова, она сглотнула, борясь с подступающей тошнотой.

– Убери это! Ей сейчас нужно кое-что другое! – властно приказала Селена, входя в комнату, – значит, ты наконец-то очнулась...

– Ты долго не приходила в себя, – ответил Трэйд на ее немой вопрос. – Ты нас всех напугала...

Сейчас день... – растерянно повторила Рэн. – Сколько я пробыла без сознания? Целый день?

Ее испугало молчание Трэйда.

– Почти неделю...

– Неделю? – прошептала Рэн. Неделя в логове ее злейших врагов, неделя без Брайса...

– Что со мной?

– Ты здорова, лихорадки нет, ушибов нет, просто ты не приходила в себя, – ответила Селена. – Ты разговаривала сама с собой... – она пристально посмотрела на Рэн.

– Оставьте нас! Я хочу поговорить с ней наедине, – бросила она Трэйду. – Да не сделаю я ей ничего плохого! Такая возможность у меня была целую неделю!

Когда Трэйд вышел, она усмехнулась.

– Усмири как-нибудь своего сторожевого пса! Он не давал ничего с тобой сделать, пока я не сказала, что ты можешь умереть без моей помощи.

– Где Брайс? Это он должен был охранять меня, а не Трэйд.

– Брайс знает, что здесь тебе ничто не угрожает! – фыркнула Селена. – Он ушел недавно, до этого он не отходил от твоей кровати. Я сказала ему, что ты не очнешься до сумерек.

Рэн ответила Селене таким же пронизывающим взглядом.

– Но ты знала, что я очнусь раньше, так ведь?

– Я дала тебе одно снадобье. Оно приведет в себя любого, кроме мертвеца. Я хотела поговорить без него. – Селена тонкими пальцами нежно поглаживала ткань гобелена, казалось, ее это интересует больше, чем Рэн.

– Значит, ты хейль... Забавно, наверное, быть хейлем среди северян... – нехорошим голосом проговорила она. – И кто же тебя обратил? Твой ненаглядный братец?

Он поцарапал меня... – прошептала Рэн. Привычный кошмар тут же всплыл перед глазами.

– А ты сделала хейлем Брайса...

– Я не знала...

– Полнолуние – запретное время для нас, если мы хотим уберечь любимых! Но ты, разумеется, этого не знала. Мы никогда не проводили вместе ночи полнолуния! Ты... – Селена резко замолчала, потом вздохнула. – Во сне ты рассказала очень интересную историю... настолько интересную, что узнай о ней кто-то из Ситча, ты бы уже не дышала. Это правда, что твоя кровь не позволила Брайсу обратиться?

– Да.

– Ты, наверняка, ненавидишь эту сторону своей сущности и стыдишься ее, – сказала вдруг Селена.

– Я не хотела становиться хейлем, – просто ответила Рэн.

– Ну уж твой брат-то точно хотел. Он ходил за мной по пятам, умоляя лечь с ним.

– Зачем ты это сделала? – Рэн в упор посмотрела на Селену. – Он был юным и глупым, а ты погубила его!

Селена равнодушно пожала плечами.

– Мне жаль.

– Нет, тебе не жаль его.

– Верно, не жаль. Он – проклятый северянин! И я радуюсь, если кто-то из них гибнет! – голос ее дрожал и рвался, но Селена продолжала. – Вы презираете нас, считая животными, высокородные владыки Севера! Самые подлые и жестокие люди, каких я знаю!

Рэн молчала, пораженная этим взрывом горечи и гнева.

– Почему ты так ненавидишь нас? – наконец спросила она.

– Родичи вашего дома привезли однажды из-за Черных Порогов девушку, она была хейлем... Ты еще многого не знаешь о своей новой сущности... Хейль может обратиться не только в полнолуние, но это требует огромных сил. Иногда обращение происходит, если опасность угрожает жизни или если хейля довести до состояния животного. Это может быть страх... или боль. Так вот, ту девушку отвезли в замок и долго пытали, пока она не обезумела от боли и не обратилась в зверя...

Рэн слушала, боясь вздохнуть, понимая, что самое страшное еще не сказано.

– И тогда твои благородные славные северяне устроили охоту. Она была очень слаба после превращения и перенесенных пыток и не смогла уйти далеко... Собаки, ее растерзала свора псов!.. – Селена судорожно вдохнула воздух, – а после они все отправились пировать, поздравляя друг друга с удачной охотой! Вот почему я ненавижу северян. Та девушка была моей матерью, и эта история – все, что я о ней знаю.

Селена долго молчала, потом заговорила своим обычным ехидным голосом:

– Хейли не чудовища, когда ты поймешь это, зверь внутри тебя будет давать тебе силы и перестанет быть твоей слабостью.

Брайс с рассвета стоял на старом деревянном пирсе с полусгнившими досками, на окраине порта. Ничего не изменилось: все так же неистово дрались над водой чайки, пахло рыбой и морем, те же лачуги лепились к верфи со всех сторон, загорелые и босоногие рыбацкие дети по-прежнему играли в «стой-или-умри»... Он отвернулся к морю и долго вглядывался в бурные волны. Не обернулся и тогда, когда худенький мальчишка подбежал к нему и сел на пирс рядом, болтая ногами в воде. Они оба долго молчали, казалось, даже не замечая друг друга.

– Скоро глава Совета навести нашу гостью, – мальчишка ловко встал на ноги, разбрызгивая по нагретым доскам соленые капли. На пирс что-то упало. Брайс не шелохнулся, слушая, как удаляется топот бегущего связного. Потом медленно поднял кожаный кошель с монетами. Он был тяжелым и неприятно оттягивал руку.

– Катитесь вы к Черному Богу! – яростно воскликнул он, замахиваясь кошельком. Он упал в воду, а Брайс стоял и смотрел, как по морской глади идут беспокойные круги, и на душе у него было так же мерзко, как в тот день, когда он впервые увидел немерсис.

Брайс

Брайс вернулся уже в сумерках. По дороге назад он заглянул в порт и переговорил с дюжиной капитанов. Но все будто сговорились: и владельцы больших надежных кораблей, и хозяева утлых суденышек наотрез отказывались покидать Тимбару и плыть дальше, чем до Кинеи или Ситча. Не помогло ни напоминание о старых долгах, ни обещанные баснословные деньги. Брайс понимал, что им всем дан негласный приказ Совета, и страх за Рэн становился все сильнее. Приехать в Тимбару оказалось легко, а вот выбраться отсюда... Теперь уже он не сомневался, что Найл Торрен предал его и донес Совету. Его душил бессильный гнев. Как он мог так беспечно поверить человеку, который всем обязан Совету и Марру! Теперь во что бы то ни стало нужно убираться из города и побыстрее. Время было против них.

Дом, куда перенесли Рэн еще неделю назад, стоял у самой кромки воды, это была тихая улочка торговцев рыбой и каменщиков, на отшибе от кипучей жизни города. Дом был тих и темен. Брайс толкнул тяжелую дверь и обернулся. Кругом была тишина, никто не прятался в темном переулке, никаких соглядатаев не было у него за спиной. Он долго стоял, вглядываясь в ночные тени, а потом осторожно прикрыл двери.

В комнате перед очагом его ждала Селена. Она выпрямила затекшую спину и внимательно посмотрела на Брайса.

– Тебя долго не было.

– Я искал корабль... – он пододвинул к себе остывший ужин. – Как Рэн?

– Я дала ей сонного молока, думаю, она сейчас спит. Она спрашивала про тебя...

– А ты так удачно меня отослала!

– Я поговорила с ней. У тебя же смелости не хватило! – едко заметила Селена. – Она слишком сильно боится и ненавидит свою сущность... если она не примет все, как есть, то заболит всерьез. Неужели хейли такие страшные?

– Она не видела хороших хейлей. Те, которых она знает, были настоящими чудовищами, убившими ее народ.

– У медали всегда две стороны, а она видит только плохую... Надеюсь, она не умрет у нас на руках!

– Она сильная. Но меня тревожит ее состояние... и этот ее Голос...

– Ах, да, Голос... судя по тому, что я слышала, он спас тебе жизнь.

– И чуть не стоил жизни Рэн. Это уже не первый раз, и с каждым новым она приходит в себя все дольше и болезненнее. Я хочу прекратить это!

– А ты не думал, что Голос – это часть ее сущности, которую ты не можешь изменить по своему усмотрению?

– Я не хочу потерять ее, с Голосом или без него – мне нужна эта женщина.

Селена молча пожала плечами, слегка дрогнули уголки губ, но чувств и мыслей ее не выдали.

– Чем она так отличается от других, Брайс?

– Я люблю ее, этим она отличается ото всех!

Ее плечи разом поникли, тонкие пальцы, теребившие шелковую накидку, судорожно сжались. Хватит! Сколько можно терзать себя, с каждым его словом мучаясь все больше и больше! Таких, как Брайс, нельзя любить, она знает это уже много лет, а у бедной наивной Рэн все еще впереди – и запоздалое прозрение, и муки сожалений... Но вдруг этой девчонке и правда удалось приручить Брайса? Бессильная ревность душила ее, не давая вздохнуть. Она не смогла

удержать его дольше, чем на несколько ночей между плаваниями, и все, что осталось, это делать вид, что она ему друг. Иначе не перенести пытки не видеть его больше. Селена почувствовала себя старой. Сколько лет она знает Брайса? Десять или даже больше... Они знакомы еще с той поры, как на него все показывали пальцем и шептались о смерти его матери. Она запомнила худенького взъерошенного мальчишку, озлобленного и дикого. И потянулась ему навстречу, поняв его одиночество и страх, как свои собственные, узнала в нем родственную душу. Они оба были изгоями. Но детство давно закончилось. Селена поманила стражника, тут же бесшумно выступившего из темноты. Накинула капюшон и бросила на Брайса долгий взгляд. Он ждал, когда она уйдет, чтобы броситься к Рэн! И она тихо притворила дверь.

Рэн лихорадило, боль огненным кольцом сжимала виски, а от щедрой порции сонного молока ее все глубже засасывало в водоворот кошмаров. Ей снова привиделась страшная ночь во дворце, Крэйи, который уже не был собой, языки пламени... И последняя ночь осады, когда она брела по заснеженному городу. Потом ей приснилась Тимбара. Она босая шла по деревянной пристани, ощущая непривычное тепло нагретого дерева. У края пирса стоял Брайс, она все шла и шла, а он, не оборачиваясь, смотрел на море и не замечал ее. Рэн побежала, окликая его, но он не слышал. Потом во сне появился Трэйд, он держал ее за руку и не пускал к Брайсу. Когда ей наконец удалось вырваться, она увидела, что Брайс ушел по пирсу уже далеко. Ей никак не удавалось догнать его, проклятый пирс не кончался и все больше разделял ее и Брайса.

Рэн порывисто села на смятой постели, тяжело дыша, с трудом понимая, где она. В комнате было свежо, в открытое окно долетал шум прибоя, была ночь. Рэн огляделась, плотнее запахнувшись в одеяло, она была одна. Она подавила вздох разочарования. Брайса не было рядом, так же, как и во сне. Она не знала, что он уже битый час меряет коридор шагами, не находя смелости увидеть ее и сказать правду.

Скрип открывающейся двери заставил ее вздрогнуть. Она нервно сжала край одеяла пальцами. В комнату вошел Брайс, бросил на нее настороженный покаянный взгляд, стремительно шагнул к кровати. Обида и ревность заставили Рэн отодвинуться, Брайс, заметив это, не сделал больше попыток приблизиться и стал у двери, небрежно прислонившись к стене.

Сердце отчаянно колотилось. Она знает! Уверенность в этом росла с каждой минутой. Та холодность и презрительный взгляд, которым Рэн встретила его у дверей, говорили об этом. А он, как дурак, ждал, что она простит его, поймет, что все случилось до того, как он увидел ее на крепостной стене Дарлога... И вот она сидит, отодвинувшись от него на самый край постели, и смотрит недоверчивым взглядом.

– Как ты себя чувствуешь? – он видел, что Рэн бледная и осунувшаяся, и его снедала тревога за нее. Рэн молча смотрела в сторону, кажется, она и не думает отвечать. Наконец она подняла голову и взглянула на Брайса.

– Где ты был?

В голове у него шумело, но надо что-то сказать, ее испытующий враждебный взгляд требовал ответа.

– Я искал корабль...

– Ты оставил меня одну!

– Рэн, я был рядом все шесть дней, что ты не приходила в себя! Мы не можем здесь дольше оставаться, это слишком опасно! Поэтому мне пришлось уйти.

– Тебя не было рядом, – упрямо повторила она. Рэн понимала, что он прав, что ни Трэйд, ни она сама не могут разгуливать по городу, не привлекая излишнего внимания. Но ей было плохо, она чувствовала себя маленькой и слабой, ей хотелось, чтобы о ней заботились, а не бросали наедине с кошмарами!

Брайс безнадежно смотрел на Рэн. Она верно ненавидит его! Впервые он видел ее такой: холодной, отстраненной, чужой... Страх потерять ее наполнял сердце до краев, мешая думать

и говорить. Она все уже решила, и теперь неважно, знает она всю правду или только догадывается, бесполезно вымаливать у нее прощение! Брайс яростно тряхнул головой. Единственная его вина в том, что он любит эту женщину. Сделку он заключил, едва ли зная что-то о наследнице Марон. Доселе незнакомая боль терзала сердце. Проклятое чувство! Брайс пошел к двери, краем глаза видя, что Рэн вскочила с постели. Одеядо соскользнуло и смятым комком лежало теперь у ее босых ног. Он повернулся к Рэн.

– Если ты хочешь, я уйду.

Она стояла, дрожа от сырого ночного воздуха. Исхудалые бледные руки беспомощно упали, она до крови закусил губу.

– Нет! Я хочу, чтобы ты остался!

Он стремительно шагнул к Рэн, запрокинул ей голову и, грубо раздвигая дрожащие губы, поцеловал. Нетерпеливые пальцы расстегивали тесемки и крючки на ее платье. Они не поддавались, и тогда Брайс рывком разорвал тонкую ткань лифа. Треск разрывающейся материи заставил Рэн пугливо вздрогнуть, испорченное платье свисало на бедрах, обнажая грудь, но она все так же покорно стояла, не делая попыток прикрыться. Тогда Брайс подхватил ее тонкое, почти невесомое тело и понес к кровати. Его руки грубо, судорожно сжимали ее, каждое его движение причиняло боль. Рэн задыхалась, слишком ошеломленная и испуганная поведением Брайса, чтобы сопротивляться. Он целовал ее с яростью, желая сделать больно и унижить. В этой близости вылилась вся его отчаянная ревность и страх потерять Рэн. Он сам не понимал, почему творит с ней такое. Ему хотелось любить и защищать ее, а не мучить. Но сейчас обладание ей причиняло только боль, а не радость, как прежде. Брайс уже не мог остановиться, моля всех богов, чтобы Рэн сама заставила его. Но она молчала, до конца не размыкая своих объятий.

Они долго лежали в рассветных сумерках, слыша звуки просыпающегося за окном города. Рэн не проронила ни слова, ее плечи закаменели, она вся сжалась и лежала, не шевелясь. Брайс видел, как из-под длинных полуопущенных ресниц скатываются по щекам беззвучные слезы. Иступление и ярость схлынули, оставив лишь мучительное опустошение. Ему хотелось кричать от нахлынувшего раскаяния и сожаления, вымаливать у нее прощения, но он только нежно убрал с мокрых щек прилипшие волосы и губами собирал ее слезы. Глубокие блестящие глаза распахнулись ему навстречу, и Брайс понял, что и этого искупления она не потребует, что Рэн по-прежнему любит его. Он обнял ее и, как ребенка, качал в крепких руках, пока она не затихла.

Рэн, не отрываясь, смотрела, как светлеет небо над кромкой воды. Слезы высохли, но глухая боль в груди не отпускала. Она ничего не сказала Брайсу, но Голос внутри пел, что времени у них осталось совсем мало.

Маритт

Еще несколько дней Рэн была так слаба, что одна порция снадобий сменяла другую каждый час бодрствования. Большую часть времени она находилась в забытии, изредка приходила в себя, послушно пила лекарство и снова проваливалась в кошмары. Брайс не отходил от больной ни на шаг, даже спал у ее кровати. Он тоже осунулся и похудел, за время болезни он едва сказал пару слов Селене, да и то, лишь когда она велела разбудить Рэн, чтобы напоить травяным отваром.

– Пусть она спит! Прекрати мучить ее даже во сне! Это единственное место, куда она может сбежать от нас всех...

Селена окинула его долгим пристальным взглядом и согласилась. Она поняла, что в первую очередь Брайс говорил о себе.

Наконец, через четыре дня Рэн перестала спать целыми сутками и сидела в кровати, обложенная подушками, слишком слабая, даже чтобы самостоятельно есть. Брайс приносил ей редкие фрукты и сладости. Рэн покорно ела, чтобы не обидеть его, но еще охотнее она бы закрыла глаза... Ее пугала та легкость, с которой она переходила в состояние блаженного полусна. Стоило смежить ресницы, и ее словно уносило ласковой теплой волной все дальше и дальше от реальности. Даже Голос уже не требовал просыпаться; этого просил, молил всем своим видом Брайс. Ради него Рэн делала мучительное усилие и не засыпала.

На пятый день Брайс отнес ее на руках на белый песок к морю. Рэн молча наблюдала, как темнеет вечернее небо, перебирая горячий песок пальцами. Ей до сих пор было непривычно, что тепло может быть не только от огня в очаге, что его не надо оберегать толстыми каменными стенами, а в нем можно нежиться, как в горячей ванне. Брайс сидел у ее ног, не сводя с нее взгляда. Ему мучительно хотелось снова услышать ее смех, как это было на «Усладе», но он понимал, что время еще не пришло. Едва ли не больше ему хотелось прикоснуться к ней, обнять, любить ее долго и нежно. Но он не знал, когда Рэн сможет снова доверять ему. К тому же болезнь надолго отсрочила даже такие удовольствия, как простые прогулки.

– Это ведь снова твой Голос? Ты впадаешь в такое состояние, когда говоришь с ним...

– Это не я, а он говорит со мной, – мягко поправила Рэн. От нее не укрылась враждебность, с которой Брайс говорил о Голосе. Впрочем, она и сама не могла до конца доверять ему, хотя он спас и ее, и Брайса.

– Я беспокоюсь за тебя, – Брайс твердо решил поговорить с Рэн, не принимая отговорки.

– Не волнуйся, я справлюсь с этим.

– Не справишься! Рэн, ты едва не умерла! Я не хочу потерять тебя, когда в следующий раз Голос снова надумает поболтать с тобой!

– И чего же ты хочешь от меня? – Рэн высыпала песок, который уже остыл, и взглянула на Брайса.

– Я хочу познакомить тебя с Маритт. Она разбирается в таких вещах... Маритт – целительница.

– Брайс, это не болезнь, – Рэн становилось все труднее спорить с ним, к тому же она устала, – но, если ты перестанешь волноваться за меня, я согласна.

Она зябко повела плечами. Тепло быстро уходило, на смену ему пришел сырой холодный вечер. Ее снова знобило и ужасно хотелось спать. Может быть, Брайс прав, ей действительно нужна помощь. Голос говорил, что у них обоих осталось совсем мало времени, и теперь Рэн с холодком страха все чаще думала, что он прав. Она стала бояться, засыпая, уже не проснуться.

Еще несколько дней, пока силы не вернулись к Рэн, Брайс не вспоминал при ней о Маритт и ее обещании. Рэн с облегчением подумала, что он забыл об этом. Но однажды вечером Брайс принес ей теплый шерстяной плащ и сапоги. Сам он был одет как простой наемник, в руках у него была масляная лампа. Рэн с удивлением посмотрела на него.

– Что это значит?

– Сегодня мы навестим Маритт, – и, пресекая ее дальнейшие возражения, быстро добавил, – ты мне обещала, помнишь?

Рэн вздохнула и взяла из его рук плащ.

Тимбара не спала даже ночью. В портовом городке горели огни, маяк отбрасывал на серую гладь воды золотистый свет. Тут и там раздавались пьяные голоса моряков и наемников. Рэн быстро шла за Брайсом, не смея поднять голову. Тяжелый капюшон сползал на глаза, и все, что она запомнила, это клочок грязной мощеной дороги, сменившийся утоптанной тропинкой.

Дом целительницы стоял за городской чертой, окруженный сухими чахлыми деревьями, никак не желавшими расти и плодоносить без солнца. Внушительное каменное сооружение удивило Рэн. Ей почему-то представлялось, что лекарка должна жить в лесной избушке,

а не в большом красивом доме. Брайс постучал. Она видела, как за занавесями в окне промелькнула тень, затеплился огонек свечи и тяжелая дубовая дверь распахнулась. На пороге стояла высокая красивая женщина. Ее огненные волосы свободно струились по плечам и только у висков были заплетены в косички. Красивые яркие губы изогнулись в полуулыбке при виде Брайса, зеленые глаза хитро сверкнули из-под длинных темных ресниц. Она была одета как обычная горожанка, только с широкого пояса свисали цепочки со всевозможными ключами и амулетами. Она впиалась взглядом в Рэн, потом, видимо, что-то для себя решив, поманила их внутрь.

Рэн оказалась в просторной светлой комнате с огромным очагом в центре. На широкой дубовой столешнице стояли всевозможные склянки и пузырьки с резко пахнущими жидкостями. Множество свечей в красивых подсвечниках, расставленных тут и там, освещали залу. Маритт жестом указала гостям на резной деревянный сундук. Рэн послушно села, Брайс небрежно прислонился к стене.

– Что привело тебя сюда, да еще ночью? – голос у целительницы был бархатистый, тягучий. Но сейчас в нем явственно слышалась тревога.

– Мне нужна твоя помощь, Маритт. – Брайс минуту помедлил, потом все же решился. – Это Рэн, королева рода Марон и хозяйка Дарлога. Я хочу, чтобы ты помогла ей.

– Брайс, люди легковерны. Я варю зелья и любовные напитки, могу помочь приворожить возлюбленного... но все это действует лишь потому, что те, кто ко мне приходит, отчаянно жаждут верить в магию. Колдовства не существует. Чем же я могу помочь вам?

Брайс пододвинул грубо сколоченную скамью поближе к огню и начал рассказывать. Когда он закончил, Маритт долго молчала, собираясь с мыслями.

– Что ж, ночь, видимо, будет долгой, – она устало потерла глаза и зажгла несколько новых свечей. В комнату вошла еще одна девушка. Она была младше, и золотисто-русые волосы только отливали рыжим, но вот она подняла голову и блеснула такими же изумрудно-зелеными глазами, как и Маритт. От Рэн не укрылось, каким неудержимым светом засияли эти глаза при виде Брайса. Тот дружески улыбнулся девушке и легонько потрепал ее по щеке.

– Ты выросла, пока я был в плавании, Уинн. Стала совсем взрослой! Наверняка, от уха-жеров у тебя нет отбоя!

Щеки девушки запылали, она опустила голову, разглядывая подол своей юбки. Маритт усмехнулась.

– Уинн, будь добра, приготовь нашим гостям чай. Это моя сестра, как ты, наверное, догадалась, – объяснила она Рэн.

Девушка тут же скрылась в другой комнате, а Маритт пристально посмотрела на Рэн.

– Значит, это тебя ищет вся армия хейлей, немерсис и лазутчики Ситча в Тимбаре... скрываться у них под самым носом, умно! – она снова усмехнулась, – но для нас очень опасно.

– Почему же ты согласилась помочь нам?

Губы Маритт дрогнули.

– Я плачу свои старые долги. Брайс когда-то спас Уинн от травли. Она была новообращенной и еще ничего не знала. Он укрыл ее, рискуя собственной жизнью. Так что, как видишь, отказаться я не могла.

В комнату вновь вошла ее сестра, неся тяжелый поднос с дымящимся ароматным напитком.

– Это чай отэми с Южных островов, очень редкий, – Маритт неспеша налила напиток Рэн. Та сделала несколько глотков. Вкус у него был одновременно и сладкий, и горький, и пряный. Одурманивающий, усыпляющий...

Она вдруг покачнулась и стремительно понеслась в черную пропасть. Во тьме Рэн разглядела неясный силуэт, а потом глаза Незнакомки засияли ей навстречу, до краев наполнив

ее сознание этим светом. Словно со стороны она увидела себя, бредущей по извилистой каменной дороге, и что-то темное и страшное.

– Что это?

– Это смерть, – ответил Голос, но тебе не стоит бояться ее... – последние слова Рэн едва разобрала, их словно относил ветром. «Постой!» – крикнула она, и в ту же секунду не стало ни света, ни Незнакомки. Она была в доме Маритт, огонь все так же пылал в очаге, а чай на ее подносе даже не остыл.

– Что... что со мной случилось? – растерянно прошептала Рэн. Она видела обеспокоенное лицо Брайса, как сквозь пелену.

– Ты спала, – спокойно ответила Маритт.

– Черный бог тебя забирай! – выругался Брайс. – Ты сошла с ума, Маритт! Ты ее чуть не отравила!

– Зато теперь я знаю, как ей помочь.

Она заглянула в глаза Рэн и долго своим взглядом не отпускала ее.

– Ты вылечишь ее?

Маритт лишь покачала головой.

– Это не болезнь, Брайс... У человеческого разума есть две стороны, как у медали... часто мы живем, видя лишь одну из них. Все тайное, страшное, запретное разум прячет от нас подальше, иначе мы сойдем с ума... но иногда можно заглянуть туда... это разрушение, но одновременно и великая сила, если знать, как ей пользоваться... Рэн научилась открывать двери к этому неведомому... но этого мало. Каждую открытую дверь нужно закрывать, если не хочешь в них заблудиться. Тебе надо научиться отличать реальность от твоего Голоса, от видений, которые посылает тебе твоя тайная часть сущности. И в этом я могу помочь тебе.

– Значит, мой Голос говорит мне то, что случится? – Маритт задумалась, ловко смешивая какие-то ароматные порошки, отмеряя щепотки и бережно ссыпая их в бутылку.

– Он говорит тебе, что может случиться или чего ты ожидаешь... точнее я сказать не могу, – она по-настоящему улыбнулась, став на миг совсем юной, младше своей сестры. – Я же говорила тебе, я не колдунья и не прорицательница! Я приготовлю тебе достаточно чая отэми, он поможет тебе легко открывать и закрывать двери сознания. Но это все, что я могу сделать. По крайней мере, переход не будет так опасен для тебя.

Пока она говорила, Рэн рассматривала амулеты и порошки на широком столе. Потом она увидела книгу. В старом кожаном переплете с полустертой вязью мертвого языка, она вся была покрыта пылью. Рэн осторожно пододвинула ее к свету и открыла. Она не смогла сдержать восхищенный возглас. В Дарлоге у нее были книги о древних легендах, но эта... Она жадно пролистывала хрупкие страницы: легенда о Сером снеге, о Последней битве, о тех, кто сам видел немерсис... песнь об Амастриде, о Хранителях... что-то тревожное отозвалось внутри. Она все листала книгу, чувствуя, что здесь написано нечто большее, чем просто красивые сказки, не зная еще, что искать...

– Положи эту книгу, пожалуйста! – голос Маритт был суровым и резким. – Она очень старая и хрупкая, я никому не позволяю смотреть ее.

– Маритт, позволь ей...

– Нет! – целительница торопливо завернула книгу в ткань и унесла в другую комнату.

– Теперь вам пора уходить. И, Брайс... больше не приходите сюда, я сделала все, что могла для нее.

Уинн прислушивалась к удаляющимся шагам посетителей, потом села рядом с сестрой. Маритт ласково погладила ее по щеке.

– Тебе лучше забыть его, Уинн. Живи своей жизнью, у него другой путь. Никто не должен знать, что они были здесь, и никто не должен видеть тебя рядом с Брайсом, это опасно, – она тревожно вглядывалась в лицо сестры, – ты поняла?

– Хорошо, Маритт.

Она дождалась, когда Маритт поднялась наверх и уснула, бережно взяла книгу и выскользнула за двери.

Книга легенд

Рассвет застал Рэн за чтением. Впервые с начала болезни ей совсем не хотелось спать. Книга очаровала ее. Ночью в двери торопливо постучали, и когда Брайс открыл, они с удивлением увидели Уинн с бережно завернутой книгой в руках. Смущаясь, она протянула ее Брайсу. Рэн не успела ни поблагодарить, ни предостеречь ее, Уинн так же бесшумно растворилась в ночи, оставив только едва уловимый запах трав и пряностей.

И вот наконец Рэн держит в руках эту бесценную книгу, такую ветхую, что даже страшно переворачивать страницы. С той минуты одна зажженная свеча сменяла другую, а Рэн погрузилась в таинственный мир, существовавший еще до их времени, до Последней войны.

Здесь были записаны истории разных стран, войн и завоеваний, создания и падения великих держав. Наконец на середине книги Рэн добралась до описаний Последней войны и последовавшего после распада материка. Язык был тяжелый и временами непонятный, но многое Рэн знала и так. Начавшаяся война втягивала в себя все новые и новые государства, малые объединялись с большими, создавалось все больше и больше оружия. Рэн с удивлением прочла, что существовало оружие, невидимое глазу, но убивающее все живое – клубы смерти, как его называл летописец. Люди и животные падали, едва вдохнув отравленный воздух, и от него не было спасения. Дальше история становилась все страшнее и страшнее. *«И не стало на земле урожая, поля стояли пустые, деревья и источники засохли, вместо земли остались одни мертвые камни... Начались болезни и голод, сильные убивали слабых, а после умирали сами, и не стало больше надежды... Люди отказывались воевать, и тогда для последней большой победы государи Запада создали великую армию. Воины, закованные в железо, не требовали ни воды, ни пищи, они шли и сеяли вокруг себя смерть и ужас и не щадили никого, как им и велели... и оставшиеся в живых бежали все дальше на юг и дали им название – немерсис – несущие смерть...»* Рэн с содроганием читала описания немерсис. Выходит, какие-то легенды лгут, они появились еще до Последней битвы. И как, из чего их создали, что они столь неуязвимы? Она покачала головой – тот мир был полон магии и тайн!

«Под натиском Запада пало множество государств, оставшиеся же стали искать союза. И взяли последнее свое оружие, и собрав все силы, ударили по врагу...» Далее шел целый кусок, который Рэн так и не смогла разобрать, очевидно повествующий о том, что это было за оружие. Несколько листов было вырвано и часть текста утеряна. *«... содрогнулась вся земля на сотни лиг вокруг и раскололась... клубы ядовитой пыли поднялись и закрыли солнце, и пришла на землю тьма и не рассеялась. Великая скорбь и страх охватили людей, создавали они себе богов и молились им, но никто не помогал больше выжившим. И через тридцать дней и ночей пошел с неба дождь. Но он не принес жизни на опустошенную землю. Не касаясь земли, капли высыхали, а на горячие камни падали серые хлопья пепла. Пришло время, которое Древний Бог называл Своим пришествием, но никто не увидел его. И многие погибли, ацелевшие укрылись в Убежищах и в горных пещерах. И назвали это время Серым дождем или Серым пеплом...»*

Когда же пыль и снег покрыли землю и воздух снова стал пригоден для дыхания, вышли на поверхность люди и увидели, как мало их осталось... На земле ничто более не цвело и не давало плодов, многие животные погибли от Пепла, великие города стояли в руинах, и жизнь едва теплилась... ледяная тьма пришла в мир и правила им...»

Выжившие объединили все силы для того, чтобы сохранить остатки человеческого рода, и постепенно расселились по изменившейся земле, все дальше отстоя друг от друга... основали

новые государства. Рэн наконец нашла первые упоминания о Дарлоге, Гэльдоране, Южных городах. Язык становился все понятней, и Рэн с благоговением подумала о бесчисленных десятках людей, потративших жизнь ради того, чтобы запечатлеть на бумаге эту историю.

«И поныне руины великих городов стоят в песках Южной пустыни, иные же покоятся на дне Шепцуцего моря и Южного Рога... Солнце над Востоком больше не светило, и отныне города там получили название Темных или Черных... люди там необычного вида, во все дни кроме полнолуний, они походят обликом на людей, но в полнолуние обращаются в диких животных, и горе тем, кто встретиться им на пути, ибо хейли не знают тогда пощады...»

На севере выпал снег, и бледное солнце не смогло растопить его. Северные люди дики и свободны, они хорошие воины и охотники... живут они в каменных замках, и всегда берегут огонь в очагах своих жилищ...»

Южных людей мало кто видел, ибо за Южным Рогом бурное и опасное море. Говорят, они высокие и смуглые, и приносят человеческие жертвы своим богам, они хорошие лекари, и их называют еще Великими Целителями Юга... много же о них не известно.

А на юге, за морем, земля осталась прежней, ибо боги решили сохранить ее и укрыли от Серого пепла Куполом. Там светит солнце, цветут деревья и поля, в изобилии животные и растения... Земля эта называется Амастрида, что на мертвом языке значит «недостижимая», и нет ни одного человека, кто мог бы сказать: «Да, я был там и видел все описанное!», ибо те, кто отправлялся на юг, не вернулись...»

«В Черных топях остались армии Последней битвы, но немерсис не погибли... и по сей день они несут смерть и верно служат своим хозяевам... Ибо если кто отважится призвать их, зная то, что надо произнести, того они никогда уже не предадут... Горе тем, против кого выступают немерсис, спасения от них нет много, кроме Хранителя... По всему свету искать людей, способных управлять армией немерсис... Первые хранители были с Южных островов...»

Далее было вырвано еще несколько листов, Рэн нетерпеливо пролистала обрывки тонких пожелтевших листов и издала возглас разочарования. Ничего! Ничего больше о Хранителях! Кто-то постарался уничтожить все подсказки, какие можно было найти в Книге Легенд. «Первые Хранители были с Южных островов...» – еще раз перечитала она и вздохнула. Ее мать, если верить слухам, была откуда-то с юга... она не выдержала суровой северной жизни без солнца. Если бы она не умерла, возможно, смогла бы рассказать, что южные люди знают о Хранителях.

Несколько раз в комнату заходил Брайс, приносил лакомства и новые свечи, что-то бормотал про ее одержимость сказками, и, не получив ответа, уходил. Рэн снова и снова листала одни и те же страницы: о Хранителях, Последней битве, Амастриде... Она была как в лихорадке. Ей казалось, она держит в руках ответ на все вопросы, но не может прочесть его... Наконец, когда рассветные сумерки побледнели и начался новый день, Рэн уснула. Золотистые волосы упали на лицо, догоревшая свеча оплавилась в плошке, но и во сне она не выпустила книгу из рук.

Брайс

Дни бежали незаметно. Рэн была так поглощена книгой, что не замечала ничего и никого вокруг. Трэйд и Брайс молча проклинали треклятую книгу: без общества Рэн им приходилось часто находиться рядом вдвоем, и ни тому, ни другому это не нравилось. Брайс все больше мрачнел, его терзала тревога за Рэн. У них до сих пор не было корабля! А выбираться из Тимбары нужно быстро! Часто, бродя по улочкам, Брайс останавливался, прислушиваясь, боясь услышать легкие детские шаги посыльных Мейса Марра. Никогда не угадаешь, кто и какую

весть тебе принесет, а Брайс не любил сюрпризов. К тому же, это означало неминуемое разоблачение, а Рэн, он был уверен, не простит его, если узнает.

Наконец удача улыбнулась ему. Долгие бесцельные скитания по порту принесли свои плоды. Корабль был новый, его мачты все еще пахли смолой, гладкие высокие бока не успели потемнеть от ветра и шторма, а главное, он был пришвартован уже несколько дней, и команды на нем не было. Брайс хмуро усмехнулся. Тем лучше для них. Он уже отчаялся купить место на любом корабле, от торговых, до пиратских, так что на ум пришло последнее верное средство – он украдет корабль, и пока Совет разберется, что к чему, они будут уже далеко в Южных морях. Он плотнее завернулся в темный плащ и торопливо пошел вдоль причала к кораблю. На борту было написано: «Хелесса», что на пестрой смеси языков, употребляемой в Тимбаре, значило «удача». Что ж, удача ему очень пригодится! Брайс был уже рядом с кораблем, когда шестое чувство подсказало ему опасность. Он быстро шагнул в тень и оттуда наблюдал за «Хелессой». Увиденное вызвало у него возглас удивления. По сходням корабля спускался Найл Торрен. Брайс ощутил мрачное удовлетворение. Значит, тот все же продал их с потрохами Марру, а взамен получил эту посудину! Поистине, удача! Он вышел из тени и неторопливо достал клинок. Если Найл и испугался, то не показал этого. Он стоял, прислонившись к корме, и молча смотрел на Брайса.

– Значит, у тебя новый корабль...

– Я не мог отказаться, Лис, и будь ты умнее, тоже не стал бы... ни одна женщина не стоит такого риска.

– Я знаю, что ты нас продал, но это уже не важно. Мне нужен корабль, Найл, и «Хелесса» мне вполне подойдет, – видя, как рука капитана скользнула к поясу, он заметил, – я не хочу тебя убивать, я просто заберу корабль. Не пытайся меня остановить, ты давно не практиковался, у тебя нет шансов.

– Ты сошел с ума! В одиночку ты не сможешь управлять кораблем, каким бы хорошим моряком ты ни был! Уходи сейчас, и я скажу, что мы не встречались сегодня.

Брайс усмехнулся, небрежно поигрывая клинком.

– Скажешь Мейсу? Ты ему обо всем докладываешь? Так вот, мне не нужна команда, среди северян много опытных мореплавателей. Мне нужен корабль.

Найл Торрен пристально вглядывался в лицо Лиса. Ему не понравилась та мрачная, отчаянная решимость, которая была во взгляде Брайса, но и отдавать ему корабль он не собирался. Найл выхватил оружие, но Брайс оказался проворнее и не дал застать себя врасплох. Звон столкнувшихся клинков гулко разнесся по пустынному причалу. Найл Торрен был хорошим воином, но Брайс был моложе и быстрее, к тому же долгие мирные плавания разнежили капитана, и отбивать выпады Брайса становилось все труднее. Брайс двигался с быстротой опасного хищника, он успевал отразить все его удары и неумолимо теснил Найла к воде. В душу его закрался страх. Он пытался напомнить Брайсу, что они были друзьями, но тот лишь покачал головой.

– Ты предал меня, помнишь? Каждый сам за себя. Я говорил тебе, оставь корабль и уходи.

В его глазах не было сожаления, и Найл наконец понял, что тот не остановится, что он с упрямством безумца заберет то, что ему нужно. Он не его приятель, с которым они пили в портовых харчевнях, и дрались вместе на Каменных островах; он – Лис, один из самых опасных людей Тимбары, перекаати-поле, не связанный дружескими узами, ему наплевать, что он оставит здесь, все моря будут к его услугам. Найлу стало страшно, и он потерял бдительность. Узкое холодное лезвие уперлось ему в горло, слегка царапая кожу.

– Где сейчас твоя команда? – голос у Брайса обманчиво мягкий, почти дружелюбный. Найл почувствовал, как по шее бежит тонкая струйка крови.

– В харчевне Тимаса. Брайс, я...

– Хорошо. Как долго ты собирался пробыть в Тимбаре?

– Еще несколько дней... Марр узнает, и тогда тебе не сдобровать!

– Я знаю, – весело ответил Брайс. – Хотел бы я видеть его лицо, когда ему доложат, что я увел корабль у него из-под носа. Но мы будем уже за Южным Рогом.

– Мы?..

– Найл, я не настолько глуп, чтобы вести корабль в одиночку. Мы вполне сойдем за твою команду и не вызовем подозрений...

– Тебе некуда бежать, кроме Южных морей. А там никто не бывал. Нет даже подробных карт. Как друг говорю тебе, оставь это... он не причинит ей вреда, а тебе может... – Найл видел, что Брайс внимательно слушает его, и торопливо продолжал. – Убери клинок, я тебе не враг. Я – твой друг, может, единственный, какой у тебя остался... пойдем в харчевню и поговорим за бутылочкой кинейского вина...

Найл продолжал говорить, доставая меч, потом резко выбросил его вперед. Совсем близко он увидел глаза Брайса, они светились мрачным торжеством. А потом небо и земля перевернулись, и он упал на просоленные доски причала.

Брайс склонился над ним, убирая клинок в складки плаща.

– Я не хотел убивать тебя... Мне жаль... ты прав, когда-то мы были приятелями, но теперь друзей у меня нет.

В этом опрокинутом мире Найл Торрен еще видел, как из тени вышли люди, закутанные в шерстяные плащи, и двинулись к «Хелессе». «Северяне!» – догадался он. Потом обжигающая боль разлилась по всему телу и свет померк.

Неслышными тенями северяне забрались на борт «Хелессы», Брайс быстро отдавал команды. Все здесь были опытными мореплавателями, многие не раз плавали по торговым путям до самых Каменных островов и Ситча, и корабль, управляемый умелыми руками, плавно и тихо вышел из порта в море.

Брайс стоял на корме, глядя в светлеющее небо. Он не испытывал жалости к Найлу, теперь его ничто не держало на родине, кроме правды об отце. Но стараниями Мейса Марра ее он никогда не узнает.

– Ты говорил, что никто не пострадает, – к нему подошел Трэйд. Он этой ночью командовал северянами, и Брайс сомневался, что они слушались бы его приказов, если бы не гэльдоранец.

– Я не собирался его убивать. Но вышло так, что или я, или он... – внезапно Брайс почувствовал такую усталость, что ему захотелось тут же спуститься в каюту, но Трэйд ждал от него других ответов. Брайс не был уверен, что именно мог из укрытия слышать северянин, хоть и постарался убрать Трэйда как можно дальше от «Хелессы». Но теперь тот с недоверием смотрел на него, хотя и ничего больше не спрашивал.

– А тебя что держит здесь, если мое общество так неприятно?

– Я хочу защитить Рэн.

– Я сам способен ее защитить!

Трэйд ответил ему недобрым взглядом.

– Я хочу защитить ее от тебя.

Брайс хотел ответить, но тут с мачты подали знак, и «Хелесса» бросила якорь, заплывав на волнах. Команда оставалась на борту, а они с Трэйдом и еще несколько человек отвязали лодки и спустили на беспокойные волны. Брайс устало повел плечами, берясь за весла, им предстояло еще плыть назад.

Они вернулись к дому у воды в рассветных сумерках, усталые и молчаливые. В доме их ждали Рэн и Селена. Брайс, не снимая грязных сапог, пододвинул ногой стул и устало осел на нем. Ночь выдалась тяжелее, чем он думал, и сил почти не осталось.

– Сегодня мы отплываем из Тимбары. У нас на корабле семьдесят человек и еще около двух десятков из тех, кто сейчас живет в порту, остальные не поплывут с нами, – он усмехнулся, – кажется, они нашли здесь новый дом.

Рэн их понимала. Ремесленники и охотники нашли себе работу, способную прокормить их. Женщины, потерявшие на севере все, обрели в Тимбаре мир, у них появился очаг, у многих – мужчины. Они боялись бросить то небольшое, что уже имеют, и отправиться в неизвестность.

– Впрочем, чем меньше людей, тем лучше, – подытожил Брайс, – нам меньше всего нужна обуза вроде истеричных женщин, маленьких детей и стариков.

– Куда мы плывем? – без любопытства спросила Рэн.

– Вам нужно запастись провизией и водой, – сказала Селена, – но здесь оставаться становиться опасно. Вы можете отплыть на Хейю, это маленький островок за Кинеей, его еще называют Угольным островом. Раньше там добывали уголь, там остались даже домики угольщиков. Сейчас он заброшен, туда не заходят корабли. Но там вы сможете дожидаться провианта...

Брайс устало кивнул. Селена немного помолчала, потом с полуулыбкой добавила:

– Говорят, Угольный остров – необычное место... поэтому там никто не бывает...

Если бы...

Они отплыли из Тимбары ночью. Рэн зябко куталась в плащ под пронизывающим морским ветром. Лодку раскачивало и бросало на волнах из стороны в сторону, но Трэйд, Брайс и еще несколько северян быстро выправили курс. Она сидела, крепко сжимая борт руками, глядя, как исчезает постепенно за горизонтом освещенная огнями Тимбара. Скоро беглецы видели лишь золотистый свет маяка. Рэн отвернулась. Вот и еще один город, который они покидают, сколько их еще впереди? И что вообще впереди? Брайс, похоже, решил и вправду искать землю обетованную... Но теперь уже сама Рэн сомневалась, что Амастрида существует на самом деле.

На борт «Хелессы» они поднялись уже на рассвете. Рэн так устала, что если бы ни сильные руки Брайса, она упала бы в обморок. Впрочем, все были измотаны до предела. Беглецы поспешили спуститься в каюты, только Брайс еще отдавал команды на палубе. Рэн блаженно откнулась в меховое покрывало на узкой кровати и тут же заснула.

Она очнулась от дневного света, поникавшего сквозь деревянные ставни. Рэн поспешила подняться наверх и ахнула от изумления. «Хелесса» за сутки миновала Торговый пролив и россыпь мелких островов у Кинеей и благополучно пристала к Хейе. Рэн во все глаза смотрела на отвесные черные скалы острова. Кое-где зеленели клочки травы и низкорослых деревьев, но почти весь остров был черным. В угольных скалах прятались птицы, теперь они тревожно и пронзительно кричали, кружа над кораблем.

К удивлению Брайса, на острове сохранился пирс. Хотя он и был таким ветхим, что стало ясно, как давно остров заброшен. Брайс помог Рэн выбраться из лодки, и вот они кучкой стоят на прогнившем пирсе и настороженно оглядываются вокруг. Над Угольным островом царил такая тишина, какой Рэн еще не доводилось слышать. Птицы успокоились и скрылись в гнездах, надежно укрытых в глубине скал. Казалось, это единственные живые существа здесь. Несколько человек остались охранять лодку, мужчины не хотели брать с собой Рэн. Она обиженно фыркнула.

– Тут же никого нет! Вы что, птиц испугались?

– Еще неизвестно, действительно Угольный остров необитаем... Здесь могут быть пираты, – Брайс хмуро оглядывал побережье, припоминая, что он слышал об этом месте. Все сведения были очень скудные: когда-то здесь добывали уголь и везли в Ситч и на Север, но потом произошел завал на шахтах, и остров забросили. Пригодной для чего-нибудь еще

земли здесь не было, и скоро Угольный остров вымер. Правда, время от времени находились люди, которые останавливались там на день или два. Что происходило там с ними, они не говорили, но впредь старались плыть другими путями.

Трэйд тоже настороженно разглядывал черные карьеры, изрытые вниз и вглубь. Его не волновали легенды об острове, а вот пираты могли оказаться вполне реальной угрозой. Но кругом было тихо, и скоро любопытство пересилило тревогу, и они двинулись вглубь острова. На Хейе нечего было смотреть. На несколько лиг тянулся один и тот же унылый пейзаж: разрытые скалы, поросшие чахлой травой дороги и море вокруг... Почти в центре острова лежала небольшая долина, на краю которой ютились ветхие деревянные лачуги – домики угольщиков. У многих обвалились крыши и сгнили опорные столбы. Рядом с первым домиком валялся ржавый котелок для приготовления пищи. От ветра стены дрожали и поскрипывали.

– Мне не по себе от этого места... – пробормотала Рэн, глядя на заброшенные жилища.

– Тогда это тебе понравится! – Брайс махнул рукой в сторону долины, и она увидела рощицу низкорослых деревьев. Все они были усыпаны синими ягодами.

– Пойдем! Полакомимся местными деликатесами! – он озорно, по-мальчишески улыбнулся ей.

– Они могут быть ядовиты, – Трэйд еще старался сохранить серьезный вид, но Рэн и Брайс уже бежали к рощице.

Ягоды оказались удивительно вкусными; сочные, кисло-сладкие плоды окрашивали пальцы и губы в лиловый цвет. Они самозабвенно лазали по колючим зарослям, продираясь за ягодами через кусты. Рэн набрала для оставшихся на корабле целую корзину ягод.

Время клонилось к полудню, было жарко, и они, усталые и сытые, устроились на большом бревне. Рэн достала завернутую в плащ книгу, Брайс устроился у ее ног, а Трэйд лениво растянулся на черной нагретой земле. Вокруг была оглушающая тишина. Рэн не сразу поняла, что легкий многоголосый шепот раздается не у нее в голове, а, кажется, исходит прямо из недр острова. Она привстала, прислушиваясь. Мужчины крепко спали, она одна бодрствовала в этом таинственном мире. Голоса нежно шептали, уговаривали закрыть глаза, убаюкивали... И Рэн уснула...

Трэйд

В очаге ярко пылал огонь, освещая небольшую залу дворца золотистым светом. На полу играла Ивэйна со щенком, которого он подарил ей на пятилетие. Вообще-то он хотел подарить ей красивые гребни, купленные у южных торговцев, но Рэн с улыбкой сказала, что Ивэйна еще слишком мала для украшений.

Трэйд устало вытянул ноги поближе к огню. День выдался тяжелый: новые торговые пошлины вызвали бурю протестов, но восточные границы требовали надежных укреплений, он хотел усилить флот, а на все нужны средства. Его поражало то, с каким слепым упорством старейшины Совета отстаивают старые порядки, не замечая опасности со стороны Ситча. Он едва не вышел из себя, но Рэн легко положила руку ему на ладонь, давая понять, что поддерживает его. Это всегда действовало на Трэйда успокаивающе. Он устало потер виски. Наверное, это приходит с возрастом... Все больше тревог за столь тщательно оберегаемый им мир на границах объединенных королевств, за будущее детей...

Щенок на полу зашелся радостным лаем, Ивэйна пронзительно взвизгнула от радости и зарылась лицом в юбки Рэн. Трэйд ласково оглядел жену. Рэн почти не изменилась с того дня, шесть лет назад, как он впервые увидел ее. Она была все такой же красивой, но замужество и материнство сделали ее спокойнее и мягче. Она ласково улыбнулась им обоим, усаживаясь рядом. Трэйд вспомнил, как долго она не хотела привыкать к Гэльдорану, и хотя оба государства находились совсем рядом, сетовала, что он увез ее далеко от родины. Все здесь ей не нра-

вилось и казалось чужим... его она тоже не любила. Сперва Трэйд думал, что его любви хватит с излишком, но он ошибался. Рэн пренебрегала ей, как чем-то ненужным, тяжелой обязанностью считала свои появления на пиршествах и Советах. Оставаясь с ней наедине, он ощущал ее враждебность, Рэн отдавалась ему отчужденно, стараясь после отодвинуться на широкой постели как можно дальше. Утешение молодая королева находила в одиночестве, укрываясь в нежилых комнатах огромного дворца.

Все изменилось, когда она забеременела. Сперва Рэн рыдала от досады и бессилия. Ребенок навсегда привязывал ее к нелюбимому мужчине и ненавистной стране! Но постепенно она успокоилась, стала не такой угрюмой и дикой, впервые он услышал, как она смеется. Когда Рэн впервые взяла на руки новорожденную дочь, она заплакала. Он и сам был готов плакать от радости. Он обнял ее, и Рэн не отстранилась. Ивэйна подарила им обоим много счастья. Теперь Трэйд не сомневался в любви Рэн. Он бережно укрыл ее плечи меховой накидкой и нежно положил руки на ее вздувшийся живот.

– Он родится совсем скоро, может, к новолунию... Я хочу назвать его Крэйном, – Рэн помрачнела. Всегда, когда она вспоминала брата, ее охватывала печаль. В полнолуние молодой правитель Дарлога исчез из дворца и не вернулся. Люди много чего говорили тогда, даже будто бы его убил один из хейлей, появившийся в округе. На хищника устроили травлю, загнав его далеко в горы. Он укрылся, истекая кровью, в одной из горных пещер. В Гэльдоране Рэн скорбила по брату, не зная даже места, где лежат его останки. Со временем скорбь стала не такой острой, но Рэн не забыла Крэйна. Трэйд кивнул, обнимая жену. Будет так, как она захочет, лишь бы выписанные с юга лекари успели добраться до Гэльдорана в срок...

Брайс

Брайс, покачиваясь, плелся по причалу. Свежий морской ветер волновал кровь, развеивая хмель. «Проклятье!» – он длинно выругался и свернул с причала в город. Скоро рассветет, Рэн уже давно ждет его. Но возвращаться домой не хотелось. Домой! Брайс угрюмо хмыкнул. Эти четыре стены не были похожи на дом, ему вообще не нужен другой дом, кроме корабля. Корабль был его убежищем все эти долгие годы, но с Рэн пришлось выбирать: либо она, либо прежняя жизнь. Она по-прежнему была ему дорога, но временами чего-то отчаянно не хватало, Брайс чувствовал себя словно в клетке. Ему безумно хотелось снова почувствовать ветер в волосах, снова вступить в поединок с бурей, ощутить пьянящее чувство превосходства над стихией и свободу... Он вздохнул, открывая дверь. Рэн стояла посреди комнаты, длинные ресницы слиплись от слез.

– Доброе утро, Ваше величество! – Брайс шутливо склонился перед ней, пряча виноватую улыбку. Но она не улыбалась.

– Ты пьян.

– Я заглянул по пути в харчевню... Тэм Фосс только что вернулся из плавания...

– Что? Только не говори мне, что ты пьянствовал с этим бандитом!

– Он не бандит, Рэн, он предложил мне выйти с ним в море...

– Нет! – побелевшими губами прошептала Рэн. – Нет.

– Почему? Мы, как крысы, прячемся здесь уже шестой год! Про нас все забыли. А после того, как хейли вырезали половину Тимбары три года назад, не осталось никого, кто бы мог интересоваться нами.

– Ты хочешь вернуться в Тимбару, – сказала Рэн обреченно.

– Это единственное место, где я что-то смогу узнать про отца...

– Если за все эти годы ты ничего не выяснил, зачем тебе возвращаться?

– Я мог что-то упустить... – упрямо повторил Брайс. Рэн смотрела на него, не веря своим ушам.

– Ты сошел с ума! Помешался на правде о своем отце... может, и нет никакой тайны! Может, он был простым торговцем или наемником!

Брайс достал из складок плаща увесистый кошель, золотые монеты со звоном высыпались на стол.

– Что это?

– Тебе хватит денег почти на год, купи домик на берегу, сделай все, как тебе нравится... когда я вернусь...

– Ты взял деньги у Тэма Фосса? Ты уже согласился...

– Рэн, я... – он хотел развернуть ее к себе, объяснить ей, что сойдет с ума, если не выйдет в море, но она сама подняла голову. Глаза горели гневом и горечью, он впервые видел ее такой.

– Убирайся! Убирайся на свой проклятый корабль, и забери свои деньги! Я скорее продам себя кому-нибудь, чем возьму их! Тебе хватит, чтобы купить собственное судно! Ведь тебе только этого и надо! Уходи! Я надеюсь никогда тебя больше не увидеть! Катись к Черному богу!

Брайс ушел, громко хлопнув дверью, и только после этого Рэн отчаянно зарыдала.

Рэн

За окном светало. Безрадостный рассвет без солнца, просто все разом посветлело и начался день. Рэн тяжело оперлась о стол, за которым провела всю эту длинную ночь в ожидании Брайса. Она не имела ни малейшего понятия, где он и с кем. Шесть лет... это долгий срок. Столько времени она удерживала его рядом. Когда-то в Тимбаре Селена сказала, что такого, как Брайс, любить нельзя, и теперь Рэн с горечью понимала, что она была права. Сперва они бежали на Кинею, потом на Фиру, маленький островок, лежащий за Торговым проливом, потом еще южнее... Они жили месяц там, пару недель тут, нигде не задерживаясь надолго, в извечном страхе, что их выследят. Рэн горько усмехнулась. Наверное, теперь в ней трудно узнать королеву Дарлога. Ее одежда состояла из нескольких простых кусков ткани, перехваченных поясом, волосы небрежно заплетены в косу, а руки пропахли ненавистной рыбой. Здесь они живут уже третий год, это простой рыбацкий поселок, и Брайс, сперва яростно противившийся этой затее, теперь несколько раз в неделю выходил на лодке в море за рыбой. Каким бы богатым ни был улов, на много его не хватало, и Брайс все чаще участвовал в боях за приличную плату. Оба говорили себе, что нужно потерпеть еще месяц, еще неделю... так прошли два года. За это время Брайс снискал широкую славу и любовь непритязательной публики, а она... Рэн устало потеряла виски. От прежней жизни остался только Голос, ненавистный, безжалостный, теперь едва слышный... Он всю ночь нашептывал ей, что Брайс не один, любая девушка в поселке не прочь встретиться с ним, они молоды, податливы и ничего не просят взамен... «Ты знаешь, что он не придет до утра... Он нам не нужен! – яростно шептал Голос. – Беги, пока не поздно! У нас свое Предначертание... Неужели ты всю жизнь хочешь провести в вонючей лачуге на краю света? Скоро ты станешь не нужна ему...»

– Замолчи! Хватит! Хватит! – Рэн судорожно сжимала голову руками, но Голос неистовствовал. «Неблагодарный! А ведь мы спасли его... он не должен мешать нам...»

– Прекрати... – побелевшими от напряжения губами прошептала Рэн, – пожалуйста...

Брайс вернулся к полудню. В доме никого не было, все кругом было перевернуто, словно здесь метался обезумевший зверь. Он напрасно звал Рэн, и только много позже он увидел узкую цепочку неглубоких следов на влажном песке. Она петляла среди камней и коряг, уводя к кромке чистой лазурной воды.

Рэн проснулась, тяжело дыша, все еще ощущая острую боль в груди, перешедшую из сна в явь. Брайс и Трэд тоже не спали.

– Что... что это было? – она растерянно смотрела на Брайса, он угрюмо выругался.

– Проклятый остров!

И Рэн поняла, что он видел что-то похожее про них обоих, но побоялась спрашивать, что. Трэйд с тоской смотрел на нее, и Рэн отвернулась.

– Я хочу вернуться на корабль! Не хочу больше ни минуты оставаться здесь!

Они покинули лощину и пошли по извилистой тропинке к причалу.

Остров безмолвствовал. Иногда он показывал путникам жизнь, ту, какой она могла или еще может стать. Он рассказывал правду, порой горькую или страшную. Люди боялись, шептались о колдовстве и перестали бывать здесь. Вот и те двое шли рядом, стараясь не глядеть друг на друга. Остров молчал...

Бегство

Через несколько дней Рэн возненавидела Хейю. Неизменные черные скалы наводили на нее тоску, а сон, привидевшийся ей в лощине, наполнял душу горечью, ибо в глубине души Рэн понимала, почему на Угольный остров не причаливают корабли. Брайс только посмеялся над ее страхами, но тут же помрачнел, вспомнив собственный сон. Он яростно тряхнул головой, прогоняя дурные мысли. Рэн рядом, никакие силы в мире не заставят его оставить эту женщину, а то, что случилось на острове... обман чувств, наваждение...

Рэн больше не покидала корабля, нервно меряя палубу шагами. Лодка с провизией, обещанная Селеной, все не появлялась, а манящий шепот острова проникал в ее сны даже в темной каюте. Трэйд и Брайс не разделяли ее опасений и частенько наведывались на остров. Рэн с удивлением обнаружила, что они плавают туда каждый день и даже умудрились не убить друг друга по дороге. Вечером, обнимая Рэн, Брайс признался, что они устраивают поединки, чтобы не потерять навыки в этом вынужденном ожидании и дать выход накопившемуся раздражению.

На утро по обыкновению мужчины привязали лодку у ветхого причала и достали клинки. Трэйд спокойно оглядел противника. Брайс был азартным фехтовальщиком, но ему порой не хватало холодного расчета. И все же он оказался опасным и упрямым противником. Проиграв первый раз, он настоял на новом поединке и едва не загнал Трэйда в воду. Тогда они оба свалились без сил на черную землю, болела каждая клеточка тела, ныли полученные синяки и ушибы. Брайс, едва придя в себя, потребовал продолжить поединок.

– Ты не умеешь остановиться. Еще один удар убьет тебя.

Но Брайс упорствовал.

– Я не могу проигрывать, от победы зависит жизнь. А победитель получает все!

Трэйд пристально взглянул на него.

– Все? Иногда лучше проиграть сражение и выиграть войну, чем идти на поводу у гордости и глупости.

– Именно это ты и делаешь? – Трэйд побледнел, сжимая клинок. Но Брайс продолжал:

– Ты уже проиграл войну и Рэн... и гордость и глупость здесь ни при чем...

– Вставай! – Трэйд перехватил рукоять поудобнее, ожидая, пока Брайс будет готов.

Он начал атаку стремительно, Брайс едва успевал отразить один выпад, как тут же следовал новый. За несколько тренировок Трэйд изучил слабые стороны соперника и теперь не щадил его. У Брайса не было даже возможности перейти в нападение, ему оставалось только не подпустить Трэйда слишком близко.

– Ты теряешь силы... Или нападай, или признай поражение сразу, не трать мое время...

Брайс рубанул клинком почти наугад, почувствовал, как соперник подался назад, и яростно атаковал. Трэйд отступил на несколько шагов, перехватывая клинок. Он угадывал выпады противника, кружа вокруг, нанося чувствительные удары.

– Ты бы мог меня убить! – Брайс едва успел подставить клинок под короткий разящий удар. Зазвенела сталь, он едва удержался на ногах.

– Я бы не стал этого делать.

– Впрочем, подобный поступок навсегда замарал бы честь твоего величества! – усмехнулся Брайс, заходя с другой стороны для удара. – Война ничему тебя не научила. Ты по-прежнему видишь только белое и черное, а мир большей частью серый.

– А ты, Брайс?

– Убил бы, если бы ты дал такую возможность! – он покачнулся, но отразил удар. – Оставь Рэн в покое, ей не нужен сторожевой пес.

– Ты темнишь, Брайс, в Тимбаре ты скрыл от нас правду. Не знаю, какую, но я не оставлю Рэн с таким человеком, как ты.

– Думаешь, если тебе посчастливилось родиться на краю королевской постели, у тебя на нее больше прав, чем у меня? Она отвергла тебя, когда у тебя было королевство, выходит, теперь мы на равных! Что ты из себя представляешь без своей короны и армии?

Трэйд молча нанес очередной удар, едва не выбив меч у Брайса из рук.

– Признайся хотя бы самому себе – ты просто хочешь ее, но она осталась со мной, и ты с этим не можешь смириться!

Клинки громко лязгнули друг о друга, Брайс покачнулся и упал на землю. Трэйд склонился над ним, тревожно вглядываясь в побелевшее лицо Брайса. Тот открыл лихорадочно блестящие глаза, грудь тяжело поднималась и опадала под мокрой рубашкой.

– У тебя жар! Зачем ты поплыл сегодня...

– Ты бы мог... сейчас... убить меня... здесь...

– Заткнись!

Трэйд перебрал слабо сопротивляющегося Брайса через плечо и двинулся вниз к причалу.

День не задался с самого утра. Провизия и бочонки с пресной водой были погружены на маленькую лодку, какие в огромном количестве сновали между Кинеей и Тимбарой, но Селена медлила с отплытием. Это означало, что она больше не увидит Брайса, может, никогда, может, очень-очень долго. Уже несколько дней она находила причины оставить лодку пришвартованной в Тимбаре. Но решение принять придется рано или поздно.

Она накинула плащ; по дороге в порт ее никто не должен узнать. Селена хотела запереть двери, когда остро, спиной почувствовала, что рядом кто-то есть. Резко она развернулась и вздрогнула. Полный мужчина в дорогом плаще с усмешкой разглядывал ее. Он лениво поигрывал дорогим перстнем, медля начать разговор. Селена молчала, выжидая. Сердце бешено выстукивало: он знает! Ты в опасности, он все знает!

– Куда-то торопишься? – обманчиво душевный и ласковый голос обволакивал ее, словно паутина. Ей хотелось бросить все и бежать, но она неторопливо села на скамью, сняла дорожный плащ.

– Уже нет. Что тебе надо, Мейс?

Он подошел к ней сзади, поправил прядку волос. Селена вздрогнула от отвращения и страха, но продолжала сидеть, выпрямившись до боли в спине.

– Какая ты неласковая... А ведь я знаю твою маленькую тайну... Мы союзники Ситча, но в Тимбаре не жалуют хейлей, понимаешь?

Селена понимала эту неприкрытую угрозу, но не подала виду.

– Мои маленькие связные рассказали, что Лис вернулся домой две недели назад... и даже не навестил меня. Непростительная ошибка, он, похоже, никак не поймет, кому служит. Думаю, ты гораздо умнее... – рука с перстнем принялась перебирать смоляные волосы. Ей хотелось вскочить и закричать, Селена до крови прикусила губу, заставляя себя оставаться спокойной. Проклятье! Во что на этот раз вляпался Брайс?

– Где сейчас королева Дарлога? Скрывается в твоём доме?

Селена едва не рассмеялась от облегчения. Всесильный глава Совета Мейс Марр еще не знает, что они покинули Тимбару!

– Ее здесь нет.

– Значит, она была здесь... Ты никак не научишься выбирать друзей. – Волосы зацепились за перстень, он схватил их в горсть, грубо поднимая ей голову.

– Где же она сейчас? – от радушия в голосе ничего не осталось, холодные безжалостные глаза впились в ее лицо. Селена ответила таким же взглядом.

– Я не знаю.

Он наотмашь ударил ее по щеке. Перстень оставил на белоснежной коже глубокую багровую борозду. Селена дрожащей рукой вытерла струйку крови. Спокойно... стоять, подобно каменному истукану, огромным усилием воли унимая горячечный ток крови... Я спокойна, я не поддамся страху и боли... не теперь... слишком многое зависит от этого спокойствия... Как и десять лет назад, нужно просто замереть, врати каждой клеточкой в землю, не позволять черной ярости и боли взять верх... Они неистовствуют, кричат, что надо спасать себя! Но спасение в бездействии... За долгие-долгие годы она научилась подчинять себе страхи, у нее крепкая воля, не Мейсу с ней тягаться. Селена понимала, чего он добивается, выйти из себя, позволить зверю внутри поднять голову – и она окажется в руках Совета, во власти Мейса Марра. Но она сильнее. Она больше не испуганная девочка, смертельно боявшаяся раскрыть приютившим ее людям свою истинную сущность. Та девочка подолгу сидела на полу в своей комнате, крепко сжав руки, не шевелясь, борясь с демонами внутри... Только не обратиться, не умереть подобно матери, не выдать себя! И она победила, давно, еще в их общем детстве... Еще когда Мейс Марр был заводилой шайки мальчишек, кидавших камни в Брайса и дразнивших ее подкидывшем...

– Ты выбираешь не тех мужчин, Селена. – Он погладил ее шею. – Я могу дать тебе гораздо больше, чем Брайс... Я подожду, пока ты образумишься. Мне нравится, какой ты стала – спокойной, покорной...

Наконец он отпустил ее. Но Селена продолжала сидеть в той же позе, резные подлокотники до боли врезались в кожу ладоней.

– Не думай слишком долго... Мое терпение на исходе.

Двери закрылись, и она без сил сползла со скамьи на пол. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица. Через минуту Селена встала, дрожащими руками застегивая булавку на плаще. В одном Мейс прав – времени у них почти нет.

Маритт хмуро помешивала ароматный чай, поверх чашки глядя на сестру. Уинн что-то скрывала, она чувствовала это. Но та упрямо молчала, избегая ее взгляда. Маритт знала, что Рэн удалось ускользнуть прямо из-под носа у Совета. Мейс Марр был в ярости, ходили слухи, что он решил вернуть беглянку любой ценой и обратился к немерсис. Маритт только вздохнула, благодаря богов, что Уинн образумилась и не искала встреч с Брайсом. Теперь, когда по их следу идут немерсис, все стало смертельно опасным!

Она не услышала шагов, только когда тяжелая дубовая дверь содрогнулась от удара, она вскочила. Сестры переглянулись, и Маритт все поняла.

– Уинн! Ты ведь не встречалась с ним?

– Маритт, я...

Дверь слетела с петель, и из темноты выступили закованные в железо фигуры. Их было только двое, но больше и не требовалось. Животный первобытный страх наполнил целительницу до краев. Она бросила отчаянный взгляд на Уинн, прощая, прощаясь.

– Где они? – прошелестел ровный нечеловеческий голос.

Рэн услышала радостные голоса на палубе и поспешила наверх. На волнах рядом с «Хелессой» плясала маленькая узкая лодка. Человек, сидевший на носу, махнул рукой команде, и те стали выгружать бочки на корабль. Наконец-то! Можно будет убраться подальше от шепчущего острова! Рэн не сразу заметила вторую фигуру. В ворохе тряпья на носу лодки сидел маленький ребенок, ему было не больше шести лет, он внимательно смотрел на нее своими блестящими черными глазами, потом кивнул и сделал какой-то непонятный жест ладонями. Ей хотелось окликнуть его, но гребец торопливо развернул лодку прочь и налег на весла.

– Скоро отлив, – пояснил ей кто-то, – он торопится в порт.

– Вы видели ребенка?

Рослый северянин ответил ей улыбкой, все были заняты погрузкой провизии и не разглядывали лодку.

Наконец все было погружено, команда готова. Где же носит этих двоих? Рэн понемногу охватывала тревога. Гнетущее предчувствие надвигающейся беды мешало дышать. Где же они? В стремительно сгущающихся сумерках она до боли в глазах вглядывалась в море. Наконец ей показалось... нет, и впрямь в приливных волнах ныряет маленькая лодка, ее швыряло из стороны в сторону, греб только Трэйд. Ему помогли подняться на борт, несколько человек подняли бесчувственное тело Брайса. Рэн бросилась к нему.

– Что случилось?

Брайс с трудом открыл воспаленные глаза, улыбнулся ей.

– Все в порядке... правда...

– Мы ждали вас несколько часов назад... лодка привезла провизию... – Рэн испугало, каким жаром пылал лоб Брайса, она положила на него холодный компресс, продолжая говорить, чтобы приглушить этот безотчетный страх. – На лодке был даже ребенок... У тебя лихорадка... нужно уложить тебя в постель...

Брайс привстал, отмахнувшись от мокрой тряпки, обеспокоено глядя на Рэн.

– Ребенок? Ты в этом уверена?

– Я его видела... О, боги, да какое это имеет значение! Ты болен, тебе нужен лекарь... – она беспомощно огляделась. На палубе столпилась команда и те несколько десятков северян, что покинули с ними Тимбару.

– Давно лодка уплыла?

– Пару часов назад... это неважно, вся провизия уже на борту...

– Нет, Рэн, это очень важно! Ребенок – это связной Селены. Как только лодка причалит в Тимбаре, на нас начнется охота. Отплываем немедленно, у нас почти нет времени!

Трэйд отдавал команды, «Хелесса», вспенивая волны, поворачивала на юг. Каменный остров растворился в ночи, а Рэн сидела у изголовья кровати, на которой уже несколько часов бредил Брайс, отчаянно молясь, чтобы кто угодно: лекари, боги или Голос, помогли ему.

Часть 3. Юг

Брайс

«Хелесса» уходила все дальше и дальше в Южные моря, они миновали несколько пустынных каменистых островков, и это был последний клочок суши, который люди видели за неделю. Вокруг было только море. Северяне, привыкшие к твердой почве под ногами, чувствовали себя неуверенно, вода пугала их. Из них всех только Брайс любил море, но лихорадка приковала его к постели.

В маленькой каюте было полутемно, от света у Брайса болели глаза. Рэн зажгла новую свечу, глядя в ее неверном свете на бисеринки пота, выступившие на лбу больного. Дни и ночи превратились в постоянный кошмар, в бесконечную борьбу с непонятной болезнью. Она приготовила бесчисленное множество лекарственных отваров, которыми ее щедро снабдили Селена и Маритт. Брайс сперва противился, и ей приходилось подолгу упрашивать его. Но скоро он так ослаб, что Рэн просто поила его в полубессознательном состоянии, как ребенка. Часы глубокого отчаяния и безнадежности сменялись не менее отчаянной надеждой, когда под действием сильных трав лихорадка отступала. Дыхание Брайса становилось ровным, он изредка приходил в себя и жадно пил воду. Но спустя несколько часов в глазах снова появлялся лихорадочный блеск, и он погружался в горячечный бред. Видения прошлого теснились в голове, перемешивая детские полустертые воспоминания с реальностью. Он снова видел мать, суровую, измученную бесплодным ожиданием... Она стояла у окна их лачуги, глядя невидящими глазами на ровную гладь моря, в руках она сжимала серебряный кулон, подарок отца и единственную память о нем... Потом она оборачивалась, и знакомое лицо становилось лицом Рэн. Она заботливо наклоняется к нему с пряно пахнущим отваром, а на шее качается все такой же кулон... Потом ему привиделось море, и он мальчишкой удирает от шайки Мейса Марра. Вот тот со смехом замахнулся камнем. «Ты должен был привезти ее ко мне! Ты – отступник...» Ненавистный голос взорвался в мозгу миллионным эхо, а потом камень ударил его в грудь... Он хотел сказать, что отказывается, что еще не поздно, но рядом уже никого не было. Волны накрывали его с головой, небо затягивало тучами, начинался шторм. И, вместо того, чтобы плыть, он отдается на милость волн, погружаясь в темную бездну все глубже и глубже...

На пятый день лихорадки Брайс, до этого молча переносивший болезнь, позвал Рэн. Она легко прикоснулась прохладными пальцами к пылающему лбу.

– Я здесь... ты хочешь пить? – но он отмахнулся от кружки с водой.

– Я должен сказать тебе... Прости, но ты должна знать... возможно, тебе станет легче смириться с моей...

– Нет! Не смей даже думать так!

– Рэн... выслушай меня... – столько в его горящем взгляде было отчаяния и боли, что Рэн послушно села, зябко обхватила себя руками.

– Говори.

– Я обманул тебя... всех вас... Я искал встречи с тобой не случайно. В Тимбаре... я пообещал Совету старейшин и его главе, что привезу тебя в город, целой и невредимой... Они хотели заполучить тебя в качестве выгодного заложника и поторговаться с Ситчем... Тогда я не знал тебя, мне было все равно, а Марр обещал показать записи о моем отце. Меня волновало только это... Но потом я увидел тебя на крепостной стене... ты плакала оттого, что стала хейлем... с той минуты никакие силы в мире не заставили бы меня причинить тебе зло... Потом мы бежали... корабль все равно отвез бы нас в Тимбару... но я не собирался отдавать тебя

Марру... я хотел защитить тебя от правды... Я люблю тебя. Ты – это лучшее, что случилось со мной в жизни.

Рэн сидела, не чувствуя даже боли в занемевшем теле. Неприятный холодок разлился в груди, не давая дышать. В глубине души она знала, что Брайс что-то скрывает, и Трэйд предупредил ее... все знали или догадывались...

– Зачем ты говоришь мне это?

– Не прошу тебя простить, лучше возненавидь меня. С ненавистью легче пережить потерю...

– Молчи... молчи! – внутри словно что-то сломалось, выпуская наружу боль и гнев. – Это все не важно... дай мне возможность простить тебя, не умирай... молчи...

Она прижимала к себе его взъерошенную голову, захлебываясь плачем, чувствуя огромное опустошение.

После Брайс уснул, а Рэн долго сидела, глядя на него. К любви примешалась горечь, но она все равно осталась такой же. А еще несколько часов спустя Рэн некогда стало думать о предательстве Брайса. Жар вернулся, он весь пылал, но и в бреду, как утопающий, до боли сжимал ее руку.

Рэн со страхом понимала, что ее лечение не помогает Брайсу. И на корабле не было никого, кто бы мог помочь ей. Несколько женщин знали травы и обряды, но их знания были еще более скудными, чем ее собственные. Рэн оставалось только менять холодный компресс и протирать бесчувственное тело мокрой тканью. Глубокий безотчетный страх завладевал ей все больше. Если не найти средств остановить лихорадку, сколько еще сможет Брайс бороться с болезнью? Он страшно осунулся, глаза запали, их затуманенный взгляд блуждал где-то далеко. Он отказывался от пищи в те редкие часы, когда приходил в сознание, и не просил больше пить. Рэн дрожащими руками запрокинула ему голову, и струйка теплой воды потекла по его подбородку. Сухие, растрескавшиеся губы дрогнули. Рэн разрыдалась. Судорожные, разрывающие грудь звуки вырвались из ее горла.

– Прошу тебя, попей... ты не можешь умереть, ты обещал, что не оставишь меня! – она сползла на пол, обхватив острые колени руками. Крупные соленые слезы катились по щекам, тело сотрясалось от плача. Рэн яростно сжала виски ладонями.

– Помоги же мне! Спаси его! Я не знаю, что мне делать... – но Голос или не мог, или не хотел отвечать.

Рэн очнулась под утро оттого, что чьи-то крепкие нежные руки подняли ее с пола и уложили в кровать в соседней каюте. Она с трудом разлепила опухшие веки. Трэйд с тревогой вглядывался в ее исхудалое, измученное бессонницей лицо.

– Брайс... ему лучше? – Трэйд лишь покачал головой. Брайс бредил, а Рэн была в полубморочном состоянии, когда он нашел ее на полу каюты. Ему больно было смотреть, как она изнурила себя непрерывным бдением у постели Брайса. Рэн и сама забывала есть, она не спала, стоило ей задремать, как приходил страх. Ей казалось, что она не слышит дыхания Брайса, и она тут же бросалась к постели. Рэн перестала выходить на палубу. Она с неприязнью и удивлением заметила, что все остальные живут обычной жизнью, смеются, радуются теплу. И она угрюмо спускалась в темную каюту, в свой маленький ад. За неделю она страшно исхудала, под беспокойными тревожными глазами залегли глубокие тени, тонкие пальцы нервно сжимали и разглаживали мокрую ткань компресса. Она превратилась в тугий комок нервов, каждую минуту ожидая ухудшения состояния Брайса и упрямо надеясь на то, что он придет в себя.

– Я хочу вернуться в его каюту! – Рэн порывисто села на постели и едва не упала. Мир вокруг покачнулся и поплыл. Трэйд подхватил ее почти невесомое тело на руки.

– Тебе нужно поспать. И поесть, иначе ты тоже заболеешь.

– Ты не имел права разлучать нас! Особенно теперь, когда времени осталось так мало! – Рэн замолчала, пораженная произнесенными словами. Она видела, что Брайс умирает, но отчаянно не хотела верить в это.

– Он не умрет... – прошептала она. – Он не должен умирать!

Трэйд прижал ее голову к плечу, ее хрупкое тело вздрагивало от глухих рыданий. Впервые он видел Рэн настолько отчаявшейся. Ни разрушение Дарлога, ни немерсис не сломили ее. И теперь он со страхом думал, что станет с ней, если Брайс и правда умрет. Вся ее жажда жизни словно перетекала к Брайсу, она дышала вместе с ним, и была прежней лишь в те редкие минуты, когда он приходил в себя.

Нехотя, торопливо Рэн поела, не сводя с Трэйда враждебного взгляда. Потом, кое-как совладав с застежкой плаща, встала. Она была очень слаба, и дорога от одной каюты до другой отняла у нее много времени.

В каюте было темно, плотно закрытые ставни не пропускали дневной свет, свеча превратилась в лужицу воска. Рэн торопливо зажгла новую и долго вглядывалась в лицо Брайса. Грудь мерно поднималась и опускалась, рубашка была мокрой от пота, но жар спал. Рэн порывисто поднесла его руку к губам, невнятно шепча то ли молитву, то ли просто несвязные слова.

– Неужели все было настолько плохо? – Брайс слабо улыбнулся и погладил Рэн по щеке.

– Теперь это неважно, ты поправишься! – она прильнула к нему всем телом, чувствуя, как ее душат невыплаканные слезы облегчения. – Ты очень меня напугал...

В полумраке она видела, как Брайс пытается поймать ее взгляд.

– Рэн, я...

Она закрыла его губы тонкими пальцами.

– Мне неважно, кем ты был до нашей встречи! Ты мог лгать, убивать, грабить... что угодно! Теперь все иначе. Я верю тебе... я люблю тебя... ты обещал, что не оставишь меня, и ты сдержал слово.

Кабюта все еще кружилась перед его глазами, в голове звенело, но он крепко обнял Рэн. Она простила, боролась за его жизнь, она сама была жизнь, единственная, которую он хотел и которую едва ли заслуживал.

Рэн

Брайс поправлялся очень медленно. Жар то спадал, то возвращался, но он больше не терял сознания и даже находил в себе силы шутить с Рэн. Через несколько дней он встал с постели и, тяжело опираясь на Рэн, вышел на палубу. «Хелесса» мерно покачивалась на волнах, легкий ветерок овеивал его разгоряченный лоб. Брайс привалился к борту и жадно вдыхал свежий морской воздух. С легкой улыбкой он вглядывался в бирюзовую гладь воды. Море было его жизнью и его богом, оно давало силы, но и много требовало. Брайс без сил опустился на деревянные доски пола. Рэн положила голову ему на колени, блаженно закрыла глаза. Ей отчаянно хотелось спать, но она боялась упустить хоть мгновение счастья. Она поспит позже, когда уснет Брайс. Северяне по-прежнему недоверчиво косились на него, но Рэн было все равно. Она больше не скрывала своей любви и все время проводила с Брайсом.

Сквозь пыльные облака просачивался горячий солнечный свет. Она подставила ему лицо, чувствуя, как уставшее тело охватывает сонливость. Пальцы Брайса блуждали в ее спутанных волосах, нежно перебирая золотистые пряди. И вдруг замерли.

– Рэн, я давно хотел спросить... Откуда у тебя этот кулон?

Бессознательно она сжала его в ладони, потом торопливо спрятала его в лиф платья.

– Он достался мне от мамы. Она умерла, едва я родилась... Она носила его, не снимая... Теперь его ношу я. Почему ты спросил?

– Я уже видел его раньше. Отец подарил матери точно такой же кулон... тот же рисунок, тот же материал... Кем была твоя мама?

Рэн пожала плечами.

– Никто не знает точно. Отец привез ее откуда-то с юга, с островов, и женился на ней... но в Дарлоге было слишком холодно для нее, и она умерла... Больше я о маме ничего не знаю... все, кто был с отцом в том плавании, уже умерли или были слишком стары, когда я подросла. А теперь... – горло перехватило, и по телу пробежал озноб. Перед глазами снова возникла картина разрушенного города и убитых людей. Брайс крепко обнял ее.

– Прости меня... Я не должен был спрашивать... наверное, отец тоже плавал на юг и привез оттуда такое же украшение... кулон совсем простой. Удивительно, что твоя мать, будучи королевой, продолжала носить его. – Рэн испугал лихорадочный блеск в глазах Брайса. Когда дело касалось правды о его отце, он становился почти безумным. Все, что он делал на протяжении долгих лет, было подчинено этой недостижимой, ускользающей цели – узнать правду, какой бы она ни была. Рэн поехала. Часто такая правда ранит, навсегда оставляя отметины. Но Брайс не мог остановиться и просто жить здесь с ней. Всегда, где бы они ни оказались, перед ним будет маячить эта пресловутая правда!

– Брайс, разве теперь это так важно? – она легко погладила его по заросшей колючей щеке.

– Рэн, из-за этого немерсис убили мою мать! Это не может быть неважным! – Брайс нетерпеливо дернулся, отбрасывая ее руку. Рэн до крови прикусила губу, но промолчала. Ей не хотелось портить время, проведенное вместе, ссорами.

На следующее утро Брайс настоял на возобновлении тренировок с Трэйдом. После первой же атаки он задыхаясь свалился на нагретую, пахнущую смолой палубу без сил.

– Ты еще слаб, как котенок! Сначала встань на ноги, потом дерись. Рэн не простит мне, если ты умрешь на поединке.

Трэйд видел, что Брайс еще не здоров, но упрямо не замечает этого. Он только надеялся, что забота Рэн и молодость помогут ему быстрее поправиться. Рэн тоже тревожилась за Брайса. Но он наотрез отказался возвращаться в тесную душную каюту.

– Море и свежий воздух – это все, что мне нужно, – он потрепал ее по щеке и засмеялся. – Не беспокойся, со мной все в порядке! Хочешь, я докажу тебе? – он хитро посмотрел на непонимающую Рэн и, подхватив ее на руки, стал спускаться вниз.

В каюте их окутал полумрак. Единственная оплавившаяся свеча догорала в плошке. Язычок золотистого пламени колебался от каждого дуновения ветра, отбрасывая неверные тени на стены и потолок. Он осторожно, ласково целовал ее, чувствуя, как вздрагивает Рэн под его губами. Она неуверенно провела пальцами по его груди и притянула взъерошенную голову к себе. Мир сомкнулся до ее губ, что-то невнятно шепчущих прямо в его. Он старался не причинить ей боли, стереть память о той ночи в Тимбаре, когда ревность и недоверие взяли верх. Рэн иступленно, всем телом прижималась к Брайсу, кожей чувствуя, как уходит отпущенное им время. Ничего не изменить, здесь и сейчас... любить, жить... большего не дано, да и не нужно. Она через силу улыбнулась, не позволяя страху и боли отравить эти минуты.

– Я люблю тебя, Брайс из Тимбары... больше жизни...

– Ты и есть моя жизнь, Рэн, и я тоже тебя люблю.

Разве этого мало? Потом можно думать об опасностях, которые ждут впереди, о враждебных взглядах команды, о собственных страхах... Но шум на палубе, так непохожий на обычный гомон людских голосов, нарастал, они различили крики и ругань. Брайс торопливо встал, на ходу одеваясь, бросился к лестнице. Он понял все сразу, как увидел небо. Обернулся к замершей Рэн, стараясь не выдать тревоги.

– Тебе лучше остаться здесь, любимая. Пусть остальные женщины тоже спускаются вниз.

– Что происходит?

– Буря! Надеюсь, эта посуда достаточно прочная! – ему приходилось кричать, чтобы Рэн хоть что-то услышала. – В Южных морях мало кораблей, потому что бури здесь очень опасны, а течения никто не знает! – он широко улыбнулся, и Рэн с удивлением поняла, что ему нравится происходящее. Она же ненавидела море, жестокое и своенравное, всегда отнимающее у нее любимого. Будь оно проклято!

Следующие несколько часов она и остальные женщины провели в тесной, душной каюте. Корабль жалобно поскрипывал под ударами волн, несколько раз «Хелесса» кренилась на бок так, что мебель и посуда попадали на пол. Некоторые истово молились, изредка в полутьме раздавались всхлипы. Рэн сидела на полу, обняв острые колени руками и глядя в темноту сухими глазами. Ей некому было молиться. Боги, в которых верила она и ее предки, не уберегли Дарлог от смерти. Боги, если они есть, постоянно пытаются разлучить ее с Брайсом... Нет, богам она молится не станет! Отныне они сами вершат свои судьбы, и если «Хелесса» не утонет, это не боги спасут их, а Брайс и остальная команда. «Богов нет», – прошептала Рэн сама себе.

Наверху мужчины сражались с бурей. Чистейшая лазурь моря за несколько часов превратилась в грязно-серые пенные потоки, заливающие палубу корабля. Трэйд мертвой хваткой уцепился за руль, все еще стараясь увести «Хелессу» от шторма. Брайсу хватило одного взгляда на море, чтобы понять его ошибку.

– Не пытайся бороться со стихией! Ты не победишь! Сворачивайте все паруса! Быстро!

Над их головами раздался треск рвущейся материи, обрывки большого паруса беспомощно затрепетали на ветру. Остальные паруса с шелестом падали на палубу, мужчины, кашляя от воды, сворачивали их и завязывали канатами. Брайс бросился к вантам. Толстые пеньковые тросы скрипели, натягиваясь все больше, пока один из них не лопнул. Брайса отбросило в сторону. На минуту мир перевернулся, потом он с трудом поднялся на ноги. Несколько мужчин уже схватили оборванный трос, стараясь удержать его в руках. Он скользил, обдирая кожу, Трэйд подхватил его и встал рядом с Брайсом.

– Если буря усилится, корабль не выдержит!

– Буря не усилится! Осталось продержаться еще немного...

Трэйд с недоверием посмотрел на Брайса.

– Откуда ты знаешь? – в бушующем аду, который их окружал, не было ни просвета, волны становились все выше.

Брайс усмехнулся.

– Ты плавал в спокойном Шепчущем море и Южном Роге... Я бывал намного дальше. Поверь мне на слово, шторм идет на убыль. Я не ошибаюсь! В этом я хорош, как никто другой!

Треск рвущихся канатов и грохот катящихся по наклонной палубе бочек заглушили его голос.

Брайс выругался сквозь зубы. Потом поднял голову, стараясь покрепче ухватиться за канаты, и черная ледяная волна накрыла его с головой.

Как и предсказывал Брайс, шторм пошел на убыль. «Хелесса» с изорванными парусами и поломанной мачтой покачивалась на волнах. Брайс стоял на корме, отплевываясь от воды, цепким взглядом оценивая повреждения. Сломанная малая мачта и испорченные паруса – это еще не так плохо. Часть парусов удалось свернуть, и у них оставалась большая мачта. Конечно, «Хелессу» здорово потрепало, и второго такого шторма она не перенесет... Поврежденные ванты, вода в трюмах... Со всем этим можно продолжать плавание... Он еще раз длинно выругался. Люди толпились на палубе, усталые, оборванные, насквозь промокшие. Рэн стояла в стороне, зябко обхватив себя руками. Она бросила на Брайса тревожный взгляд. Он хмуро молчал. Потом прочистил горло.

– Нас здорово потрепал шторм. Но это не самая большая беда. Кто-то не спустил все бочки с пресной водой в трюмы. По чистой случайности за десять дней плавания не было шторма! И вы решили, что это увеселительная прогулка! Так вот, во время шторма мы потеряли почти все запасы воды!

Он обвел взглядом замерших людей. Девяносто семь человек смотрели на него.

– У нас осталось воды самое большее на пять-шесть дней... Если за это время мы не найдем хоть какой-нибудь клочок суши с пресной водой, «Хелесса» станет мертвым кораблем.

Брайс

После бури наступил мертвый штиль. Легкие ласковые волны плескались о борта «Хелессы», разбиваясь пенными брызгами. Но Рэн знала теперь, что море обманчиво, непостоянно и ревниво. Оно тут же отбирает все, что дает. Как Брайс может любить море? Она его ненавидела. И кругом, насколько хватает глаз, один и тот же однообразный пейзаж – живая, зыбкая вода.

Дни становились все жарче, и жажда мучила людей постоянно. Рэн, как и все, жадно припадала к грубой глиняной кружке, на дне которой плескалась мутная вода. Ее хватало на пару глотков, и потом она старательно собирала капли губами.

Прошло уже три дня, но ничего не изменилось, та же неоглядная волнующаяся гладь воды. Брайс заперся в капитанской каюте со старыми картами Южных морей. Трэйд угрюмо мерял шагами палубу. Он проклинал свою беспечность. Ведь, когда Брайс слег, корабль перешел под его управление. Но тревога за Рэн вытеснила все остальное, и команда оказалась предоставлена самой себе. Они пили, играли в кости, веселились, и никто не подумал о бочках, прикрученных веревками на палубе!

Рэн спустилась в каюту, но Брайс, казалось, даже не заметил ее присутствия. Хрупкие истончившиеся от времени свитки с самыми первыми картами морских путей Юга были разбросаны по полу, а сам он что-то лихорадочно чертил на одном из кусков пергамента. Она некоторое время стояла, наблюдая за ним. Почувствовав ее взгляд, Брайс поднял голову, его глаза победно блестели, и у Рэн отлегло от сердца. Он знает, как спасти их, никто не умрет! Иначе он не радовался бы так!

– Видишь вот эти точки? На новых картах их нет, потому что мореплаватели последних столетий не плавали дальше Южного Рога! Но эта карта... она нарисована еще в эпоху первых королевств! Эти точки – острова! Мы немного отклонились на запад, но все равно они очень близко! Острова, понимаешь! Мы, самое большее, в паре дней пути до них...

Люди воспряли духом, они с надеждой смотрели на Брайса, забыв, что он чужеземец и хейль. Брайс все время проводил на палубе или в каюте, рассчитывая, прокладывая путь. Для него это был вызов, и он с радостью принял его. Провести корабль там, где не плавали уже много столетий, обмануть стихию и рифы, снова победить!

Над ними раскинулось ясное безоблачное небо серо-синего цвета, словно подернутое дымкой, ни попутного ветра, ни даже легкого бриза... Брайс про себя выругался. «Хелесса» была оснащена двумя мачтами, но весел на ней было мало, ими пользовались в основном лишь при выходе из узкого Торгового пролива или для маневров в порту. Теперь команда села на весла, сменяя друг друга. «Хелесса» медленно и неохотно поворачивалась на юго-запад, к безымянным островам.

Рэн едва успевала перемолвиться с Брайсом парой слов. Он постоянно был кому-то нужен то на палубе, то в каюте, чтобы сверить с картой их путь, то на мачтах... Она видела, что Брайс измучен до предела, но упрямо не желал этого признавать. Несколько раз, когда никто не видел, Брайс в изнеможении цеплялся за борт и, тяжело привалившись к нему, стоял, пока

мир вокруг не переставал кружиться и исчезала дымка, подернувшая все вокруг. Но он твердил себе, что это пустяки, главное – найти эту проклятую сушу, а потом можно заняться и им.

Еще день прошел в томительном ожидании. По расчетам Брайса, они уже должны были увидеть острова, но вокруг было только неизменное море. Помощник Брайса, Арон Тиг, ходил хмурый, бормоча, что чужак ошибся, а они все глупцы, что поверили ему и отклонились далеко на запад в погоне за островами, которых никто не видел. Он был северянином, и на корабле к нему прислушивались. Ночью, тревожно щупая горячий лоб Брайса, Рэн сказала:

– Мне не нравится Арон Тиг... Он не доверяет тебе...

Брайс усмехнулся.

– Рэн, ни один из них ни капли не верит мне. Они видели, во что я превращался в вашем Убежище, и сколько бы я ни прожил рядом с ними, во мне будут видеть то чудовище... Они мирятся с моим присутствием, потому что я нужен им... Арон мне тоже не нравится, но он лучший моряк из всех, и мне не обойтись без него. Я не могу в одиночку провести корабль к островам...

– Не отказывайся от помощи Трэйда! Он хороший мореплаватель!

– Да, хороший... Но мне нужен Арон Тиг, он не боится риска, а мы здорово рискуем... Даже если мы найдем землю, пристать к незнакомому берегу может быть очень трудно. На той карте множество рифов, и нам надо молить всех богов, чтобы штиль продержался еще немного, иначе от «Хелессы» останутся только щепки...

Утром с большой мачты раздался пронзительный свист и крик: «Слева земля!» Люди высыпали на палубу, до боли в глазах вглядываясь в покрытое пеленой тумана море. Но вот сквозь эту молочно-белую пелену показались черные точки на горизонте, которые росли, приобретая очертания скал. Через несколько часов измученные люди увидели гористый, поросший чахлой растительностью остров. Он раскинулся на много лиг в стороны, море узким полу-месяцем врезалось в его берега и с гулким шумом разбивалось пеной о камни. Брайс стоял, тяжело опираясь на тросы, и победно смотрел, как стремительно приближаются невысокие бурые горы острова. Потом люди на палубе забегали, натягивая канаты, спуская лодки на воду. Умелые гребцы ловко обходили острые, отшлифованные водой камни, скрытые в пенной прибрежной полосе.

Брайс спрыгнул в воду, помог выбраться из качающейся лодки Рэн. Трэйд привязал лодку цепью к камню, и они посмотрели на остров, лежащий перед ними. Он казался мертвым и безмолвным, но потом они поняли, что в оглушающем плеске волн просто невозможно услышать никакие другие звуки. Брайс шагнул вперед по вязкому песку, сделал несколько нетвердых шагов, покачнулся и вдруг упал ничком в пенные брызги.

Сознание то возвращалось к нему, и тогда он слышал обрывки слов, шум деревьев, чувствовал капли дождя на разгоряченном лице, то он снова проваливался в бездну. Иногда он сознавал, что его несут на грубо связанных веревками носилках, над головой мелькали скрюченные ветви мертвых деревьев и редкие просветы, в которые видно было пыльное мутное небо. Воспаленные глаза резало от дневного света, и он устало закрывал их, чувствуя, как тьма подбирается все ближе, и не находя в себе сил противостоять ей.

Брайс пришел в себя на привале. Носилки не трясло, он лежал на теплой глинистой земле, прислушиваясь к многоголосому шуму природы, каким-то обостренным зрением видя насекомых, ползущих торопливо по сухим мшистым веткам, птицу, парящую высоко над ними, шелест ветвей на ветру... Рэн нежно приподняла его голову, и в воспаленное иссохшееся горло потекла живительная вода. Он жадно выпил все до дна. Это отняло много сил, и он минуту лежал молча, слушая, как скачет в груди обезумевшее сердце. Наконец он собрался с силами.

– Вы нашли пресную воду?

Рэн только покачала головой, и он все понял.

– Наши запасы были на исходе еще на корабле... Не трать на меня воду... Рэн...

Он с трудом приподнялся, стараясь заглянуть ей в лицо, но Рэн опустила голову, спутанные золотистые пряди упали ей на щеки. Брайс понял, что она плачет.

– Послушай... Я болен, не знаю, что со мной, но долго я не протяну...

Она вздрогнула, яростно замотала головой.

– Тебе нужно пить, чтобы выжить... Если ты не хочешь думать о себе, это сделаю я!

Наконец она подняла голову. Глаза были сухими, она с мрачной решимостью смотрела на Брайса.

– У нас еще есть вода. И ты не умрешь.

Через несколько часов Брайс впал в забытие и уже не чувствовал, как движутся носилки.

Остров оказался диким и негостеприимным. Люди выстроились цепочкой, с трудом продвигаясь по сырой глинистой почве, изборожденной огромными корнями старых деревьев. Чем дальше они шли вглубь острова, тем больше сухие изломанные ветви смыкались у них над головами, почти закрывая небо. Они упорно шли, хотя воды почти не осталось, ноги соскальзывали в размокшей глине, мокрые деревья, поросшие мхом, обступали со всех сторон... Они пересекли два моря, нашли землю там, где, казалось, ее быть не должно, и они не собирались теперь умереть от жажды.

Тяжелый влажный воздух с трудом входил в грудь, временами Рэн казалось, что она вот-вот задохнется... Еще на первом привале она без сожаления отрезала длинный подол платья, он вымок и тяжело волочился по грязи. Высокие сапоги спасали от воды, чавкающей под ногами, но она до крови стерла ноги. Закусив губу, она продолжала идти. А воды становилось все больше, затхлая стоячая жижа под ногами хватала за ноги, не пуская вперед.

На втором привале Рэн бережно поила Брайса, тайком вылив в бутылку и свою порцию драгоценной воды. Она слышала, как недовольно перешептываются за ее спиной северяне, подначиваемые Ароном Тигом. Особенно те, кто нес носилки. Когда все поняли, что вокруг болото, мужчины отказались и дальше тащить бредящего Брайса.

– Он уже умирает! Оставим его здесь... дороги он все равно не выдержит.

– Нет! – Рэн вскочила с земли, бросилась к Арону Тигу. Бородатый северянин, на две головы ее выше, опешил и растерянно молчал.

– Он спас ваши никчемные жизни уже дважды! Так что поднимайте носилки!

Арон Тиг пришел в себя, в конце концов перед ним была просто обезумевшая женщина, боявшаяся потерять любовника. Он пожал плечами.

– Отойди с дороги. Мы оставим его здесь.

Рэн беспомощно оглянулась, ища глазами Трэйда.

– Трэйд!

Он понял все, едва взглянув на нее. На ходу он вынул клинок, встал между ней и мужчиной.

– Ты слышал, что она сказала! Поднимайте носилки, привал окончен! Если не хотите, идите своей дорогой.

Долгую минуту они смотрели друг на друга, потом мужчины ухватились за деревянные перекладки. Брайс глухо застонал, когда один из них подскользнулся в зловонной жиже.

– Рэн! Держись ко мне поближе.

Рэн шла рядом с Трэйдом, то и дело оглядываясь на носилки и натываясь на тяжелый взгляд Арона Тига. Она больше не королева, выбрав Брайса, она стала для своих людей такой же чужеземкой, как и он. Трэйд молчал, но в глубине души он понимал северян. Он защищал Брайса ради Рэн, но тоже считал, что тот едва ли дотянет до следующего привала.

Измощенные дорогой, обезумевшие от жажды люди не сразу заметили тени, мелькающие среди деревьев. Вот совсем рядом по черной поверхности болота проскользнула одна узкая и длинная лодка, потом другая... Люди остановились, сбившись в кучку, они смотрели, как их окружают высокие белокожие люди на легких лодках. Мужчины вынули оружие, но Трэйд махнул рукой, запрещая обнажать клинки. С первой лодки на землю прыгнул высокий юноша. Он рассмотрел их всех, а потом произнес на общем языке:

– Следуйте за мной! Мы дадим вам воду и пищу... – он указал на лодки, еще раз внимательно посмотрел на Рэн и Брайса. – И лекарства, если они еще могут ему помочь.

Талисса

Рэн сидела на краю лодки, наблюдая, как несколько высоких белокожих юношей сильными, точными движениями длинных шестов направляют нос лодки. Она скользила по поверхности зеленой воды, умело обходя коряги и сплетенные корни деревьев. Украдкой она жала горячую руку Брайса. Слабая надежда не давала ей впасть в отчаяние, ведь незнакомец пообещал им помощь и лекарства. Брайс был без сознания, грудь тяжело поднималась и опускалась. Рэн ласково отвела со лба прядь мокрых спутанных волос. «Как жаль, что ты этого не видишь... Тебе бы понравилось.» Деревья над их головами сомкнулись подобно живому коридору, почти не пропуская свет. Но темно не было. Странное неясное свечение исходило отовсюду: от мощных стволов деревьев, камней и самой глади воды. Рэн изумленно оглядывалась по сторонам, ей казалось, они попали в зачарованный мир.

Наконец лодка будто вынырнула из зеленого коридора, и они оказались на открытом пространстве. Наверное, это было озеро, деревья все так же росли повсюду, закрывая небо, но теперь они обрамляли тусклую гладь водоема, по которому туда-сюда скользили узкие лодки болотных жителей. Рэн подняла голову и увидела, что по стволам деревьев, оплетая их, спускается множество веревочных лестниц. А на самих деревьях, прямо над водой, расположены небольшие домики с плетеными стенами и крышами. Из-за дверей выглядывали бледные узкие лица женщин и детей. Северяне все еще изумленно оглядывались вокруг, когда лодки причалили к бревенчатому настилу. Все тот же юноша почтительно помог Рэн выбраться из лодки и властно махнул рукой другим. Двое ловко подхватили носилки и перенесли Брайса. Северяне сбились в кучу, настороженно глядя на хозяев болота. Неизвестно, чего ждать от этих лесных жителей, но и убивать их никто не собирается, иначе зачем было везти их в свой город на деревьях. Проще было оставить измученных людей умирать на болоте. Рэн переглянулась с Трэйдом. Он был спокоен и ждал, когда появится тот, с кем можно будет говорить. Внезапно болотные жители затихли, все взгляды устремились на лодку, с которой спустилась высокая белокожая женщина с пронзительно-синими глазами. Она неторопливо приблизилась к странникам, пристально оглядела всех, задержав взгляд на Рэн.

Рэн стало холодно, она отвела глаза, ибо незнакомка пугала ее. Словно чувствуешь в голове, в самых потаенных мыслях, чье-то чужое присутствие, от этого неприятно покалывает кожу головы и ломит виски. Рэн яростно воспротивилась, но незнакомка сама отстранилась, будто натолкнувшись на что-то, что ее испугало или поразило. Она опустила глаза.

– Что вам понадобилась на наших землях? – глубоким певучим голосом спросила она.

– Мы потерпели кораблекрушение, – ответил Трэйд, – у нас кончилась пресная вода, когда мы нашли остров...

– Здесь не бывает кораблей, все морские пути лежат далеко на севере и востоке. Значит, вы бежали от кого-то в наши воды... – она слегка усмехнулась, не отводя пристального холодного взгляда от Трэйда. – Но это нас не интересует. Мы не воюем ни с кем, поэтому примем вас как гостей. От вас я потребую лишь одного за наше гостеприимство, расскажите о стране,

откуда вы пришли. Мы ведем летописи со времен Последней войны, но наши острова слишком далеко от остального мира, и сведения наши скудны.

Женщина нетерпеливо махнула подоспевшим женщинам, кивком указала на Брайса.

– Отнесите его в Большой дом. Я сама буду лечить его!

Рэн уцепилась за носилки.

– Я пойду с ними!

– Нет, никто кроме целителей, не может входить в Большой дом! Тебе и твоим спутникам нужно отдохнуть, вас проводят, – не дожидаясь ответа, женщина отвернулась и направилась к лодке. Рэн рванулась было к Брайсу, но Трэйд перехватил ее руку.

– Не надо, Рэн. Они не причинят ему вреда.

С неохотой она поплелась вслед за робкой девушкой, которую выдали ей в провожатые. Карабкаться по подвесным лестницам оказалось не так сложно, как ей казалось, к тому же отведенный ей дом был у самой воды. На деревянном полу лежали циновки, в углу плетеной хижины Рэн увидела кровать и без сил опустилась на нее. Девушка принесла воды и какие-то кушанья, но Рэн уже спала крепким сном. Она не проснулась даже тогда, когда в хижину вошла незнакомка. Она долго разглядывала спящую девушку со смесью благоговения и жалости на лице.

Потом она направилась в огромную хижину посреди озера. Глаза сощурились, привыкая к полутьме, царившей в Большом доме. Рядом с жертвенным огнем на циновке лежал умирающий. Глаза его были закрыты, но легкая тень постоянно пробегала по лицу. Слегка склонив голову она разглядывала чужеземца. Он был красив, тонко очерченное лицо, суровая складка между бровей, губы упрямо сжаты, даже в бреду он никого не звал... Талисса достала из складок платья кинжал и взяла безвольную руку мужчины. Точным движением она рассекла кожу и хмуро смотрела, как светлая, почти прозрачная кровь зазмеилась по запястью мужчины. Потом разожгла огонь, приготовившись к долгой ночи.

Брайс пришел в себя на закате. Он сел на жесткой постели, растерянно моргая. Тело плохо слушалось, его мутило и все плыло перед глазами. Потом он натолкнулся на испытующий взгляд незнакомки.

– Значит, ты не приснилась мне.

– А ты не спал, – ответила она, странно глядя на Брайса. – Тебя привезли почти умирающего от жажды и белой крови.

– Это еще что такое?

Женщина пожала плечами.

– Я не знаю... Эта болезнь пришла с запада, от темных людей... Но это было так давно, что все, кто мог лечить ее, умерли. Я не помню такого много лет.

– Значит, я умру.

– Умрешь, – согласилась женщина, – впрочем, есть еще жители пустыни, они искусные врачеватели... Если ты выдержишь дорогу, может, они и помогут тебе... я не могу.

– Но я чувствую себя здоровым! – Брайс потянулся, с наслаждением вдыхая воздух полной грудью. Женщина грустно смотрела на него.

– Считай это волшебством... Наше целительство основано на магии крови и силах окружающего нас мира. Но все мои способности могут дать тебе лишь немного времени, отсрочив смерть. На тебя наша магия не действует... Ты сможешь ходить, пить, есть, любить свою женщину, но это не исцеление...

Брайс встретился взглядом с женщиной и кивнул. Отсрочка... Он не боялся смерти, всю жизнь она ходит рядом. Они все должны были умереть еще в Дарлоге, во время штурма города... Но они живы, быть может, судьба сделает еще один подарок, а если и нет, то умереть рядом с Рэн – это не так уж плохо.

Утро наступило внезапно. Рэн порывисто села на узкой кровати, с трудом понимая, где она. За стенами хижины переговаривались незнакомые люди, лодки непрерывно причаливали и отплывали. Она хотела встать, когда заметила, что ее одежды нет. Рэн охнула, крепко прижимая грубое покрывало к груди и лихорадочно оглядывая комнату. На сундуке в углу лежала одежда, не ее, другая. Рэн минуту колебалась, разглядывая эти жалкие кусочки ткани, потом со вздохом принялась одеваться. Она не услышала, как в хижину вошла вчерашняя незнакомка.

– Вижу, ты готова, – с легкой усмешкой сказала она. – Меня зовут Талисса, я – целительница и летописец нашего народа.

– Где Брайс? Я не стану носить это... это... – Рэн замолкла, не находя слов. Вместо привычного платья на ней был крошечный лоскуток ткани, едва прикрывающий грудь, и легкая безрукавка. Тонкие полупрозрачные штаны с кожаным поясом были схвачены резинками. Рэн всунула босые ноги в сапоги, которые ей, хвала богам, оставили.

– Станешь. Твой мужчина серьезно болен, и я не в состоянии его вылечить. Вам нужно искать Белый Архипелаг. Это страна пустынь и кочевников, их еще называют Великими Целителями Юга. Лучших врачей нет. Но ты привлекаешь слишком много внимания своим диковинным нарядом. Золотоволосые девушки на Архипелаге ценятся очень высоко, тебе следует быть осторожней...

– Почему?

Женщина пожала плечами.

– Когда-то их вождям было предсказано, что женщина с волосами цвета расплавленного золота спасет их народ от Неживых...

– Неживые? Кто это? – в душе Рэн шевельнулось дурное предчувствие.

– Это неуязвимые свирепые воины, пришедшие с Запада... Они послушны только одному человеку, и их нельзя победить...

– Немерсис! – выдохнула Рэн.

– Их называют на Севере и так, – согласилась женщина. – Следуй за мной! Чужакам не позволено жить среди нас, но мы щедро делимся со странниками всем, что у нас есть: едой, водой и знаниями. Ты расскажешь мне о своей стране, а я укажу вам путь на Архипелаг...

Рэн отчаянно хотелось увидеть Брайса, собственными глазами убедиться, что он жив, как сказала Талисса, но она не смела послушаться. Она несколько часов просидела на циновке в хижине целительницы, рассказывая о Дарлоге, Гэльдоране, войне, Тимбаре... Талисса усердно писала на тонких шелестящих листах, и Рэн подумала, когда их не станет, останется история... В конце концов, это единственное, что остается...

Наконец Талисса выпрямилась, устало потерла глаза.

– У тебя необыкновенная судьба... На Архипелаге есть люди, способные намного больше, чем все остальные... Твоя мать была с Юга... возможно, даже с Архипелага... Твой Голос мог быть ее наследием... Лучше я не объясню. Мы тоже владеем некоторыми способностями... – Рэн вспомнила ощущение чужого присутствия в своих мыслях и вздрогнула. – Но они слишком слабы. Мы сознательно отказались от этого дара, и теперь он затухает из поколения в поколение.

– Если ты летописец, то должна знать что-то о Хранителях!

– Мой народ постоянно ведет Летописи! Но вынуждена тебя разочаровать, о Хранителях нам известно не больше, чем твоей Книге Легенд... Они обладали особыми способностями и могли повелевать Неживыми... Это были выходцы с Юга, но потом они расселились по всем уголкам нашего мира. У них были вещи, способные усиливать их дар, как правило, из серебра... Кто-то носил медальоны, кто-то серебряное оружие... Их было слишком мало, а последние десятилетия нет никого, кто бы видел хоть одного живого Хранителя.

– Значит, надежды нет!

Талисса пристально посмотрела на Рэн, и та ощутила, как сила невидимыми волнами окатывает ее.

– Нет, надежда остается, когда гибнет все другое. Запомни, надежда – это все, что у нас есть! А теперь тебе пора подкрепиться, я отняла много твоих сил.

Узкая лодка привезла их на тот же настил, где они были вчера. Рэн увидела северян, они сидели за длинным столом и ели. Трэйд удивленно выгнул бровь, увидев Рэн. На Севере и даже в Тимбаре не носили так мало одежды. Но Рэн этого не замечала. Она, едва касаясь земли, подбежала к Брайсу и крепко обвила его шею руками.

– Ты жив! У тебя нет жара! О боги! – она благодарно посмотрела на Талиссу, но та отвела глаза.

– Тебе идет этот наряд, – Брайс усмехнулся прямо ей в макушку, – хотя он куда откровеннее твоей ночной сорочки! Но если ты думаешь, что можешь просто так разгуливать в этом перед моим носом...

Рэн уткнулась в широкую грудь Брайса, пряча лицо, на котором полыхал румянец.

– Как ты думаешь, местная целительница не отведет нам отдельную хижину... Я соскучился по тебе... – но его перебила Талисса. Она громко сказала:

– После новолуния вы должны покинуть наши земли! Мы дадим вам провизию и воду!

– Но как мы найдем дорогу на Архипелаг?

– Я поеду с вами, – высокий юноша, сопровождавший женщину, хотел возразить, но она жестом остановила его. – Летописи будут точнее и подробнее, если я сама увижу все, о чем напишу. Дорога туда займет около десяти дней. – Она встретилась глазами с Брайсом. – Нам надо спешить!

Пустыня

Волны мягко разбивались о борта «Хелессы». Стоял мертвый штиль, и Рэн облегченно вздохнула. После шторма, пережитого в темном тесном трюме, она панически боялась бурь. Но море было теперь ласковое и тихое. Она отошла от палубы, невидящим взглядом окинула корму, бочки, мужчин, чинящих паруса... Три дня назад они отплыли от острова болотных людей. С этим местом Рэн рассталась без сожалений. Еще один клочок суши, который рано или поздно придется покидать в погоне за призрачной Амастридой... Иногда она думала, что страшится найти Землю обетованную. Вдруг она окажется лишь необитаемым мертвым островом или того хуже... Крушение надежды, сказала ей Талисса, самое страшное, что может произойти с человеком, и Рэн лелеяла эту надежду, боясь ее воплощения.

Вперед ее гнал и постоянный отчаянный страх а Брайса. Он был здоров и весел, но целительница сама настояла на отплытии на Архипелаг. Великие Целители Юга... Болотные люди говорили о них со страхом и благоговением. Но Рэн не боялась, она бы обратилась за помощью к самому Черному богу, если бы он существовал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.